

А.А. ЗАЛЕВСКАЯ

**ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКСПЕРИМЕНТА**

ТВЕРЬ 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

А.А. ЗАЛЕВСКАЯ

**ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКСПЕРИМЕНТА**

Монография

А.А. Залева

ТВЕРЬ 2011

УДК 81'23
ББКС100.23
323

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой психолингвистики и теории коммуникации Уфимского государственного авиационного технического университета *Т.М. Рогожникова*

Доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Брянского государственного университета *С.А. Чугунова*

Залевская А.А.

323 Значение слова через призму эксперимента: монография. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. - 240 с.

ISBN 978-5-7609-0685-4

В первой части книги обсуждаются вопросы методологии и технологии психолингвистического исследования лексики, обосновывается необходимость тесного взаимодействия теории и практики научных изысканий, кратко излагается психолингвистическая теория слова, рассматриваются различные экспериментальные процедуры.

Вторая часть книги посвящена многолетнему опыту экспериментальной работы: рассматриваются проблемы подготовки эксперимента и обработки его результатов, излагается опыт межъязыковых/межкультурных сопоставлений на материале ряда языков, описывается организация двухэтапного эксперимента по психолингвистическому портретированию лексики с использованием пяти исследовательских процедур на материале русского языка, функционирующего на ряде территорий России и за её пределами.

Книга полезна начинающим психолингвистам и всем интересующимся особенностями значения слова как достояния пользующегося языком человека - «живого знания».

УДК 81'23
ББКС100.23

ISBN 978-5-7609-0685-4

© Залевская А.А., 2011
© Тверской государственный университет, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

1.0.	Вводные замечания.....	12
1.1.	Методология: что это такое?.....	13
1.2.	Динамика общенаучных метафор и выбор базовой научной концепции.....	16
1.3.	Специфика слова как «живого знания».....	20
1.4.	Вопросы психолингвистической теории слова.....	24
1.5.	Живое знание и образ мира.....	30
1.6.	Роль признака в функционировании живого слова.....	45
1.7.	Живое слово и естественный семиозис.....	51
1.8.	Категориальное поле используемых терминов.....	61
1.9.	Выводы.....	64

Глава 2

ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.0.	Вводные замечания.....	65
2.1.	Место эксперимента в психолингвистическом исследовании.....	65
2.2.	Основные понятия и термины, фигурирующие в описаниях экспериментов.....	68
2.3.	Классификации экспериментальных методик.....	70
2.4.	Общие понятия теории психологических измерений.....	81
2.5.	Некоторые экспериментальные методики.....	86
	Индексирование степени ассоциативной связанности.....	87
	Теория графов и ассоциативные связи между словами.....	91
	Индексирование ассоциативного сходства слов.....	93
	Методика семантического дифференциала.....	95
	Методика семантического взаимодействия.....	103
	Субъективное шкалирование.....	104
	Сортировка слов по близости их значения и кластерный анализ.....	107
2.6.	Важность оперирования комплексом экспериментальных процедур.....	113
2.7.	Дополнительная информация.....	116
2.8.	Выводы.....	118

Раздел II

ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Глава 3

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И ОБРАБОТКИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ

3.0.	Вводные замечания.....	119
3.1.	Составление исходного списка слов.....	120
3.2.	Подбор коррелятов слов в сопоставляемых языках.....	124
3.3.	Подбор испытуемых и методика эксперимента.....	131
3.4.	Первичная обработка бланков.....	136
3.5.	Основные этапы анализа характера связи между исходным словом и ассоциативным ответом.....	138
3.6.	Обобщение результатов эксперимента.....	143
3.7.	Использование материалов АЭ при сопоставительном исследовании семантической структуры слов-коррелятов в ряде языков.....	150
3.8.	Сопоставление связей между словами в условиях различных культур ...	153
3.9.	Исследование ассоциативной структуры памяти.....	158
3.10.	Выводы.....	162

Глава 4

ЭКСПЕРИМЕНТЫ С НОСИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

4.0.	Вводные замечания.....	163
	ВОПРОСЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ / МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ	
4.1.	Ассоциативные поля коррелятов слова ЗЕМЛЯ в ряде языков.....	163
4.2.	Некоторые проявления специфики языка и культуры в материалах ассоциативных экспериментов.....	169
4.3.	Связи имплицативного типа в ассоциативном поле.....	178
	ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ	
4.4.	Рабочая гипотеза исследования.....	186
4.5.	Вопросы отбора слов для исследования.....	188
4.6.	Вопросы выбора экспериментальных процедур.....	192
4.7.	Участники экспериментов.....	194
4.8.	Первичная обработка бланков и проблема количества Ии.....	196
4.9.	Предварительные результаты исследования.....	205
	А.Сходство и расхождения «в пространстве»: анализ «по горизонтали».....	208
	Б.Расхождения «во времени»: анализ «по вертикали».....	210
4.10.	Выводы.....	213
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
	ЛИТЕРАТУРА	218

ВВЕДЕНИЕ

Мои первые публикации, связанные с использованием эксперимента, датированы 1966 годом, т.е. в общей сложности имеется 45-летний опыт работы в этой области. Много это или мало? По количеству лет это не так уж мало, но судить следует по характеру полученных результатов, а оценивать последние нужно в контексте общенаучной динамики ситуаций постановки целей, выбора экспериментальных методик, опоры на определённую теорию. Следует особо подчеркнуть, что экспериментальные исследования в области лексики были начаты мною в 60-е гг. прошлого века в Алма-Атинском институте иностранных языков (ныне это Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана) в связи с задачами повышения эффективности обучения иностранному языку в условиях взаимодействия двух (русского и английского) и трёх (казахского, русского и английского) языков. Это определило характер базовой цели всех моих последующих исследований в плане ориентации в первую очередь на пользующегося языком человека.

Именно с этих позиций были осмыслены результаты работы по установлению количества информационной нагрузки новых иноязычных слов для принятия решений о величине шага при программном обучении иностранному языку (см.: [Залевская 1966а, 1966б]). Дело в том, что с признанием в нашей стране роли кибернетики и провозглашением тезиса, согласно которому уровень развития науки определяется тем, насколько она использует понятия теории информации и математические методы, стали весьма актуальными работы в области составления частотных словарей, вероятностного прогнозирования, программированного обучения всем предметам, в том числе - иностранным языкам. Однако практика применения названных и подобных им идей показала, что механистическое приложение понятий кибернетики и информатики в гуманитарных науках недопустимо, и в решении вопроса о возможностях применения некоторой единицы для измерения количества информации в приложении к реальным психическим процессам, к числу которых относится пользование естественным языком (т.е. при выборе: «бит» или «не-бит»), следует в принципе

исходить из специфики исследуемого объекта, а в данном случае — из того, какую значимость имеет воспринимаемая индивидом информация для него как представителя вида и как личности в определённых ситуациях естественного и социального окружения и взаимодействия (см.: [Залевская 1967б]). Поэтому мною был проведён эксперимент, описанный в публикации [Залевская 1967а] и убедительно показавший прямую зависимость степени трудности нового иноязычного слова не только от специфики воспринимаемого студентом слова, но и от характера предшествующего опыта самого обучаемого, и от возможностей использования им тех или иных опор в ситуации учебного двуязычия, что потребовало исследования особенностей некоторых психических процессов с акцентированием внимания на ассоциативной структуре памяти. При этом были сделаны выводы о необходимости координированной работы лингвистов, психологов и методистов в целях решения актуальных задач повышения эффективности обучения языкам.

Подчеркну, что речь в данном случае шла об актуальности совместных усилий для разработки комплексной теории овладения вторым (иностраным) языком в отличие от простого «сложения» результатов рассмотрения языка с позиций трёх названных наук. Это в дальнейшем привело меня к обоснованию важности интегративного подхода к исследованию языка как достояния индивида (см., например, [Залевская 1981, 2003в]): при таком подходе должен иметь место эффект эмерджентности, обеспечивающий новое видение исследуемого объекта и переход науки на новый уровень с большей объяснительной силой за счёт максимальной опоры на выявленные особенности такого объекта и на учёт вытекающих отсюда следствий.

С осени 1969 года осмысление ранее полученных материалов и дальнейшие экспериментальные исследования проводились мною в Тверском государственном университете (до 1971 года он был Калининским государственным педагогическим институтом) с расширением круга рассматриваемых проблем.

Увязывание трудности нового слова с особенностями психической деятельности осваивающего второй или третий язык субъекта обучения вылилось в проведение экспериментов, результаты которых анализировались и интерпретировались по ряду направлений. К числу основных направлений относятся следующие:

- изучение специфики взаимодействия языков в условиях овладения иностранным языком [Залевская 1968а, 1969а];
- выявление особенностей ассоциативной структуры памяти [Залевская 1968б, 1969а, 1970; Zalevskaya 1969, 1972, 1976];

- сопоставительный анализ семантической структуры слова в разных языках [Залевская 1969б, 1971в];
- обнаружение национально-культурной специфики вербальных ассоциаций [Залевская 1977а, 1977б: 1978б, 1979, 1987а, 1988а, 1996а, 1996б, 2000а, 2000б, 2001б, 2003б, 2009б, 2010г, 2010е; Zalevskaya 1977а, 1977в];
- исследование структуры языкового знака при двуязычии [Залевская 1978г, 1996в];
- выявление и измерение степени проявления эмоционально-оценочной составляющей значения слова [Залевская 1989в, 1990б, 1990в];
- описание и объяснение структуры ассоциативного поля [Залевская 1975а, 1977а, 1989а, 1989б];
- обнаружение принципов организации ментального лексикона [Залевская 1975б, 1977а, 1978а, 1980];
- установление и объяснение роли признаков в функционировании слова у индивида [Залевская 1991а, 1992а, 1992б, 1996б, 2001б];
- моделирование процесса понимания текста и роли слова в этом процессе [Залевская 1988б, 1997б, 2001а];
- исследование динамики значения слова во времени и пространстве [Залевская 1994а, 1995а, 1995б, 2010б, 2010в, 2010д, 2011в].

С самого начала мною делались попытки осмыслить целый ряд вопросов теории и практики экспериментального исследования. Первыми значительными в этом отношении работами явились статьи [Залевская 1971а, 1971б], где ставились под сомнение традиционно принятые в то время в качестве истины в последней инстанции выводы по результатам анализа ассоциативных связей, выявленных на материале экспериментов с носителями английского языка и механистически переносимых на эксперименты с носителями других языков. Сопоставление результатов моих экспериментов с носителями русского и трёх тюркских (казахского, киргизского, узбекского) языков¹ с ранее опубликованными материалами аналогичных экспериментов с носителями английского и польского языков показало недостаточность анализа только высокочастотных ассоциативных реакций, механического сопоставления уровня стереотипности реакций у носителей разных языков, формального анализа парадигматических и синтагма-

¹ Материалы названных свободных ассоциативных экспериментов на материале 111 слов-коррелятов опубликованы в [Залевская 1971г, с.63-119]. Следует отметить, что в каждой из экспериментальных групп было по 100 испытуемых, в то время как в «Словаре ассоциативных норм русского языка» [1977, с. 60] ошибочно указано, что в группе русских их было «примерно 50» (на самом деле приведённый в названном источнике показатель относится к количеству разных слов, полученных на каждое исследуемое слово).

тических связей и т.д. К сожалению, аналогичная картина имеет место и в настоящее время, что делает актуальным воспроизведение в этой книге первой из названных выше статей, поскольку в ней рассмотрены вопросы составления исходного списка слов, подбора коррелятов в исследуемых языках, выбора испытуемых и экспериментальной процедуры, первичной обработки бланков, основных этапов анализа связи между исходным словом и полученной ассоциативной реакцией, обобщения результатов эксперимента, использования материалов такого исследования в различных целях (в том числе для выявления семантической структуры слов-коррелятов, специфики ассоциативных связей в условиях различных культур, исследования ассоциативной структуры памяти, использования результатов ассоциативного эксперимента в связи с задачами обучения второму/иностранному языку). Вопросы, поставленные в этой статье, за истекшие 40 лет не потеряли своей злободневности; они особенно важны для начинающих исследователей, которые могут также ознакомиться с дальнейшим обобщением результатов экспериментальной работы в книгах: [Залевская 1979,1982,1983а, 1990а].

По ходу исследований менялся состав используемых экспериментальных процедур: вначале это был свободный ассоциативный эксперимент, в том числе в сочетании с немедленным (сразу после записи ассоциативных реакций) и отсроченным (через две недели) свободным воспроизведением исходных слов (см., например: [Залевская 1969а, 1971а]); затем добавились направленный ассоциативный эксперимент [Залевская 1972] и субъективное шкалирование [Залевская 1989в, 1990б, 1990в]; в настоящее время используется набор из пяти экспериментальных процедур, именуемый психолингвистическим портретированием лексики и включающий два варианта ассоциативной методики, субъективное шкалирование и две процедуры дефинирования [Залевская 1994а, 1995а, 1995б, 2010б, 2010в, 2010 д, 2011в].

Попытка осмыслить исследовательский потенциал различных экспериментальных процедур была сделана во второй части книги «Проблемы психолингвистики» («Эксперимент в психолингвистике» [Залевская 1983а, с. 59-116]), где приводятся мк-соображения относительно роли и специфики эксперимента, используемого в психолингвистическом исследовании; рассматриваются основные понятия и термины, фигурирующие в описаниях экспериментов, принципы классификации экспериментальных методик, общие понятия психологических измерений и некоторые экспериментальные процедуры с фокусированием внимания на важности использования комплекса экспериментальных методик, отвечающих объекту исследования, его цели и, конечно, определённой базовой теории. Представляется важным привести ныне сокращённый вариант этой публикации в сопровождении параграфа «Дополнительная информация», в котором

высказаны соображения относительно некоторых новых тенденций в организации экспериментальных исследований лексики.

Для анализа экспериментальных материалов и интерпретации выявляемых фактов и закономерностей необходима опора на некоторую «систему координат» - базовую теорию. Первоначально я пыталась последовательно исходить из представлений системно-структурной лингвистики, фокусируя внимание на особенностях семантической структуры слова как единицы лексико-семантической системы языка. Однако по мере работы с экспериментальным материалом становилось всё более очевидным, что единица внутреннего (ментального) лексикона и описание слова в традиционном словаре различаются по ряду параметров. Например, описываемые в единой статье словаря лексико-семантические варианты одного и того же полисемантического слова у индивида скорее всего хранятся *раздельно* в составе специфических систем связей (образов, ситуаций, эмоционально-оценочных переживаний); парадигматические и синтагматические связи в лексиконе устанавливаются на *уровне смыслов* независимо от формальных показателей принадлежности к одной и той же или к разным частям речи; единицы лексикона организованы по множеству принципов (оснований), только часть которых описывается с позиций лингвистики.

Такие и подобные им раздумья уже первого десятилетия экспериментальной работы привели меня к убеждению в том, что интерпретация получаемых данных требует принципиально новой теории слова как достояния пользующегося языком человека (такая теория была предложена в 1977 году и уточнялась в последующие годы, см.: [Залевская 1977а, 1978в, 1985, 1987б, 1990а, 1997а, 1999а, 2005а, 2007а]). Это потребовало выхода на общую теорию знания для разработки концепции специфики индивидуального («живого») знания с акцентированием внимания на роли образа мира при целостном функционировании индивида посредством взаимодействия его тела и разума, осознаваемого и неосознаваемого, известного и эмоционально-оценочно переживаемого [Залевская 1992а, 2007а, 2007б, 2009а, 2009в, 2010а]; при этом указывалось на отличия индивидуального знания от продуктов научного описания коллективного знания, зарегистрированного в текстах, словарях и грамматиках.

В соответствии с разрабатываемой теорией ещё в 1970-е годы мною было дано обоснование необходимости анализировать полный корпус экспериментальных материалов (в составе которого значим каждый единичный факт) и фокусировать внимание не на словах как таковых, а на моделях связей между тем, что предлагается испытуемым, и тем, что от них получено. С опорой на моделирование речемыслительной деятельности человека (от внешнего или внутреннего пускового момента до конечного этапа фонации, с учетом множественных петель обратной связи) указывалось, что интерпретация выявляемых связей должна проводиться че-

рез призму процессов, которые могли привести к регистрируемым в эксперименте продуктам вербальной манифестации глубинных связей и отношений; при этом решающую роль играет то, как было идентифицировано (опознано) исходное слово, в какую систему связей оно оказалось включенным, «высвечивая» тем самым определённый ракурс переживания именуемого словом объекта как знакомого со всеми его качествами, связями и отношениями при возможном акцентировании определённого признака или ситуации.

Была также продемонстрирована недопустимость прямого соотнесения слов разных языков даже при полном совпадении их словарных дефиниций, откуда вытекает требование при межъязыковых сопоставлениях трактовать слова как корреляты, но не эквиваленты, а также учитывать типологические различия исследуемых языков, возможность автоматизированного включения идентифицируемых слов в устойчивые словосочетания, влияние популярных на момент проведения эксперимента событий, фактов, контекстов и т.д. Большое внимание было уделено важности использования определённого набора исследовательских процедур как условия разностороннего похода к рассматриваемому явлению и средства повышения надёжности получаемых результатов.

Однако эти и некоторые другие не менее важные положения почему-то далеко не всегда принимаются во внимание современными экспериментаторами, а в некоторых случаях - открываются заново. В многочисленных публикациях по результатам экспериментов чаще всего имеет место игнорирование требования последовательной опоры на одну и ту же теорию от формулирования рабочей гипотезы через обоснование выбора исследовательских процедур, отвечающих этой теории и задачам научного изыскания, до анализа и интерпретации получаемых материалов. Более того, проведя психолингвистический эксперимент, некоторые исследователи анализируют полученные материалы с позиций лингвистической теории, ориентированной на иной объект - лексико-семантическую систему языка, а не на слово как достояние индивида.

Возникает вопрос: какова ныне ценность результатов исследований, проведённых в докомпьютерную эпоху? Не выглядят ли такие работы своеобразными динозаврами на фоне возможностей, предоставляемых современными информационными технологиями? Думаю, что ответ на этот вопрос следует разделить на две составляющих.

Если речь идет о технологических проблемах, так или иначе связанных с подготовкой экспериментальных бланков, обработкой и хранением экспериментальных материалов, быстрым поиском и извлечением нужных данных, их использованием в различных целях и т.п., то, несомненно, за последние десятилетия мировая наука сделала значительный рывок вперед. Однако чаще всего фактически ситуация оказалась сопоставимой с

переведением традиционных печатных словарей в электронный формат: формат стал иным, а суть от этого не изменилась. Подобно этому, при обсуждении материалов, извлечённых из электронных баз данных и обрабатываемых по новейшим компьютерным программам, речь по-прежнему ведётся о частотности ассоциативных связей, разграничении парадигматики и синтагматики по внешним показателям и т.п. Замена терминологии на более модную (типа «концептуальный анализ») создает видимость научного прогресса, но мощный потенциал новейших информационных технологий остается не реализованным (идёт стрельба из пушек по воробьям...).

В этой ситуации вполне очевидно, что решающей оказывается вторая составляющая ответа на поставленный выше вопрос, а именно - методология как система координат, отвечающая объекту, предмету и целям исследования (о чем нередко забывают и отечественные, и зарубежные исследователи). Только благодаря сочетанию новых информационных технологий с базовой теорией такого типа можно перейти на более высокий уровень научных изысканий через решение фундаментальных теоретических проблем.

Сказанное выше побудило меня подготовить к печати подборку материалов из некоторых моих публикаций (том числе - ранних). В эту книгу входят работы, посвященные проблемам методологии и технологии психолингвистического исследования, опыту межъязыкового сопоставления экспериментальных материалов и возможностям применения определённого набора исследовательских процедур для психолингвистического портретирования лексики (подробное освещение хода и результатов этого текущего экспериментального исследования планируется в отдельной книге после обработки полного массива полученных материалов). При редактировании отобранных фрагментов текста учитывалось, что начинающий исследователь обязательно столкнётся с необходимостью решения ряда теоретических проблем и чисто технических вопросов, к рассмотрению которых важно подходить с позиций конкретных условий и ситуаций. Поэтому я пыталась показать, какое направление рассуждений возможно в тех или иных случаях, какие факторы и особенности текущего момента следует учитывать и т.п. Насколько это мне удалось - судить читателям.

Эта книга предназначена в первую очередь начинающим исследователям, поэтому в воспроизводимых текстах оставлено обсуждение весьма частных вопросов работы с экспериментальным материалом, что может быть излишним с точки зрения опытных учёных. Подчеркну также, что основная задача этой книги - фокусировать внимание на большом теоретическом и практическом потенциале экспериментальных исследований лексики, ориентированных на последовательный учёт двойной жизни значений и на изучение специфики слова как «живого знания» со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Раздел I
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава I
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ¹

1.0. Вводные замечания

Актуальность обсуждения проблем методологии науки определяется тем, что само понятие методологии в последнее время стало расплывчатым и неопределённым. Это объясняется рядом причин. Полагаю, что особую роль при этом сыграли два важнейших фактора, непосредственно связанных, с одной стороны, с ситуацией в нашей стране, а с другой - с тенденциями развития мировой науки.

Так, в Советском Союзе с методологией всё было ясно и просто: в основе любого научного исследования должны были лежать марксистско-ленинская философия и диалектический метод. В новой России это прокрустово ложе сменилось возможностью сметь свое суждение иметь, что во многих случаях привело к сочетанию в одном и том же исследовании плохо согласующихся или даже противоборствующих научных подходов. Это особенно очевидно в авторефератах кандидатских и даже докторских диссертаций, где нередко при определении теоретических основ реферируемого исследования приводится обширный перечень концепций и фамилий, не позволяющий составить представление о какой-то базовой теории (или хотя бы ведущей идее), направляющей весь ход работы и обеспечивающей единую систему координат как для критического анализа публикаций по рассматриваемым проблемам, так и для проведения собственного научного изыскания.

В то же время мировая наука прошла длинный и трудный путь от единой науки - философии - через дифференциацию и узкую специализацию к интеграции наук, от поиска «объективной истины» и недопустимости отклонений от провозглашенных «истин в последней инстанции» к признанию возможной мультипарадигмальности науки, правомерности существования разных научных школ и концепций, с определённых позиций рассматривающих один и тот же объект (см. подробно: [Залевская 2007а]). Переход от «классической» стадии развития науки к «неклассической» и далее к «постнеклассической» в сочетании с требованием целостного рас-

¹ В основу начала этой главы легла статья [Залевская 2011а] с уточнениями и дополнениями. Актуальность обсуждения вопросов методологии подтверждается появлением в последние годы публикаций типа [Стернин 2008; Карлинский 2009; Пищальникова 2010; Пищальникова и др. 2010].

смотрения человека в контексте естественного и социального окружения привёл к необходимости того, что стали называть «синтезом когнитивных практик» (см., например, [Микешина 2009]), позволяющим разносторонне описывать исследуемый объект.

В этой ситуации возникает вопрос: как в создавшихся условиях избежать возможного эклектического сочетания всего и вся? Думается, что необходимо наличие некоторой глобальной общенаучной метафоры, которая смогла бы выполнить функцию своеобразного аттрактора, направляющего творческий синтез разнообразных когнитивных практик как важное условие формирования платформы для возникновения феномена эмерджентности и получения искомого продукта - нового знания, нового видения исследуемого объекта, обеспечивающего дальнейшее развитие теории и её переход на последующий уровень с более высокой объяснительной силой.

Хочу поделиться некоторыми раздумьями в связи с поставленным вопросом и высказать предположение относительно роли одной общенаучной метафоры, актуальной для развития гуманитарных наук в ближайшем будущем. Для этого представляется важным для начала рассмотреть современные трактовки понятия «методология» и некоторые связанные с этим понятием вопросы.

1.1. Методология: что это такое?

Обращение к авторитетным источникам показывает, что общее понятие «методология» увязывается прежде всего с некоторым набором ведущих принципов и способов организации деятельности, которые направляют предпринимаемое исследование. Сопоставим некоторые определения этого понятия.

«МЕТОДОЛОГИЯ - учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека» [Новейший философский словарь 2003, с. 628].

«МЕТОДОЛОГИЯ - система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. Воплощается в организации и регуляции всех видов человеческой деятельности.

Это понятие используется с несколько разными оттенками по отношению к различным видам и уровням деятельности. В целом М. определяет принципы, которыми должен руководствоваться в деятельности человек. Функция её двояка, она позволяет описать и оценить деятельность с точки зрения внутренней организации, а также в её рамках вырабатываются рекомендации и правила - те нормы, которыми следует руководствоваться в своей деятельности» [Новейший психологический словарь 2006, с. 277-278].

«МЕТОДОЛОГИЯ ... в языкознании - учение о принципах исследования в науке о языке» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 299].

«... методология науки, в частности методология психологии, - это тот основной объяснительный принцип или система принципов, которым (которой) руководству-

Таблица 1.1

Уровень	Специфика	Примеры
Уровень философской методологии	Философия выполняет в конкретной науке двоякую роль: а) определяет статус и границы научного знания; б) даёт мировоззренческую интерпретацию результатов науки с точки зрения той или иной картины мира	Теория научного познания Онтология как учение о бытии Определённое представление о человеке в его взаимосвязи с миром
Уровень общенаучной методологии	<i>Междисциплинарные</i> концепции, безразличные по отношению к конкретным типам предметного содержания <i>Логико-методологические</i> концепции, выполняющие функцию логической организации и формализации специально-научного содержания	Теория ноосферы В.И. Вернадского Универсальные концептуальные системы типа общей теории систем Л. фон Берталанфи Структурализм в ряде гуманитарных наук
Уровень конкретно-научной методологии	Применяется к ограниченному классу объектов и познавательных структур, специфичных для данной области знания	

ется и который (которую) проводит учёный в своей научной деятельности, последовательно прилагая его или её на всех уровнях анализа, от "верховнейших" теоретических основ до терминологии» [Леонтьев А.А. 2008, с. 348].

Уточним, что под ПРИНЦИПОМ понимается «основное, исходное положение какой-либо теории, учения и т.д.; руководящая идея, основное правило деятельности» [Новейший психологический словарь 2006, с. 413]. Однако общее понятие методологии не ограничивается принципами и способами организации исследовательской деятельности; избранная учёным методология должна способствовать поиску ответов на более широкий круг вопросов, что побуждает подразделять её на две части:

«Применительно к конкретной науке методологический анализ включает также ответы на вопросы о предмете науки, в том числе о критериях, отграничивающих её предмет от предмета смежных с ней наук; об основных методах данной науки, о строении её концептуального аппарата. К методологии относятся также анализ используемых в науке объяснительных принципов, её связей с другими науками, критический анализ получаемых результатов, общая оценка уровня и перспектив развития данной науки, и ряд других вопросов» [Корнилова, Смирнов 2006, с. 12]. «... методология может подразделяться на две части: учение об исходных основах (принципах) познания и учение о способах и приёмах исследования, опирающихся на эти основы» [цит. раб., с. 11].

Основную суть приведённых определений представляется возможным представить наглядно с помощью схемы (см. рис. 1.1).

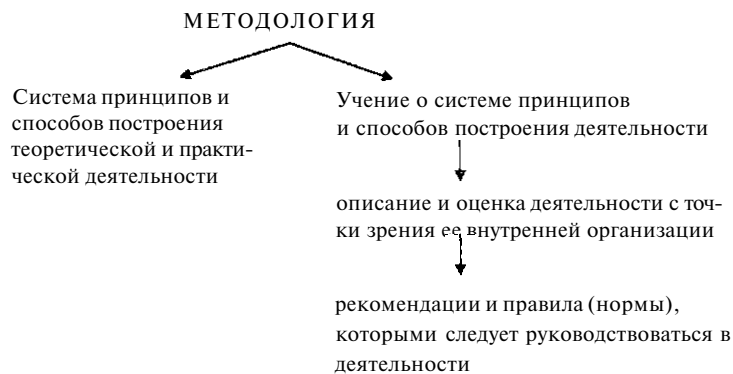

Рис. 1.1

При рассмотрении структуры методологии науки «по вертикали» в ней разграничивают несколько уровней методологического анализа. Выделенные А.А. Леонтьевым уровни такого анализа, сопровождаемые указаниями на специфику каждого уровня и возможными примерами, систематизированы мною в табл. 1 (по: [Леонтьев А.А. 2008, с. 350-351]).

В отличие от этого Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов [2006, с.12] рассматривают четыре уровня методологического анализа, добавляя уровень «методики и техники исследования». Заметим, что именно такой уровень анализа обычно имеется в виду в англоязычных публикациях при использовании термина *methodology*, а это приводит к представлению о том, что методология сводится к технологии исследования. Однако методология и технология научного изыскания должны органично взаимодействовать: методология как система принципов и способов теоретической и практической деятельности направляет выбор исследовательских процедур, анализ и интерпретацию получаемых результатов, которые, в свою очередь, способствуют совершенствованию базовой теории. Такое взаимодействие отображено на рис. 1.2, построенном мною с опорой на работу [Петровский, Ярошевский 2003, с. 36-38]).

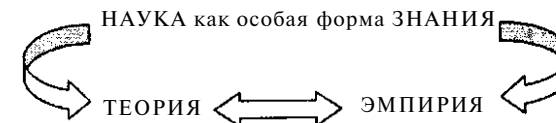

Рис. 1.2

Таким образом, фактически в настоящее время имеются два омонима, выступающие как толкования общего понятия методологии:

МЕТОДОЛОГИЯ¹ - базовая теория (далее - М¹);
 МЕТОДОЛОГИЯ² - исследовательская технология (далее - М²).

Теперь мы можем перейти к обсуждению того, как на уровне общенаучной методологии может в современных условиях решаться вопрос о выборе междисциплинарной концепции, способной обеспечить органичное взаимодействие между М¹ и М².

1.2. Динамика общенаучных метафор и выбор базовой научной концепции

История развития мировой науки позволяет проследить динамику глобальных идей, воплощённых в общенаучных метафорах, которые направляли выбор М¹ и М² в разные периоды времени. В работах [Залевская 2007а, 2009в] прослежены переходы от «машинной» метафоры через «информационную» и «компьютерную» к популярной ныне «мозговой» метафоре и далее к всё более завоевывающей передовую позицию метафоре «живое знание».

Такое положение вещей представляется прямо связанным с тенденцией развития гуманитарных наук, ищущих пути перехода от декларирования роли «фактора человека», «антропоцентрического подхода» и т.п. к изучению сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, обеспечивающих адаптацию человека как представителя вида и как личности к реальному условиям естественного и социального окружения. Становится всё более очевидным, что решение такой задачи невозможно в рамках отдельных наук, отягощенных устаревшими постулатами, нередко переходящими в статус предрассудков, плохо согласующихся с результатами исследований в смежных науках. Уходят в прошлое и представления о достаточности так называемого «стыка» наук, зачастую приводящего к ситуации «сидения на двух стульях» без получения действительно новых результатов и с риском оказаться в плюсквамперфектном состоянии науки. На передний план выходит стремление к интеграции наук, ориентированной на целостное рассмотрение человека, которое может быть достигнуто не только за счёт тесного взаимодействия ряда гуманитарных наук, но и с привлечением идей и результатов исследований в естественных науках. Чтобы фокусировать внимание на современной тенденции к интеграции наук при целостном исследовании человека мною несколько доработан рисунок, который с целью демонстрации роли философии даётся в книге Х. Хофмайстера [Хофмайстер 2006, с. 48] (см. рис. 1.3).

Заметим, что за последние годы произошел мощный прорыв естественнонаучных идей в сферы, которые ранее не мыслились как интересные не только для «физиков», но и для «лириков». Можно привести следующие примеры, непосредственно связанные с наукой о языке.

Рис. 1.3

В качестве новой междисциплинарной парадигмы выступает «биология познания», начало которой положено работами чилийских нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы (см., например, [Матурана, Варела 2001; Maturana http]). Человек - это живая система, познающая мир в естественном и социальном окружении, а язык у человека - не просто средство коммуникации. Стремление учёных понять и объяснить роль языка в процессах познания и адаптации приводит к разработке новых теорий языка и значения слова. Из разработок последних лет можно назвать хотя бы единую биокультурную теорию значения Й. Златева [Златев 2009], биологическую философию с детальным анализом связанных с языком ментальных процессов Й. Хеллевига [Hellevig 2010], теорию значения как значимости П.П. Дашинимасовой [Дашинимасова 2010а, 2010б].

Заметим, что новейшие теории языка строятся с неизбежным выходом за рамки лингвистики. В этой связи полезно вспомнить высказывание Вяч. Вс. Иванова о том, что в эпоху глобализации отдельный человек «представляет собой часть ноосферы и не может быть от нее изолирован» [Иванов 2010, с.7]. Представляется важным подчеркнуть, что интегративный подход должен учитывать функционирование человека на пересечении четырёх взаимодействующих сфер, представленных мною на рис. 1.4.

Всё более широко в арсенал ведущих междисциплинарных идей встраиваются идеи синергетики и теорий хаоса, понятия фрактала и т.п., позволяющие по-новому увидеть и объяснить специфику функционирования языка у пользующегося им человека. Так, оправдывается прогноз, сделанный в работе [Пищальникова, Герман 2000] относительно тенденций

развития лингвосинергетики. Только на кафедре английского языка Тверского госуниверситета за последние годы выполнен ряд исследований с привлечением идей названных выше естественнонаучных подходов (см., например, [Клюканов 2010; Федурко 2008; Чернышева 2010]).

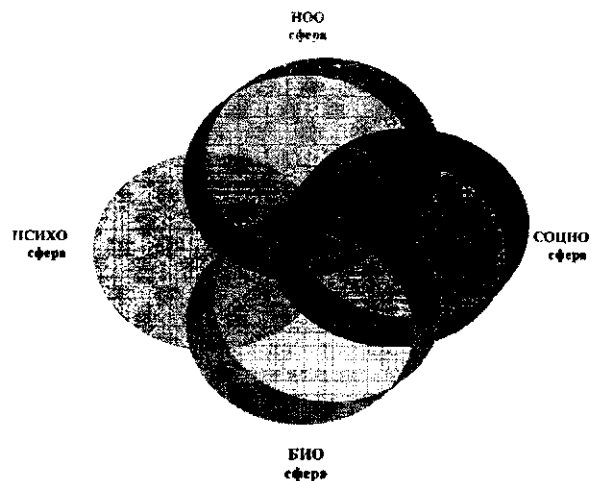

Рис. 1.4

Имеются также примеры попыток дать объяснение специфики функционирования языка у человека с использованием метафор, актуальных для физики. Так, авторы статьи [Turvey, Mogeno 2006] полагают, что физические метафоры откроют двери для новых методов, принципов и способов описания ментального лексикона и будут способствовать усилению внимания к ментальному лексикону как заслуживающему применения самых перспективных научных идей (см. обсуждение: [Залевская 2006]).

Особый интерес для науки о языке представляет работа Вяч. Вс. Иванова [Иванов 2010], где дается обзор уже имеющихся примеров продуктивного взаимодействия естественных и гуманитарных наук и фактически обосновывается важность соединения исследований «макромира, микромира и человека как части общества и культуры» (см. также подборку высказываний разных авторов о глубинной связи между физическими и гуманитарными дисциплинами [Клюканов 2010, с. 220-221]).

Несомненно, для реализации поставленных выше задач необходимы совместные усилия представителей различных областей науки, и построение комплексной науки о человеке - дело будущего, вполне возможно - не такого уж близкого. Но что же требуется уже теперь?

Прежде всего - необходимо понять, что достижения лингвистики XX века, при всех их достоинствах, оправданны и успешны только в рамках разработанных в своё время «систем координат» - ведущих принципов и форм организации научного изыскания, нацеленного на соответствующим образом определённый объект - язык, под которым в первую очередь понимается семиотическая (знаковая) система [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 604]. Однако в начале третьего тысячелетия имеет место переориентация на иначе понимаемый объект, а именно - на язык как достояние человека, который трактуется как живая динамическая самоорганизующаяся система, адаптирующаяся к естественной и социальной среде через познание и общение в условиях взаимодействия биосферы, психосферы, социосферы и ноосферы. Вполне очевидно, что такое изменение ситуации в науке требует определённой динамики того, что выше было обозначено как M^1 и M^2 .

Понятно также, что разработка новой методологии, как и новой технологии исследований, требует времени и не может быть продуктом скороспелых решений. Однако на сегодняшнем этапе возможно выделение некоторой базовой идеи, способной служить своеобразным аттрактором, направляющим поиск путей для разработки новых концепций и исследовательских процедур для перехода науки о языке на иной уровень, повышающий её объяснительную силу в рамках задаваемой системы координат. Выражаю уверенность в том, что такой базовой идеей может служить метафора «живое знание», отвечающая ведущей тенденции развития мировой науки о человеке.

Хочу подчеркнуть, что тем самым после многолетнего отхода от традиций отечественного языковедения, в своё время упрекаемого в «психологизме в языкознании», и безоговорочного принятия идей структурной лингвистики (которая постепенно потеряла атрибут «структурная» и стала «лингвистикой вообще» со всеми вытекающими отсюда следствиями) на новом уровне осуществляется возврат к некоторым идеям наших учёных (в первую очередь - А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы), неоднократно указывавших на необходимость разграничивать категории языковедения как научные абстракции и реальную жизнь языка пользующегося им человека (см. подробное обсуждение этого вопроса: [Залевская 2010a]). Однако это не означает отрицания значимости полученных ранее результатов: речь идет лишь о важности понимания мультипарадигмальности современной науки и возможности выполнения исследований с позиций разных точек зрения («систем координат», «исходных ориентиров»). Иными словами, при различных научных подходах к исследованию языка должен быть чётко определён объект каждого из них, например:

ОБЪЕКТ¹ - язык как семиотическая система;

ОБЪЕКТ² - функционирующая у носителя языка семиотическая система.

Каждый из названных объектов заслуживает специального исследования; они не могут сопоставляться по принципу «лучше - хуже» и т.п., как и не может быть признан или квалифицирован как единственно «правильный» ни один из них (попутно замечу, что человек, ведущий дискуссию по принципу «есть два мнения - моё и неправильное», теряет право считаться серьёзным учёным).

Представляется также важным при определении общего направления исследования учитывать ведущие тенденции в развитии мировой гуманитарной науки. Так, А.А. Леонтьев рассматривает следующие ключевые идеи культурно-исторического (неклассического) подхода в российской философии и психологии на протяжении XX в. (см.: [Леонтьев А.А. 2005, с. 113-114]).

- Идея принципиального единства культуры (в широком смысле) и личности (они суть компоненты единой системы).
- Необходимость изучения человека в процессе эволюции порождающей его системы.
- Трактовка процесса развития (биогенеза, социогенеза и персоногенеза) как единой развивающейся системы, в которую включено онтогенетическое и функциогенетическое развитие каждого отдельного человека.
- Понимание «системы» в духе К. Маркса как взаимодействия составляющих процесса развития.
- Идея «субъект-объектного континуума».
- Идея деятельностной природы развивающейся системы.
- Идея знака и значения как орудий преобразования человеческой практики в идеализированные её формы.
- Понимание личности как узла, связывающего развитие социума и индивидуальное («субъективное») развитие.
- Идея альтернативности: изучение актуального процесса развития должно дополняться изучением его внутренних альтернатив (ср. с идеей психологии возможного: [Леонтьев Д.А. 2008]).

Подробный перечень ключевых идей неклассического подхода представляется мне весьма важным, поскольку приведённые и подобные им характеристики специфичны для языка и значения слова как живого ЗНАНИЯ, а именно это в принципе составляет объект психолингвистического научного изыскания.

1.3. Специфика слова как «живого знания»²

Ниже речь пойдёт о самом понятии «живое слово» и о том, что фактически необходимость учёта специфики такой трактовки слова была давно уже замечена отечественными лингвистами. Будет также поставлен вопрос о том, как можно исследовать живое слово.

² В основу текста этого параграфа легла статья [Залевская 2010а].

«Живое слово» - что это такое?

Фактически необходимость учёта специфики реальной жизни слова была уже давно замечена отечественными лингвистами. Так, еще в 1862 году А.А. Потебня в своей книге «Мысль и язык» писал:

«... пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, в каком оно является в словарях. Это всё равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живёт, а как искусственно приготовлено для целей познания» [Потебня 1976, с. 466].

Это можно трактовать как указание на необходимость обращения к слову как *живому знанию* в противовес его препарированию в научных и учебных целях. В отношении необходимости рассмотрения языковых явлений с позиций пользующегося языком человека высказывались и другие отечественные лингвисты. Так, И.А. Бодуэн де Куртенэ в 1871 году в работе «Некоторые общие замечания о лингвистике и языке» указал на необходимость разграничения *языка, речи и слова человеческого*, подчеркивая: «Нужно различать категории лингвистики от категорий языка: первые представляют *чистые отвлечения*; вторые же *то, что живёт в языке...*» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 60. Выделено мною. - А.З.]. Н.В. Крушевский в своем «Очерке науки о языке» (1883) обратил внимание на то, что

«... вследствие продолжительного употребления слово соединяется в такую неразрывную пару с представлением о вещи, что становится собственным и полным её знаком, приобретает способность всякий раз возбуждать в нашем уме представление о вещи *со всеми её признаками*» [Крушевский 1973, с. 430].

Особый интерес для нас представляют идеи Л.В. Щербы, предостерегавшего от отождествления таких, по его определению, теоретически несоизмеримых понятий, какими являются языковая система (т.е. словари и грамматики языков, выводимые лингвистами из языкового материала) и речевая организация индивида, которая выступает как *индивидуальное проявление языковой системы, но не равно ей*. В работе «О троице аспекте языковых явлений и об эксперименте в лингвистике» Л.В. Щерба фактически рассмотрел не три (как заявлено в названии его статьи), а четыре аспекта языковых явлений, специально выделив *речевую организацию индивида* как фактор, обуславливающий и речевую деятельность, и её проявления в языковом материале и в языковой системе [Щерба 1974]. Характеризуя речевую организацию индивида, с одной стороны, как психофизиологическую по своей природе, а с другой - как социальный продукт, Л.В. Щерба особо подчеркнул, что имеет место не простая сумма речевого опыта индивида, а *своеобразная переработка* опыта говорения и понимания речи. Добавим, что индивид перерабатывает многосторонний опыт познания и общения, формируя особый продукт - образ мира, вне которого никакого понимания или взаимопонимания быть не может.

К сожалению, под давлением постулатов структурной лингвистики и вполне в традициях борьбы с «психологизмом в языкознании» отечественная наука о языке сфокусировалась на исследовании системности и нормативности языковых явлений, их «НАДындивидуальности», ограничившись декларированием необходимости учёта «фактора человека» и заменой некоторых терминов на более современные, что по своей сути остаётся в русле построения описательных моделей языка.

В то же время для разработки модели объяснительного типа необходимо подходить к языку как одному из психических процессов человека. С этих позиций язык не существует без других психических процессов, таких как восприятие, память, мышление, внимание, воображение и т.д., каждый из которых делает свой вклад в формирование и функционирование языковых явлений не ради самих по себе, а в качестве специфических орудий доступа к индивидуальному образу мира для пользования им в процессах познания и общения. Об этом неоднократно говорили отечественные психологи.

Так, Л.С. Выготский акцентировал роль и функции значения слова в процессах речемыслительной деятельности, внимательно проследил специфику становления и развития значения слова у ребёнка по мере познания им окружающего мира [Выготский 1984], что представляется непосредственно связанным с подчёркиваемой Л.С. Выготским идеей важности формирования «живого знания» как условия успешности развития ребёнка при синтезе интеллекта и аффекта, т.е. эмоционального переживания всего происходящего при освоении ребёнком различных видов деятельности (в том числе - речевой) [Выготский 1935].

А.Р. Лурия [Лурия 1975; 1979] показал особенности включения значения слова у человека в различные виды связей и особо отметил различия между социально принятым значением и актуализующимся у индивида смыслом слова. К тому, что А.Р. Лурия трактовал слово в качестве связующего звена между чувственным и рациональным, следует добавить, что благодаря слову происходит интегрирование чувственного и рационального с аффективным, т.е. с эмоционально-оценочными переживаниями, которые неизменно сопровождают «своеобразную переработку» индивидом его опыта познания и общения. Это сам А.Р. Лурия учёл при трактовке смысла слова у пользующегося им индивида.

Н.И. Жинкин неоднократно подчёркивал, что понимать надо не речь, а действительность, при этом невозможно отделить чувственное от рационального, ибо сенсорика и интеллект действуют по принципу взаимодополнительности, выступают в качестве комплементарных механизмов познания и общения. Слитность для индивида слова и представления о вещи Н.И. Жинкин демонстрировал примером: «Человек слышит слова, состоящие из звуков: "Вон бежит собака", а думает при этом совсем не о звуках и словах, а о собаке, и смотрит - где она бежит» [Жинкин 1982, с. 18].

В работах А.Н. Леонтьева показана двойная жизнь значений слов: независимое существование слов в социуме противопоставляется тому, что происходит, когда значения выступают в качестве способов и механизмов осознания, включаясь во множественные связи, которые выводят на индивидуальный образ мира. А.Н. Леонтьев особо подчёркивал роль значений как орудий, опосредствующих мысль, а также указывал на изначальную предметность индивидуального образа мира: вне такой предметности нет и не может быть значений [Леонтьев А.Н. 1977].

А.А. Леонтьев указал на роль значения как познавательной единицы, которая выводит на разнообразные формы хранения знаний об окружающем человека мире. Развивая далее идею двойной онтологии значений, обусловленной их вхождением в весьма различающиеся системы - социальную и личностную, А.А. Леонтьев в частности указал на то, что при исследовании социальной ипостаси значения речь идет об узком понимании значения, отображаемом словарями (именно это исследуется лингвистикой), а при исследовании личностной ипостаси значения - о широком его понимании, связанном со значением как частью сознания личности (это изучается психосемантикой, психолингвистикой и т.п.) [Леонтьев А.А. 2001б]. Следует, однако, уточнить, что функционирование значения слова у человека в качестве средства выхода на разнообразные формы хранения знаний, во первых, неразрывно связано с эмоционально-оценочным переживанием отношения к этому знанию, а во-вторых, реализуется при взаимодействии различных уровней осознаваемости, т.е. при важной роли выводного знания, которое не осознаётся, но так или иначе учитывается и может выводиться на «табло сознания» в случаях необходимости.

Теперь мы можем попытаться ответить на вопросы: (А) Что такое *живое слово!* (Б) *Какое* оно? Приведённые выше мнения можно суммировать следующим образом.

(А) Живое слово представляет собой:

- достояние пользующегося языком человека;
- продукт своеобразной переработки человеком его опыта познания и общения;
- средство доступа к образу мира индивида;
- специфическое орудие разнообразной (в том числе - коммуникативной) индивидуальной и социальной деятельности людей;
- познавательную единицу с двойственной онтологией.

(Б) Живое слово:

- обладает изначальной предметностью;
- может возбуждать представление о вещи со всеми её признаками;
- позволяет думать о действительности (опосредствует мысль, помогает формировать мысль при её формулировании);

- обеспечивается взаимодействием сенсорики, интеллекта и эмоционально-оценочных переживаний;
- отличается от слова, каким оно представлено в словаре.

Как можно исследовать живое слово?

К числу источников информации о слове обычно относят: словари, тексты, наблюдения над устной речью, эксперименты, интроспекцию. Но чтобы выбрать, каким/какими источниками следует воспользоваться с той или иной целью, надо учесть требования к исследованию, ориентированному не просто на описание, но и на объяснение устанавливаемых фактов и закономерностей. Это означает, что необходимы:

- I - наличие *теории*, изначально ориентированной на объект, предмет, цели и задачи научного изыскания;
- II - выбор *технологии* исследования, отвечающей базовой теории, поставленным целям и задачам.

Выше со ссылкой на А.А. Леонтьева указывалось, что обращенное к индивиду значение слова исследуется психосемантикой и психолингвистикой. Очевидно, что в наших целях требуется психолингвистическая теория слова как достояния человека, пользующегося языком в целях познания и общения. В качестве одной из возможных опорных теорий такого рода может выступать психолингвистическая теория слова, разработанная в качестве дальнейшего развития приведённых выше и сходных с ними идей отечественных языковедов и психологов (см. подробно: [Залевская 1977а, 1990а, 1999а, 2005а, 2007а]).

1.4. Вопросы психолингвистической теории слова

В ходе разработки психолингвистической теории слова как достояния человека и выявления принципов организации «внутреннего лексикона» мною еще в 1970-х гг. было введено понятие единой информационной базы человека, трактуемой в качестве самоорганизующейся функциональной динамической системы - совокупного продукта переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта.

Рассматриваемая база была названа информационной не только из-за популярного в то время общенаучного информационного подхода, но прежде всего благодаря тому, что этот термин должен был передать идею аккумуляции *всего познаваемого* человеком как представителем вида и членом определённого социума через его контакты с естественным и социальным окружением и *перерабатываемого* механизмами психической деятельности индивида, т.е. не просто узнаваемого, а *достигаемого* и лично *переживаемого* при постоянном взаимодействии *перцептивных, когнитивных* и *аффективных* (эмоционально-оценочных) процессов.

Определение единая должно было фокусировать внимание на том, что названная база объединяет продукты переработки не только коммуникативного опыта (т.е. не ограничивается единицами вербального кода): она включает перцептивные образы разных модальностей, результаты когнитивной переработки воспринимаемого по линиям разных уровней обобщения и дифференцирования, а также эмоционально-оценочные переживания, соответствующим образом маркирующие вербальные составляющие опыта. Слово *база* было выбрано в качестве ключевого из тех соображений, что без подобной совокупной платформы невозможно ориентироваться в окружающем мире и взаимодействовать при общении: всё воспринимаемое (в том числе при общении, т.е. через слово) идентифицируется сквозь призму уже имеющегося в совокупном опыте, что обеспечивает саму возможность находить «точки соприкосновения», без которых понимание и взаимопонимание оказались бы невозможными. Уточнение «единая информационная база человека» было своевременным и существенным в условиях, когда всё связанное с языком трактовалось исключительно через призму трактовки языка как общественного явления, функционирующего и развивающегося по своим собственным законам (при фактическом игнорировании субъекта пользования языком - индивида как носителя языка и личности).

Принципиально важным в публикации 1977 года было то, что там же были заложены основы трактовки слова как средства доступа к единой информационной базе человека, формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и - шире - культуры. С опорой на работы отечественных ученых (в том числе И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, Л.В. Щербы, Н.И. Жинкина) было показано, как через *своеобразную переработку* (термин Л.В. Щербы) многообразного опыта и с множеством переходов при формировании сначала *чувственных конкретов*, а затем - *мысленных абстрактов* (термины И.М. Сеченова [Сеченов 1953]) слово начинает играть роль, сходную с ролью лазерного луча при считывании голограммы. Известно, что голограмма характеризуется, в частности, объёмностью и тем, что по её части можно восстановить целое, повернуть это целое разными гранями, увидеть его в разных ракурсах. Подобно этому слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.) при обязательной включённости в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при изначально подразумеваемой (на разных уровнях осознаваемости) целостности и эмоционально-оценочной помеченности.

Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был акцентировать внимание на том, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом (т.е. хранится в памяти и может быть из неё извлечено во всём богатстве связей и отношений) в

единой информационной базе человека (выделяю все составляющие этого термина курсивом, чтобы показать важность наиболее полного понимания моей трактовки этого термина теми, кому он оказался полезным в каких-то отношениях). В противовес общепринятым в то время представлениям о том, что со словом человек увязывает его значение в том виде, в каком оно представлено в словарях, с учётом предложенного Н.И. Жинкиным понятия *универсального предметного кода* было высказано предположение, что во внутреннем лексиконе человека функционируют *единицы разных уровней обобщения* (вспомним И.М. Сеченова!), не всегда доступные для вербализации, но играющие роль опор для постоянно протекающих у человека (независимо от его воли и сознания) процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации (снова И.М. Сеченов). Единицы наиболее высокого уровня обобщения были в названной выше работе увязаны с этапом формирования замысла высказывания в модели речемыслительного процесса, предусматривающей многократные петли обратной связи, которые должны обеспечивать соответствие продуктов каждого этапа этого процесса именно исходному замыслу. Более того, был сделан вывод, что для единиц каждого уровня обобщения может быть характерен специфический синтаксис, поэтому активно дискутировавшийся в те времена вопрос о приоритете синтаксиса или словаря вообще подобен спору о первичности курицы или яйца

Важным представляется и развитие почерпнутой у Л.В. Щербы идеи о необходимости разграничения *процесса* и *продукта* речевой деятельности: такое разграничение помогло показать различия между процессами и получаемыми продуктами в условиях, с одной стороны, переработки индивидуальным опытом *познания* и *общения* (что даёт *концепты*), а с другой - *метаязыковой* деятельности исследователя-лингвиста (продуктом чего выступают *конструкты*). Различия между *процессами* обработки языкового материала в двух ситуациях: в повседневной естественной обстановке (в первом из названных выше случаев) и в метаязыковой деятельности учёного, выполняющего строгий логико-рациональный научный анализ языковых явлений (во втором случае), нашли отражение в схеме (см.: [Залевская 1977а, с.5; 1999а, с. 31; 2005а, с.33, 259; 2007а, с. 90]), помогающей разграничить объекты исследования, специфичные для психолингвистики и для лингвистики, как и получаемые при этом продукты (см. таблицу: [Залевская 2005а, с.260-261]).

Дальнейшее развитие изложенных в 1977 году представлений о слове как достоянии индивида, о роли слова (и того, что лежит за ним в единой информационной базе) в речемыслительной деятельности и общении шло по различным направлениям. Так, в работе [Залевская 1982] было сделано уточнение специфики слова в индивидуальном лексиконе как точки пересечения множества связей по различным основаниям (продуктам переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта), в

том числе не только по *существенным* признакам именуемых объектов (действий, состояний и т.д.), но по всем возможным видам признаков и, более того, по признакам признаков, каждый из которых может оказаться важным (существенным, характерным, актуальным) для некоторой личности в определённой ситуации.

В связи с проблемой признаков представляется важным подчеркнуть, что носителем языка значение слова переживается как слитое с образом именуемого словом объекта, что хорошо согласуется с высказыванием Н.И. Жинкина о том, что мы слышим слова, а думаем не о словах, а о действительности [Жинкин 1982, с. 18, 92]. Поэтому если для исследователя языковых явлений основным является ИМЯ вещи, то в обыденном знании главным оказывается имя ВЕЩИ, которая к тому же существует не вообще, а в ракурсе «для меня - здесь - сейчас». Отсюда вытекает и роль признака вещи, «высвечивающего» в индивидуальном образе мира соответствующий комплекс знаний и переживаний. Степень актуальности такого признака определяется взаимодействием названного выше ракурса с принятыми в социуме/культуре нормами, предпочтениями и оценками.

Важнейшим для обыденного знания и обеспечивающим достаточный семиозис оказывается признак отнесённости к некоторой жизненной ситуации как основанию для множественных выводных знаний. Особенно актуальными для представителей разных культур могут выступать не необходимые и достаточные с точки зрения определения понятия признаки, а признаки, характерные для именуемого объекта и важные с позиций совокупного коллективного знания-переживания.

Более того, могут учитываться не только признаки, но и признаки признаков, что особенно важно при межкультурных контактах и взаимодействиях, поскольку возможны связанные с такими тонкостями различающиеся эмоционально-оценочные переживания, способные провоцировать межэтническую напряжённость и межличностные конфликты. Отсюда вытекает необходимость исследования национально-культурной *вариативности признаков*, которые оказываются актуальными для именуемых объектов и ложатся в основу житейского понятия, и специфики *эмоционально-оценочных переживаний* отношения к именуемым объектам с позиций различающихся социальных и этнических групп.

В книге [Залевская 1990а] был обобщён способствующий дальнейшему развитию психолингвистической теории слова опыт экспериментальных и теоретических исследований в области лексикона человека, а в [Залевская 19886] описательным путем введена спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, призванная показать всё расширяющиеся круги связей, выводных знаний и сопровождающих их переживаний, которые обеспечивают взаимопонимание при общении благодаря «раскручиванию» гипотетической спирали в двух направлениях: в прошлый опыт и в прогнозирование развёртывания ситуации (см. рис. 1.5).

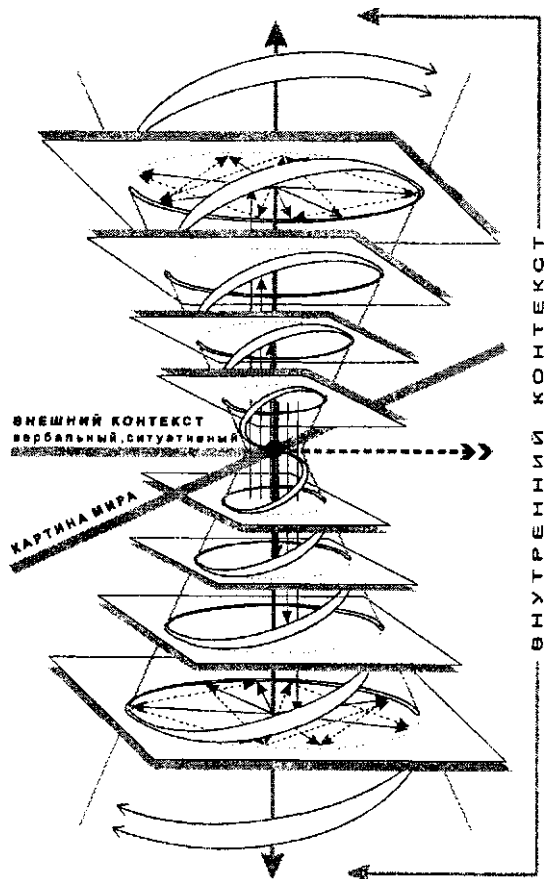

Рис. 1.5

Такое «развёртывание» возможно по всем потенциальным линиям, из которых выбирается какая-то наиболее подходящая для текущего момента. Соответствующий рисунок был введен в книге [Залевская 1999] с последующим указанием на то, что представленную на этом рисунке ось «картина мира» следует называть «образ мира», чтобы избежать смешения понятий «индивидуальный образ мира» (т.е. психический феномен) и «языковая картина мира» (т.е. продукт научного описания того, что закреплено языковыми средствами и нашло отображение в текстах культуры) (см.: [Залевская 2007а, с. 167]).

Наиболее важной для уточнения понятия единой информационной ба-

зы человека является книга «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» [Залевская 1992а], в которой фактически произошел переход на новый, более современный термин, хотя по сути первоначальная трактовка того, что лежит за словом у носителя языка, не изменилась. Термин «индивидуальное знание», с одной стороны, продолжает акцентировать принадлежность знания (ранее - единой информационной базы) человеку как субъекту деятельности и личности, а с другой - противопоставляет знание *индивидуальное* знанию *коллективному*. Принципиально важным является подразделение коллективного знания на два подвида: КЗ¹ и КЗ²: под первым понимается функционирующее в культуре коллективное знание-переживание, а под вторым - только зарегистрированная в артефактах часть такого знания (тем или иным образом материализованные продукты протекающих в культуре процессов получения знания и пользования им в различных сферах жизни общества). В этой связи обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, была сделана попытка разобраться в том, как соотносятся между собой коллективное знание и индивидуальное знание (см. соответствующий рисунок ниже под номером 1.7 и его обсуждение в ряде публикаций, например: [Залевская 2005а, 2007а]); это помогло показать, что индивидуальное знание тесно связано с обоими подвидами знания коллективного, в то время как научный анализ, ориентированный исключительно на КЗ² (в том числе - на тексты, грамматику и словари), неизбежно оказывается редуционистским.

Во-вторых, в [Залевская 1992а] были подробно рассмотрены не только принципы функционирования индивидуального знания как психического феномена (что предполагает неразрывность процессов памяти, мышления, речи, протекание таких процессов на различных уровнях осознаваемости и т.д.), но и разнообразные функции слова в лексиконе человека, что получило дальнейшее развитие в работах [Залевская 1999а, 2007а]. Последнее интересно тем, что фактически была сделана попытка осмыслить двойную жизнь значения слова, обращенного одной своей ипостасью к социуму, а другой - к личности, с целью объяснения того, как названное в свое время единой информационной базой человека «работает» в процессах познания и общения, обеспечивая успешность или ошибочность *референции на уровне индивидуального сознания и подсознания*. Представлялось важным выяснить, как эта «работа» соотносится с современными научными описаниями соответствующих процессов и их продуктов. Некоторые соображения по этому поводу высказаны в книге [Залевская 2005а], где, в частности, рассматриваются вопросы корпоральной семантики, соотношения между концептами и конструктами и т.д.

Пересказывать то, что имеется в названных книгах, нет необходимости. Достаточно подчеркнуть, что поступательное развитие мировой науки, смена научных метафор (см. подробно [Залевская 2007а]) и появление но-

вых и новейших идей всё больше укрепляют моё убеждение в том, что независимо от используемого термина («единая информационная база» или «индивидуальное знание») мои исходные представления о том, что лежит у индивида *за словом*, вполне объясняют наблюдаемые со стороны или посредством рефлексии удивительные воздейственные возможности слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем, а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённое во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир.

Для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует - даже услышанное без контекста оно неизбежно актуализирует некоторую ситуацию, представление об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных знаний, которые наше подсознание услужливо готовит к использованию в случае необходимости. При этом целостность человека (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могут привести те или иные действия и т.д.) и его постоянная включённость в те или иные естественные и социально-культурные «контексты» обеспечивают возможность удивительного и загадочного феномена эмерджентности, благодаря которому на пересечении трех фундаментальных осей:

- ИНДИВИД (ЛИЧНОСТЬ)
- ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА)
- СОЦИАЛЬНЫЙ МИР (КУЛЬТУРА)

возникает СМЫСЛ, вовсе не являющийся простой суммой значений слов, посредством которых можно было бы описать некоторое событие³.

1.5. Живое знание и образ мира

Имеющее место в гуманитарных науках возрастание роли субъекта познания (что находит отражение в принятом лингвистикой принципе антропоцентризма) требует максимального фокусирования на *языке как достоянии пользующегося им человека*, включённого в то или иное физическое и социальное окружение и *переживающего* процесс познания и его продукты при постоянном взаимодействии чувственного, рационального и эмоционального аспектов функционирования индивида как целостности,

³ Краткий экскурс в мою трактовку единой информационной базы человека и слова как средства доступа к этой базе представляется своевременным в свете ссылок на мои работы, не всегда согласующихся с сутью изложенного выше (пример приводится в 1.8).

которую нельзя «препарировать», что, к сожалению, делается при отрыве языка от других психических процессов и при игнорировании постоянного взаимодействия тела, разума, природы и общества. Это ведет к необходимости перенесения фокуса внимания на психологический статус знаний (в том числе - знания языка) как достояния индивидуального сознания и подсознания, базу для которого обеспечивает взаимодействие чувственного, рационального и эмоционального переживания многогранного опыта человека как представителя вида и как личности.

Проблему такого статуса знаний рассматривает А.А. Леонтьев [Леонтьев А.А., 2001a], ставящий вопрос: какова функция знаний в деятельности человека и как они связаны с другими компонентами такой деятельности? Ответ на этот вопрос дается с опорой на теорию деятельности А.Н. Леонтьева: «Знания - ориентиры в мире, необходимые, чтобы уметь ЖИТЬ и ДЕЙСТВОВАТЬ в этом мире» [цит. раб., с. 350]. При этом используются два базовых понятия: «ориентировочная основа» и «образ мира». Именно образ мира выступает в качестве фундаментальной ориентировочной основы любой деятельности; он формируется (синтезируется) из двух источников: из опыта социальной группы, этноса или всего человеческого рода, принятого и интериоризованного каждой отдельной личностью, и из деятельности самой личности в окружающем мире, в реальности материальных и идеальных предметов; образ мира личности трактуется (по А.Н. Леонтьеву) как система предметных значений, отображенная в сознании человека (считаю важным уточнить: в сознании и подсознании индивида! Кстати, такое уточнение хорошо согласуется с тем, что говорит сам Алексей Алексеевич в другой работе - см. цитату, приводимую ниже).

В работе А.А. Леонтьева [Леонтьев А.А. 2006] отмечено, что при оперировании понятием «образ мира» часто имеют место два существенных упрощения. Первое из них связано с отождествлением образа мира и образа мироздания. А.А. Леонтьев так понимает образ мира:

«Образ мира - это предметное обобщение текущих взаимоотношений человека и мира, частью которого он является. Конечно, это обобщение есть процесс и механизм "остановки" текущего мира - но эта "остановка" носит временный, относительный характер. В процессе деятельности человек всё время вносит коррективы в наличный образ мира; образ мира постоянно находится в развитии, потому что он ... выступает как ориентировочная основа деятельности, которая также непрерывно развивается, а развитие деятельности требует развития её ориентировочной основы. Здесь очень хорошо подходит метафора "скачка" у Л.С. Выготского - действительно, психика "скачкообразно" следует за изменениями реальности. При этом образ мира не носит - или не обязательно носит - сознательного, а тем более рефлексивного характера. Более того, если согласиться с А.Н. Леонтьевым в том, что сознание имеет "глубину", что возможны различные уровни осознания, отношение между которыми имеет системно-динамическую природу (актуальное осознание, сознательный контроль и т.д.); если принять положение, что в процессе взаимодействия с миром сознание и внимание человека все время "дрейфует" в пространстве

воспринимаемых предметов, - то в каждый данный момент лишь определённый фрагмент образа мира может оказываться сознательным (в смысле актуального осознания)» [цит. раб., с. 70-71].

А.А. Леонтьев определяет образ мира как сочетание:

- отображения в превращенной форме предметной реальности мира, существенной для социума;
- превращенной формы социальной деятельности в этом мире;
- знаков (слов и вообще фактов культуры);
- личностного смысла как отношения личности к предметным значениям.

При этом А.А. Леонтьев особо подчеркивает принципиальную многослойность образа мира во временном плане.

«В нём есть компоненты, по существу неизменные в течение всей жизни человека. Есть то, что константно относительно сиюминутного отношения человека и мира, но развивается и изменяется с развитием и изменением сознания и личности конкретного человека. Есть то, что меняется за краткие (относительно биографии человека в целом) временные отрезки - мой образ мира сегодня в чем-то иной, чем полгода и даже два месяца назад. И есть то, что существует только здесь и сейчас и уйдет с изменением конкретной деятельности и конкретного переживания» [цит. раб., с. 73-74].

В то же время образ мира многослоен и в отношении его соотносительности с социумом - от единства культуры, через единство языка и ближайшую среду жизнедеятельности (семью, друзей, сотрудников) до того, что «именно и только *моё*» [цит. раб., с. 74].

Образ мироздания отличается от образа мира по нескольким параметрам, в том числе:

«... образ мироздания - в отличие от образа мира - выступает как система "чистых" значений, а не как система личностных смыслов: он имеет - по М.М. Бахтину - "отвлеченно-единое", а не "конкретно-единственное" бытие» [цит. раб., с. 71].

Второе существенное упрощение, на которое указывает А.А. Леонтьев, «состоит в том, что образ мира (именно образ мира, а не образ мироздания) "построен" якобы из значений (пусть предметных), а не из личностных смыслов» [там же]. При обосновании этого положения А.А. Леонтьев приводит несколько цитат из книги А.Н. Леонтьева «Философия психологии» (1994) и делает следующие выводы:

«... смысл есть не абстрактная категория действительности, но и не чисто субъективная, субъективно-объективная категория. Это всегда смысл предмета для субъекта. Он развивается - от биологического (инстинктивного) к сознательному смыслу. Это развитие происходит на основе появления общественного отношения к действительности и в связи с появлением значений. Смысл есть то, что позволяет человеку и человечеству интегрировать все три главные образующие процесса развития: деятельность, культуру (язык, систему знаков) и личность. Ибо только

смысл как "отношение к значению" (или к предмету как значению, к предметному значению) позволяет отдельному человеку выступать как источник инноваций в отношениях человечества и мира, то есть, в конечном счете, обеспечивать поступательное развитие системы "человек - мир"...» [цит. раб., с. 72-73].

А.А. Леонтьев [Леонтьев А.А. 2001а] особо подчеркивает следующее:

«Образ мира у ребёнка - это не абстрактное, холодное знание о нем. Это не знания ДЛЯ МЕНЯ: это МОИ знания. Это не МИР ВОКРУГ МЕНЯ: это мир, ЧАСТЬЮ которого являюсь и который так или иначе ПЕРЕЖИВАЮ И ОСМЫСЛЯЮ ДЛЯ СЕБЯ. Согласно концепции "образа мира", разработанной А.Н. Леонтьевым, этот "образ мира" построен не из абстрактных значений, а из личностных смыслов. Проще говоря, он одновременно является и образом мира, и образом *нашего отношения к миру, нашего переживания мира*. Мы пристрастны в нашем видении мира, оно всегда окрашено нашим переживанием» [цит. раб., с. 349].

Всё сказанное А.А. Леонтьевым об особенностях образа мира ребёнка в равной мере относится и к образу мира взрослого, т.е. составляет принципиально важную особенность знания как достояния индивида. К этому вопросу мы еще вернёмся, а здесь представляется своевременным остановиться на проблеме образа сознания, непосредственно связанной с понятиями образа мира и образа мироздания и важной для разработки теории значения с позиций концепции живого знания.

С этой целью представляется полезным обратиться к модели образа сознания, предложенной психологом Ф.Е. Василюком, обнаружившим, что при анализе эмпирического материала с употреблением традиционных терминов исследователь попросту наклеивает на факты «нормативно-оценочные этикетки, которые не способны содержательно охарактеризовать внутреннюю суть явлений, а нужны лишь для того, чтобы рассортировать их по заранее заготовленным ячейкам с надписями...» [Василюк 1993, с. 5].

В целях первичной интерпретации экспериментальных фактов с опорой на психологическое смысловое поле как пространство деятельности и сознания Ф.Е. Василюк обратился за языком описания к теории деятельности А.Н. Леонтьева. В работе А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» [Леонтьев А.Н. 1977] выделены три «образующие» сознания: личностный смысл, значение и чувственная ткань, однако, по мнению Ф.Е. Василюка, выяснилось следующее:

«... в некоторых случаях эти понятия позволяют довольно точно описать экспериментальные факты, но сплошь и рядом возникает впечатление, что они подходят к фактам почти вплотную, уже вот-вот готовы прикоснуться к ним, но никак не могут ухватить их суть» [Василюк 1993, с. 6].

Ф.Е. Василюк объясняет это тем, что А.Н. Леонтьев рассматривает чувственную ткань как некое впечатление, как некий чувственный отпечаток предметного мира, порождаемый в практическом взаимодействии с внешним предметным миром и выполняющий функцию придания чувства ре-

альности сознательным образом; это материал, из которого строится перцептивный образ, не обладающий спонтанной активностью и внутренней осмысленностью, поскольку осмысленность образа вносится в него значениями, а не чувственностью (т.е. значения бесчувственны, чувственность незначима). Такая трактовка чувственной ткани является недостаточной, поскольку она фиксирует только часть, только аспект той реальности, которая в целом заслуживает имени «чувственная ткань». Анализ эмпирических фактов показывает:

«... у испытуемого чувственная ткань - не пришедшее извне впечатление, а поднимающаяся изнутри чувственность; она не послушный материал для образа, а бурлящая магма, рождающая формы и мысль; ей нет дела до придания реальности картине мира, поскольку она феноменологическая реальность» [цит. раб., с. 7].

Ф.Е. Василюк выдвигает гипотезу, согласно которой чувственная ткань образа является *многомерной субстанцией*, для измерения которой оказывается необходимым модифицировать принятое в теории деятельности представление об образе сознания. Поскольку сознание человека и отдельные образы сознания детерминируются внешним миром, внутренним миром человека, культурой и языком, он предлагает модель *образа сознания* - «психосемиотический тетраэдр». В этой модели внешний мир представлен предметным содержанием, внутренний мир - личностным смыслом, культура - значением, а язык - словом. Каждый из названных «узлов» образа трактуется автором как

«... пограничная сущность, одной стороной обращенная к объективно существующей реальности (внешнего мира, внутреннего мира, языка, культуры), а другой - к непосредственной субъективности; все же вместе эти узлы задают объём, в котором пульсирует и переливается живой образ». Этот объём заполнен «... живой, текучей, дышащей плазмой чувственной ткани. Чувственная ткань живёт, движется в четырёхмерном пространстве образа, задаваемом силовыми полями его узлов, и, будучи единой, она вблизи каждого из полюсов как бы уплотняется, концентрируется, приобретает характерные для данного измерения черты» [цит. раб., с. 8].

Таким образом, в обсуждаемой модели не только учитывается двойная жизнь значений, но и дается объяснение фундамента самого существования значений как живого знания, обеспечивающего функционирование и других ипостасей образа сознания. Подчеркнем следующее указание Ф.Е. Василюка:

«Любой образ, даже образ, связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощён в чувственном материале, его всегда "исполняет" целый ансамбль осознаваемых и неосознаваемых телесных движений и чувствований» [цит. раб., с. 16].

Ф.Е. Василюк отмечает, что в его модели образ сознания имеет не три образующих (значение - личностный смысл - чувственная ткань), а *пять измерений*: четыре из них (значение, предмет, личностный смысл, знак)

«... являются своего рода магнитными полюсами образа. В каждый момент силовые линии внутренней динамики образа могут направляться по преимуществу к

одному из этих полюсов, и возникающим при этом доминированием одного из динамических измерений создается особый тип образа» [цит. раб., с. 18].

В качестве пятой образующей сознания Ф.Е. Василюк рассматривает чувственную ткань, но не как стоящую в ряду «значение - личностный смысл - чувственная ткань», а как *особую внутреннюю «составляющую» образа как представительницу тела, представителя мира человеческого тела в образе сознания*. Ф.Е. Василюк подчёркивает:

«Образ предстаёт перед нами не как внешняя по отношению ко всем этим мирам сущность, извне со стороны детерминируемая ими, а как часть каждого из них, как их интеграл, как их интерференция, "голограмма", в которую вливаются волны и энергии всех этих миров, не сливаясь в аморфную массу, но и не оставаясь отдельными, а входя в такое единство как отдельные голоса в многоголосье» [цит. раб., с. 18].

Фактически Ф.Е. Василюк затронул широкий круг фундаментальных проблем, которые оказываются в центре внимания современной мировой науки. К числу таких проблем относится, в частности, связь между телом и разумом человека. Модель Ф.Е. Василюка хорошо согласуется с трактовкой живого знания в работах В.П. Зинченко, по мнению которого в живом знании слиты значение и смысл при взаимодействии чувственной и биодинамической ткани сознания, знания и переживаемого отношения к нему (см.: [Зинченко 1997, 1998], а также обсуждение этой проблемы в работах [Карасева 2007; Медведева 1999; Соколова Е.Е. 2003]).

Совокупность рассмотренных выше мнений и собственного многолетнего опыта анализа экспериментальных материалов даёт основания для заключения, что все три рассмотренных выше понятия: образ мироздания, образ мира, образ сознания должны обсуждаться в их совокупности и взаимодействии, поскольку в естественной ситуации их невозможно чётко разграничить. В то же время при всей условности научного (нередко базирующегося на метафорах, а всегда - исключительно гипотетического!) «препарирования» того, что стоит за словом у индивида, представляется важным учёт специфических особенностей каждого из этих понятий (в том числе, например, через акцентирование внимания на амодальном характере образа мироздания или признание роли чувственной ткани в формировании и функционировании образов сознания).

Попутно замечу, что фактически ещё в работах И.М. Сеченова более ста лет тому назад было прослежено формирование у ребёнка «чувственных конкретов» и «мысленных абстрактов» с указанием на то, что между первыми и вторыми «... лежит в большинстве случаев такая длинная цепь превращений одного идейного состояния в другое, что очень часто теряется всякая видимая связь между мыслью и ее чувственным первообразом» [Сеченов 1953, с.225]. Подчеркну: теряется *видимая* связь, которая на самом деле остается в готовности к использованию в разных целях и при различающихся обстоятельствах. Например, при встрече со сложным по-

нятием высокого уровня абстрагирования мы всегда ищем опору в чём-то сводимом к некоторому привычному образу сознания, через посредство которого окажется возможным мгновенно включить опознаваемое в уже имеющиеся в образе мира ситуации и с учётом общих представлений о мироздании достичь того, что квалифицируется как достаточный семиозис. Такая опора достигается за счёт нашего взаимодействия с «предметным миром» (И.М. Сеченов) как базы для формирования значений. На фундаментальную роль предметности неоднократно указывал А.Н. Леонтьев:

«Глубокая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность» [Леонтьев А.Н. 1977, с. 139]. И далее: «Но как могли бы мы мыслить этот мир, если бы он первоначально не открывался нам именно в своей чувственно данной предметности?» [цит. раб., с. 140].

А.Н. Леонтьев указал также на «ограниченность представления о том, что значения в индивидуальном сознании являются лишь более или менее полными и совершенными проекциями "надындивидуальных" значений, существующих в данном обществе» [цит. раб., с. 146]. На самом деле значения не только «ведут двойную жизнь», т.е., с одной стороны, производятся обществом, подчиняются общественно-историческим законам и внутренней логике своего развития, а с другой - функционируют в процессах деятельности и сознания конкретных индивидов. В дополнение к этому имеет место реальная двойственность существования значений для субъекта, которая состоит в следующем:

«... значения выступают перед субъектом и в своём независимом существовании - в качестве объектов его сознания и вместе с тем в качестве способов и "механизма" осознания, т.е. функционируя в процессах, презентующих объективную действительность. В этом функционировании значения необходимо вступают во внутренние отношения, которые связывают их с другими "образующими" индивидуального сознания; в этих внутренних отношениях они единственно и обретают свою психологическую характеристику» [цит. раб., с. 147].

Но «двойная двойственность» жизни значений имеет место и в обществе, что показано мною на рис. 1.6.

Рис. 1.6

Жизнь значения слова в обществе и у индивида может быть рассмотрена более детально. Этот вопрос обсуждается в книге [Залевская 1992a], где разграничиваются два вида функционирующего в обществе коллективного знания (КЗ¹, КЗ²) и индивидуальное знание (ИЗ), о чем уже говорилось выше (см. с.29). При этом ИЗ было увязано с изначальным перцептивно-когнитивно-аффективным образом мира, формирующимся по законам психической деятельности, но под контролем выработанных социумом норм и оценок, способов решения познавательных и коммуникативных задач, а также стратегий и опор, предпочитаемых в различных видах деятельности.

Взаимоотношения между двумя видами коллективного знания и знанием индивидуальным представлены на рис. 1.7, где двунаправленные стрелки указывают на постоянные связи между КЗ¹, КЗ² и ИЗ. В названной книге подчеркивается, что ИЗ является достоянием личности, поэтому в дополнение к тому, что образ мира как единая (вербально-невербальная) информационная база формируется по законам психической деятельности человека как вида и под контролем социума, имеет место постоянное личностное эмоционально-оценочное переживание знания с позиций «для меня - здесь - сейчас».

Рис. 1.7

Обсуждение и дальнейшее развитие представлений о соотношениях между КЗ¹, КЗ² и ИЗ. содержится в статье И.Л. Медведевой [Медведева 2006], где особо подчёркивается недопустимость смешения ИЗ с частью КЗ¹ кодифицированной в таких источниках, как словари, справочники и энциклопедии (т.е. в КЗ²). Уточняется также, что мало представлять себе ИЗ как хранящееся в человеческой голове - голове не конкретного лица, а

представителя биологического вида, включённого в некоторую этническую, половозрастную и социальную группу: «для актуализации знания недостаточно только головы - необходимо, чтобы живая, мыслящая голова была на плечах, при теле, и это тело вместе с сознанием участвовало в жизни общества» [цит. раб., с. 58]. И.Л. Медведева подробно останавливается на особенностях КЗ¹ проводя аналогию с образом семисферы, который фигурирует в книге В.П. Зинченко [Зинченко 1998, с. 128].

ИЗ в трактовке, которая была предложена в [Залевская 1992а], изначально понимается как *живое знание*, в котором только условно (в чисто научных целях) можно пытаться разграничить:

- языковое знание;
- знание о мире;
- знание / переживание понятности воспринимаемого;
- отношение к знанию (как социально принятое, так и обусловленное личностным опытом);
- актуально сознаваемое знание;
- выводное знание различных уровней развертывания и осознанности;
- различные уровни обобщения и дифференцирования знания и т.д.

В реальной жизнедеятельности человека все названные и другие характеристики знания функционируют в едином ансамбле, слаженная работа которого обеспечивает определённый результат.

Следует отметить, что проблема живого знания рассматривалась рядом авторов. Становятся всё более частыми ссылки на книгу СЛ. Франка «Живое знание» (1923), на ряд работ Г.Г. Шпета (см. библиографию в [Зинченко 2000, с. 206]); детальное обсуждение этой проблемы имеет место в книгах В.П. Зинченко (например, [Зинченко 1997, 1998]), в работах И.Л. Медведевой (например, [Медведева 1999]) и др. В.П. Зинченко особо подчеркивает:

«Живое знание отличается от мёртвого или ставшего знания тем, что оно не может быть усвоено, оно *должно быть построено*. Построено так, как строится живой образ, живое слово, живое движение, живое, а не мертвое, механическое действие» [Зинченко 1998, с. 27. - Курсив мой. - А.З.].

Рассматривая особенности живого знания, В.П. Зинченко указывает, что оно всегда пристрастно и включает знание о субъекте знания, т.е. о себе самом; оно принципиально неполно, открыто, трудно доказуемо; одним из его признаков является целостность, «схватываемая» непосредственно; знание может «окаменеть», становиться мёртвым и т.д.

В «Большом психологическом словаре» [2004, с. 177] уточняется, что живое знание представляет собой «соцветие разных знаний», своего рода интеграл.

Некоторые авторы не пользуются термином «живое знание», но по сути описывают его в разных ракурсах (см., например, рассмотренную выше модель образа сознания [Василюк 1993] и понятие «живого движения» как «функционального органа» у Н.А. Бернштейна [Бернштейн 1990, 2008]). М.А. Холодная [Холодная 2002] в связи с решением задачи обогащения когнитивного опыта учащихся в целях интеллектуального воспитания личности в условиях современного школьного образования фактически говорит о способах формирования живого знания, таких как словесно-символический, визуальный, предметно-практический, чувственно-сенсорный; при этом указывается:

«Понятийные психические структуры - это интегральные когнитивные образования: их психическим материалом являются три модальности опыта - словесно-речевая, визуальная и чувственно-сенсорная» [цит. раб., с. 226]. «Утверждение, что понятийное мышление оперирует "отвлеченными сущностями", конечно же, не более чем метафора» [цит. раб., с. 122]; «эйдосы» (запечатлённые, сохранённые во всех деталях образы предметов после прекращения их восприятия) - «это интуитивные визуальные схемы, в которых отображены инварианты чувственно-конкретного и предметно-смыслового опыта человека и которые не всегда могут быть выражены в терминах словесных описаний» [там же].

Рассмотрение значения слова с позиций концепции живого знания, т.е. в качестве достояния пользующегося языком индивида, требует прежде всего разграничить особенности функционирования значения как ИЗ и как КЗ (см. выше). Традиционно исследованию подвергается то, что на рис. 1.7 обозначено как КЗ², по умолчанию отождествляемое и с КЗ¹ и ИЗ. В отличие от этого А.А. Леонтьев, вслед за А.Н. Леонтьевым, делает акцент на двойной онтологии значений [Леонтьев А.А. 2001б] и показывает, что двойная жизнь значений увязывается с их входением в весьма различающиеся системы - социальную и личностную (см. рис. 1.8, построенный мною с опорой на названную работу А.А. Леонтьева).

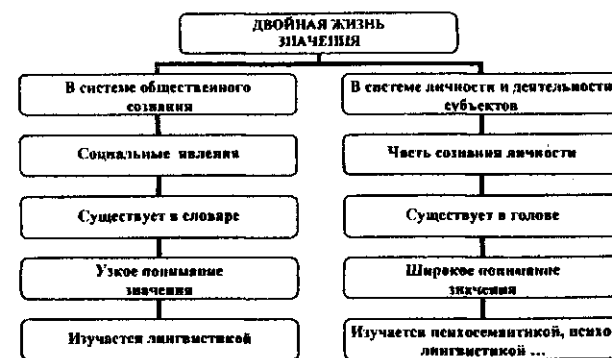

Рис. 1.8

Развитие представлений о двойной жизни значений приводит к разграничению того, что описывается в лингвистике как имеющее место в *системе языка*, и того, что лежит *за словом* в индивидуальном сознании и подсознании, обеспечивая взаимопонимание при общении, и исследуется психолингвистикой при трактовке языка как средства познания и общения, а слова - как инструмента, посредством которого реализуется «выход» индивида на образ мира во всем богатстве его объектов, связей и отношений и на эмоционально-оценочное отношение к этому миру.

Следует особо подчеркнуть, что мировая наука неизбежно приходит к признанию невозможности более не замечать различий между значением, описываемым с позиций логико-рационального подхода, и значением, реально функционирующим у человека. Весьма показательным, что мимо этого не может пройти и семиотика. Так, книга Умберто Эко [Есо 2000] фактически посвящена именно особенностям естественного семиозиса. В частности, У. Эко обсуждает и проблему двойственной жизни значений (хотя он это так не называет), см. схему на рис. 1.9, построенную мною по [Есо 2000, с. 136-139].

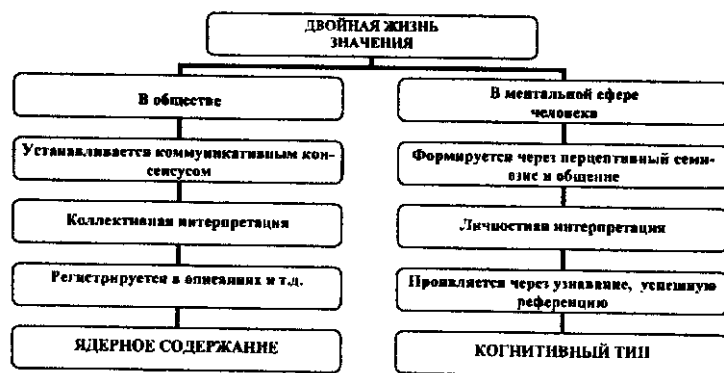

Рис. 1.9

У. Эко обращает внимание на неоднозначность термина «значение» и предлагает разграничить понятия «ядерного содержания» (Nuclear Content) и «когнитивного типа» (Cognitive Type), понимая под первым значение как социальный, а под вторым - значение как ментальный феномен (см. подробно: [цит. раб., с. 136-139]) и противопоставляя их как (а) общественное и личностное, (б) базирующееся на коммуникативном консенсусе («значение по согласию, договору») и на перцептивном семиозисе и общении, (в) первое можно «увидеть» и «потрогать», а о втором можно судить только посредством узнавания, идентификации, успешной референции и т.д.

у Эко на наглядных примерах прослеживает особенности формирования значения слова у индивида на основе перцептивного семиозиса и через вербальное описание, показывает необходимость взаимодействия обоих путей (ср. с разграничением «знания по знакомству» и «знания по описанию» у Б. Рассела [Рассел 1957]). В более поздней публикации в жанре художественного произведения У. Эко [Есо 2006] далее развивает эти идеи, показывая различия между тем, что он называет *raref metonymy* (почерпнутым из разных источников знанием о чем-то), и опытом познания, действительно *пережитым* индивидом как личностью; подчеркивается необходимость постоянного взаимодействия между знанием и его личностным переживанием.

Двойственная жизнь значений слов проявляется и в функциях слова в процессах познания и общения.

А.Р. Лурия, считавший слово «не только орудием познания, но и средством регуляции высших психических процессов» [Лурия 1979, с. 115], в качестве основной функции слова назвал его *предметную отнесенность*, соотносимую с *референтной функцией*. Заметим, что референтную функцию слова вообще принято называть основной (для ряда авторов она остается не только основной, но и фактически единственной заслуживающей внимания). Рассмотрение истории этого вопроса, в течение долгого времени обсуждавшегося в философии, лингвистике, семиотике, не входит в наши задачи. Актуальным представляется акцентирование внимания на том, что при психолингвистическом подходе к этому вопросу суть самого понятия референции должна быть уточнена: следует разграничить референцию *в языке*, референцию *в речи* и референцию *в индивидуальном сознании* (и подсознании!); см. подробное обсуждение: [Залевская 2005а].

В работе [Залевская 1992а] рассматривается несколько функций значения слова, которые приводятся ниже.

Прежде всего речь идет об *идентифицирующей* функции слова, двойственность которой проявляется как в качественном, так и в количественном отношении. В процессах восприятия речи (устной или письменной) необходимо опознать: (1) словоформу как таковую и (2) слово как значимую единицу языка. Последнее реализуется через соотнесение значения слова с индивидуальным образом мира, т.е. то, что регистрируется в словарях и других источниках как значение слова, выступает в качестве средства выхода на психологическую структуру значения, при этом срабатывает механизм *глубинной предикации*, посредством которого индивид констатирует (для самого себя), что значимая единица языка понятна, понята правильно и т.д. В таком случае двойственность относится к составляющим *процесса* оперирования общепринятым значением и в отличие от традиционных представлений учитывает дополнительные «шаги», поскольку «предметная отнесенность», как и «категориальное значение» (о категориальном значении как выполняющем *абстрагирующую*

щую, обобщающую и анализирующую функцию слова см.: [Лурия 1979, с. 42]), может реализоваться только на этом - более «глубоком» - уровне.

Другой аспект двойной жизни значений проявляется в его двойственной *медиативной* (посреднической) функции с различающимися следствиями: (1) значение слова обеспечивает взаимопонимание между общающимися людьми, а значит, должно быть «объективным», системно-языковым; (2) поскольку базу для взаимопонимания составляет соотношение индивидуальных образов мира, системно-языковое значение должно быть преломлено через призму разностороннего индивидуального опыта, средством доступа к которому выступает слово. Таким образом, двойственность медиативной функции значения слова проявляется через ее двунаправленность: условно говоря, «вовне» и «вовнутрь», т.е. разграничиваются жизнь слова «для всех» и «для меня».

Двойственная *регулятивная* функция значения дает возможность: а) выделить в индивидуальном опыте, континуальном и многомерном по своей природе, определённые интервальные условно-дискретные фрагменты и их связи как соотносимые с психологической структурой значения слова с позиций взаимодействия внешнего и внутреннего контекста; б) соотносить выделяемый фрагмент опыта с коллективным языковым знанием для проверки соответствия между задуманным и реализуемым при продуцировании речи или между воспринимаемым и понимаемым.

Синтезирующая функция значения слова обеспечивает опору на множественные выводные знания (энциклопедические и языковые) при взаимодействии двух аспектов такого синтеза: языковые знания направляют актуализацию ситуаций, их составляющих, признаков последних и т.д., а те, в свою очередь, подкрепляют или заставляют уточнить вовлекаемые языковые знания. Речь здесь идет о «смысловом поле» слова, см., например, [Лурия 1979, с. 39-41; Леонтьев А.А. 20016, с. 280-284], ср. с широкой трактовкой смыслового поля в работах А. Менегетти (например, [Менегетти 2005]).

Прогностическая функция направляет встречное конструирование возможного развития обозначаемой словом ситуации на базе всего идентифицированного и синтезированного и при акцентировании внимания на том, что оказалось (или кажется) актуальным в текущий момент времени. Особую роль эта функция слова играет в процессах метафоризации, позволяя увидеть некоторый объект (действие и т.д.) в особом ракурсе.

В более поздних по сравнению с [Залевская 1992а] публикациях к приведенному перечню добавлены *рефлексивная* и *знаковая* функции значения слова. Первая из них заключается в выведении на «табло сознания» тех или иных аспектов формы или значения, что имеет место в случаях самоисправлений, затруднений в оформлении мысли или непонимания при общении, решения разного рода «языковых задач», не говоря о ситуациях исследовательской работы над словом, мук творчества писателей и поэтов

и т.п. Следует особо подчеркнуть, что хотя мы говорим о *функциях значения слова*, все называемые в этой связи процессы и их продукты имеют место у пользующегося словом индивида, т.е. абстрагирует, анализирует, синтезирует не значение как таковое, само по себе: за ним только закреплены зафиксированные в коллективном знании (национально-культурной памяти) соответствующие процессы и их продукты. В этом и проявляется знаковая функция слова и его значения.

Этот перечень остается открытым. Следует особо подчеркнуть, что все названные (и другие возможные) функции слова и его значения в реальности взаимосвязаны и трудно различимы, их можно только условно разграничить как продукты логико-рационального научного анализа.

Обратим внимание на то, что такие функции значения, как синтезирующая и прогностическая, позволяют выходить за пределы непосредственно данного (далеко за «линию горизонта»); это отображает приведённая выше спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста (см. рис. 1.5)⁴. Эта модель была разработана более 20 лет тому назад, но сохраняет свою значимость, поскольку она позволяет:

- акцентировать внимание на преломлении всего, что входит в сферу деятельности субъекта, через имеющийся у него образ мира;
- показать постоянное воздействие факторов внешнего и внутреннего контекста;
- отобразить изначальную взаимосвязь между опорой на прошлый опыт и прогнозированием последующего (в том числе - по линиям и языковым, и энциклопедическим знаниям);
- указать на возможность различной «глубины» раскрутки гипотетической спирали (до условной «линии горизонта», достаточной на каждый текущий момент для решения той или иной задачи, например, для достижения консенсуса при общении - достаточного семиозиса);
- подчеркнуть (посредством изображения ряда горизонтальных плоскостей - условных «срезов») наличие множественных связей (посредством двунаправленных стрелок на примерах таких плоскостей) на любом уровне глубины процесса идентификации слова;
- имплицитно постоянное взаимодействие между разными по ширине кругами знаний и различными по своей глубине ярусами лексикона (тем самым принцип интерактивности распространяется по вертикали на всю модель, выступая в качестве объяснительного принципа по отношению к общеизвестным фактам целенаправ-

⁴ Возможно, с учётом рассмотренных выше положений, в рис. 1.5 следовало бы внести указание на роль образа мироздания в процессах идентификации слова и понимания текста.

ленного получения или подсознательного учёта коммуникантами разнообразных выводных знаний);

- учесть постоянную динамику взаимодействующих уровней осознанности того, чем оперирует индивид: то, что выходит на «табло сознания», «подпирается» широкими кругами неосознаваемых выводных знаний и переживаний, без учёта которых никакое познание нового, понимание или взаимопонимание при общении не могут осуществляться.

С этих позиций совершившийся акт идентификации слова как такового по своей сущности представляет собой не актуальное сознание индивидом всего того, что принято описывать как лексическое значение слова, а лишь *переживание* им готовности оперировать совокупностью продуктов разностороннего предшествующего опыта, закреплённой за словом как средством доступа к единому информационному тезаурусу человека.

Сказанное не исключает актуализации различных аспектов этого опыта, в том числе метаязыковых и метакогнитивных знаний и операций, однако это может происходить только на фоне общей готовности к действию, обеспечиваемой «раскручиванием спирали» с разной мерой глубины - вплоть до границ общего индивидуального образа мира, ср. со следующим высказыванием Н.Н. Поддьякова:

«... фактически вся психика в целом может быть представлена в своеобразной форме в каждом отдельном психическом образовании когнитивного типа и каждое отдельное знание может быть представлено как в любых других образованиях, так и в психике в целом» [Поддьяков 1985: 116-117]).

Спиралевидная модель идентификации слова в сочетании с трактовкой слова в индивидуальном лексиконе как продукта ряда психических процессов (наглядно-действенных, понятийно-логических, эмоционально-оценочных) и как узла пересечения связей по линии каждого из таких процессов объясняет способность слова обеспечивать выход за пределы непосредственно сообщаемой и воспринимаемой информации, выступая опорой для многообразных выводных знаний.

При этом становится очевидной ошибочность широко распространённого мнения о том, что импликации, пресуппозиции и т.п. устанавливают воспринимающим сообщение уже после того, как это сообщение «декодировано». Вторичная осознаваемая деятельность по объективации выводных знаний (как языковых, так и энциклопедических) в развёрнутом виде имеет место в ходе лингвистического анализа или в случаях коммуникативных неудач, когда метаязыковые и/или метакогнитивные знания и стратегии/процессы оказываются необходимыми для пересмотра первичных гипотез о содержании воспринимаемого сообщения с опорой на раскручивание гипотетической спирали, о которой го-

ворилось выше. Однако в норме мы попросту не замечаем подсознательного учёта широчайшей сети выводных знаний, вне которых невозможно воспринять сообщение и осмыслить его.

Описанная модель может служить основой для построения ряда рабочих гипотез при исследовании специфики живого слова и особенностей его функционирования, в том числе - при межэтнических контактах, когда становится особенно очевидной роль феномена опоры на признаки и признаки признаков как базы для взаимопонимания и в то же время - как причины расхождений в проекциях смысловых полей коррелирующих слов у носителей разных культур.

1.6. Роль признака в функционировании живого слова⁵

Продолжаем разговор о специфике значения слова как достояния индивида. На основании рассмотренного выше должно быть очевидным, что в таком случае речь идет о слове как *индивидуальном знании* со всеми вытекающими отсюда следствиями, что можно кратко именовать особенностями *живого слова*.

Одной из важнейших особенностей функционирования живого слова является постоянная опора пользующегося словом человека на признаки и признаки признаков по линии как языкового, так и энциклопедического знания, при этом именно те или иные признаки определяют характер эмоционально-оценочного переживания индивидом того, что лежит за словом, с одной стороны, в культурно-историческом опыте, а с другой - в личном опыте индивида.

Проблема признака привлекает внимание ученых разных специальностей (см., например, логико-гносеологический подход в монографии [Войшвилло 1989], обзоры лингвистических [Кузнецов 1986] и психологических [Беяева, Самойленко 1985] исследований, экспериментальный подход в работе [Шабес 1989, 2008], теоретическую трактовку роли признака в связи с уровнями языковой семантики [Юрченко, 1995]; различные подходы к этой проблеме обобщены в исследовании Н.В. Дмитриевой [Дмитриева 2000]).

Вполне естественно, что в зависимости от исходных позиций автора, его целей и материала исследования внимание акцентируется на различных характеристиках признаков вообще или отдельных видов признаков (ср., например, детальный анализ признаков по форме, содержанию и т.д. у Е.К. Войшвилло и разностороннее исследование категориальных признаков в работе [Карасик 1988]; см. также: [Карасик 2010]). Соответственно выде-

⁵ При написании этого параграфа используется отредактированная часть статьи: [Залевская 1996]. О том, что проблема признака остается актуальной для тех, кто интересуется значением слова, свидетельствует, например, публикация [Касевич, Кулакова 2001].

ляются различные виды признаков по тем или иным основаниям для их классификации, ср., например, перцептивные и концептуальные признаки/коды [Аткинсон 1980]; мономодальные, полимодальные и др. признаки [Ломов, Беляева, Носуленко 1986]; общие и конкретные, а также ключевые (характерные, определяющие) признаки [Брунер 1977]; конкретные, конкретно-ситуационные, функциональные, категориальные признаки [Глезерман 1986]; точечные, объёмные, динамические семантические признаки [Шабес 1989]; сильные признаки [Рубинштейн 1958] (см. также: [Рубинштейн 1997]); инвариантные (интегральные, дифференциальные) семантические признаки и варианты (скрытые и открытые) семантические компоненты [Кузнецов 1986] (см. также: [Кузнецов 1992]); подвижные многоплановые признаки [Крюкова 1989]; всеобщий признак, непосредственный признак, опосредствующий признак, опосредованный признак [Юрченко 1995] и т.д. Виды семантических признаков и их роль в выборе опорного слова устойчивого адъективного сравнения рассмотрены Т.В. Шмелевой [Шмелева 1988]. Более поздние публикации, связанные с классификацией признаков, названы в работе [Дмитриева 2000].

Определённое место в дальнейших исследованиях может занять изучение проблемы признаков с позиций специфики индивидуального знания. Ранее [Залевская 1977а] внимание акцентировалось мною на роли процессов разложения всего воспринимаемого человеком на признаки и признаки признаков и делалась попытка объяснить на этой основе происхождение двух типов единиц внутреннего лексикона человека - различительных признаков и единиц высшей степени интегративности - с подчёркиванием изначальной связи тех и других с чувственной и аффективной сферами индивида в противовес постулируемой в лингвистических исследованиях эмоционально-оценочной «стерильности» семантических компонентов.

Многолетний опыт межъязыкового сопоставительного анализа экспериментальных материалов обнаружил особую значимость опоры на признаки при функционировании слова в лексиконе и побудил последовательно учитывать этот феномен при выявлении принципов организации индивидуального лексикона, исследовании процессов понимания текста, механизмов метафоризации и т.д. (см., например, [Залевская 1977а, 1988б, 1990а, 1991а, 1991б, 1992а, 1992б]). Теперь наступило время нового «витака» исследований - разностороннего изучения используемых носителями разных языков и культур признаков, позволяющих мгновенно решать сложнейшие плохо сформулированные задачи повседневности, успешно ориентироваться в воспринимаемых «расплывчатых множествах», добиваться понимания и взаимопонимания при общении.

Учет специфических особенностей индивидуального знания помогает объяснить, почему для человека важны не только (а нередко - и не столько) существенные признаки понятия, но и те (или те), которые логико-рационалистическая традиция относит к «периферии» понятия, квалифи-

цируя их как «несущественные», «дополнительные», «сопутствующие» и т.п. В этой связи обратим внимание на то, что в работе [Шехтер 1981] выделен специальный параграф «О существенной роли "несущественных" признаков», где по результатам экспериментального исследования делается вывод, что в реальном механизме опознавательного процесса так называемые «несущественные» признаки выполняют весьма важные функции:

«... одни из них служат более удобными для человека ориентирами, другие играют большую вспомогательную роль в процессах обнаружения отличительных (в том числе и существенных) признаков данного класса в воспринимаемом объекте» [Шехтер 1981:226].

Мимо этого факта не смог пройти и Е.К.Войшвилло, разграничивающий два понятия существенного:

«... понятия признаков, существенных для предметов того или иного качества, и признаков того или иного предмета, существенных в каком-то отношении (предмета с другими предметами) или с той или иной точки зрения (с точки зрения определенного использования предмета человеком)» [Войшвилло 1989: 128].

Со второй из названных позиций роль функциональных признаков анализирует Дж. Миллер в ряде своих работ; фактически этот же подход - от активного и пристрастного субъекта - прослеживается в многочисленных исследованиях по развитию мышления и речи у ребёнка, где обсуждается роль «характерных» признаков (Джером Брунер называет их «ключевыми») по сравнению с существенными признаками. Обзор литературы и результаты собственного исследования по этой проблеме приводит в своей кандидатской диссертации Т.М. Рогожникова [Рогожникова 1986].

К этому можно добавить, что на выбор идентифицируемого индивидом признака и придание ему того или иного веса влияет целый ряд разнообразных факторов, в частности - то, что Е.Д. Поливанов относил на счет «языкового мышления» носителей того или иного языка [Поливанов 1968], В.С. Юрченко квалифицирует как конкретную идиоэтническую внутреннюю форму языка [Юрченко 1995], а А.Н. Крюков объясняет через понятие «фоновых знаний» [Крюков 1988].

Несомненна и особая роль некоторого признака в привычной деятельности в совокупности с вызываемыми им эмоционально-оценочными переживаниями. В этой связи интересно отметить, что подобные факты тем или иным образом находят отражение в текстах, хотя вроде бы по существу речь идет вовсе не о них. В качестве примера можно привести детскую песенку об уроке в звериной школе, где учитель говорит: «Приготовьте, дети, перья; напишите, что за зверь я?» Из припевов мы узнаем, что «утёнок выводил - *крякодил*», «лягушонок выводил - *квакодил*», «поросёнок выводил - *хрюкодил*» и т.д., т.е. каждый идентифицировал именно то, что важно и приятно ему самому.

При рассмотрении проблемы признаков предстоит также решить ряд актуальных вопросов, связанных с их классификацией, ролью в процессах

получения выводного знания (прямого и многоступенчатого). Сложность классификации признаков определяется их многоплановостью, а также тем фактом, что, как справедливо отмечает М.В. Никитин [Никитин 1988], за признаком стоит вещь. Однако недостаточно указать на то, что признак «отвлечён» от вещи: для пользующегося языком субъекта слово слито с называемым им объектом, что неоднократно подчеркивал Н.И. Жинкин [Жинкин 1982]. Это создает дополнительные трудности классификации признаков. Представляется полезным при решении этого вопроса обратить внимание на особенности монотетической и политетической классификаций (см. подробнее: [Сокулер 1988]), а также на указание Г.Д. Левина [Левин 1987] относительно того, что в реальном процессе обобщения объём общего понятия может фиксироваться раньше, чем открывается признак, общий для всех элементов, и происходит это независимо от знания о таком признаке.

Роль признака при получении выводного знания увязывается, в частности, с проблемами «эталона», «схем знаний» и т.п. Для субъекта деятельности переживание эталона связано с «живыми образами» (см. обсуждение «образов множества» в работе: [Лукиянова 1986]). Фундаментальная роль «схем знаний» как необходимых опор для успешной жизнедеятельности человека (начиная с раннего онтогенеза) убедительно показана многими исследователями (см., например, [Ляудис 1990; Fivush 1987]). Важно проследить, как в зависимости от идентифицированного признака одно и то же слово может «выводить» на различные схемы знаний, сценарии и т.п., а при наличии общих схем знаний в условиях межкультурных контактов - на специфическое заполнение тех или иных слотов образами типичных для каждой культуры носителей признаков в сочетании с соответствующими эмоционально-оценочными переживаниями.

Виды признаков, обнаруженных в исследовании Н.В. Дмитриевой, выполнявшей под моим руководством диссертационное исследование по проблеме «Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков)», представлены ею на схеме, которая приводится здесь на рис. 1.10.

По результатам своего экспериментального исследования Н.В. Дмитриева установила следующее.

- Признаки можно прежде всего подразделить на присущие объекту в реальном мире и приписываемые объекту в некотором социуме.
- Первые из названных признаков можно квалифицировать как мотивированные, а вторые - как немотивированные, поскольку объект *никогда* не может обладать данными признаками).
- Мотивированные признаки можно далее подразделить на сущностные (т.е. необходимые, отражающие сущность объекта и присущие объекту *всегда*) и характерные (обладающие преувеличенной значимостью для формируемого в социуме образа объекта).

- Характерные признаки в свою очередь можно подразделить на типичные (*как правило* присущие объекту) и вероятные (*иногда* присущие объекту).

Рис. 1.10

Обратим внимание на то, что концепция единой информационной базы человека объясняет вхождение одного и того же элемента знания (в данном случае - признака) во множество схем или сценариев, доступ к которым может реализоваться по любому каналу - сенсорному, концептуальному, эмоциональному, вербальному. Именно это фундаментальное свойство информационной базы индивида обеспечивает мгновенную ориентировку в повседневной жизнедеятельности человека, лежит в основе эвристического поиска, помогает в развитии знаний об окружающем мире, направляет встречный поиск в процессах восприятия. Требуется целенаправленное изучение особенностей восприятия и дальнейшей передачи сообщений (как в естественном общении, так и в деятельности переводчика) в условиях различных культур в ситуациях, когда неверная идентификация или неточное восстановление в памяти некоторого признака,

выводящего на определённую схему знаний, заполнение той или иной позиции в такой схеме или отнесение к «не той» схеме знаний оказывает влияние на результат понимания сообщения, связанный с эмоционально-оценочными переживаниями и последующими действиями.

Необходимо учитывать, что опора на признак вступает в действие при реализации ряда фундаментальных принципов функционирования лексикона человека, в том числе - опоры на в различной мере осознаваемые продукты переработки многообразного опыта индивида в их множественных связях и отношениях, встроенных в образ мира и регулируемых идиоэтническими системами вербальных значений, норм и оценок. Отсюда идентификация слова (опознание его как такового, в том числе - в условиях межэтнических контактов) должна предполагать:

- опору на признаки разных видов (перцептивные, когнитивные, аффективные; определительные и характерные и т.д.);
- увязывание идентифицированного признака с некоторым типичным для соответствующей культуры носителем (эталоном, прототипом и т.п.);
- актуализацию или подсознательный учёт более широкого круга признаков идентифицированного носителя признака.

Поскольку опора на признак - не самоцель, а средство идентификации того, что лежит за воспринимаемым словом и текстом, происходит «выход» на единую информационную базу человека при реализации рассмотренных выше функций слова как живого знания.

Объяснительную силу развиваемого теоретического подхода можно показать на примере анализа эвристического потенциала метафоры как одного из интереснейших объектов этнопсихолингвистических исследований. Традиционные представления о том, что метафора намеренно используется субъектом для создания эффекта образности, для передачи своей оценки того или иного объекта, для воздействия на реципиента и т.п., прочно и надолго заслонили изначальную предметность метафоры как основание, на котором базируются все её «изобразительные» и функциональные возможности. Именно это качество метафоры обеспечивает взаимопонимание между коммуникантами даже в случаях, когда метафора выступает как крайне индивидуальный продукт субъективного восприятия и отражения мира творческой личностью. Первичной является постоянная произвольная опора индивида на его предшествующий опыт при восприятии нового и при свежем взгляде на ранее известное, постоянное стремление прежде всего идентифицировать, понять, а уж далее (по потребностям и обстоятельствам) - закрепить в речи и передать другим то, что в какой-то момент в специфических обстоятельствах и под определённым углом зрения бросилось в глаза и возбудило некоторые чувственно-когнитивно-аффективные впечатления и переживания.

Сопоставление с предшествующим опытом происходит по множеству параметров, однако в фокусе внимания индивида может оказаться какая-то

одна особенность объекта, не обязательно существенная, но возбуждающая наиболее яркие впечатления и переживания, увязываемые с некоторым типичным носителем такой особенности (возможно, только при определённых обстоятельствах и условиях). Поскольку прочие качества объекта при этом остаются «в тени», создаются условия для формирования своеобразного метафорического «флюса» (подобно тому, как мы не замечаем, что кроме больного зуба есть ещё и другие, здоровые!); дальнейшее «раздувание» такого флюса происходит за счёт специфической *категоризации по эталону*, т.е. через подсознательный или актуально осознаваемый учёт соответствующих выводных знаний и переживаний.

При наличии общечеловеческих механизмов функционирования слова в индивидуальном лексиконе, в том числе - формирования метафорического флюса и категоризации по эталону, попадающие в фокус внимания признаки и признаки признаков могут различаться для носителей разных языков и культур. Несомненна и вероятность расхождений в наиболее типичных носителях тех или иных признаков и в характере увязываемых с ними выводных знаний и эмоционально-оценочных переживаний. Это делает понятным, почему в круг этнопсихолингвистических исследований должны войти широкие межъязыковые/межкультурные сопоставления конкретных фактов реализации эвристического потенциала метафоры в различных этнокультурных условиях.

Сказанное выше свидетельствует о необходимости исследования признаков не самих по себе, а в непосредственной связи с процессами, стратегиями и опорами при их использовании в продуцировании и понимании речи с акцентированием внимания на универсальных и идиоэтнических особенностях процессов идентификации, множественной категоризации, опоры на выводные знания разных видов. Поскольку такие процессы и стратегии ориентированы на продукт - понимание и взаимопонимание, становится важным учёт специфики естественного семиозиса.

1.7. Живое слово и естественный семиозис⁶

Интересно отметить, что при попытке дать дефиницию термина «семиозис» мы обнаруживаем отсутствие соответствующих статей даже в довольно новых словарях (см., например, [Крысин 1998; Лингвистический энциклопедический словарь 1990; Философский энциклопедический словарь 2003]), в том числе и в «Кратком словаре когнитивных терминов» [1996], и в «Большом психологическом словаре» [2004], хотя, по логике вещей, именно когнитивная наука и психология познавательных процессов

⁶ В основу этого параграфа легли отредактированный текст статьи [Залевская 2004а) и часть моего неопубликованного доклада XV Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 2006).

ранее других областей науки должны были бы озаботиться разгадкой тайны естественного семиозиса.

В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» [1996, с. 525] в качестве одной из трактовок термина «семиозис» даётся следующая дефиниция: «операция, приводящая к установлению соответствия между означаемым и означающим знака. Термин семиотики». Однако следует акцентировать внимание на вытекающем из психолингвистической теории слова (см. выше) принципиально важном положении, согласно которому «операция, приводящая к установлению соответствия между означаемым и означающим знака», на самом деле играет роль промежуточного этапа в ходе естественного семиозиса, поскольку социально принятый знак - это всего лишь инструмент, благодаря которому происходит «выход» на индивидуальный опыт, вне которого знак не может функционировать как достояние человека (см. выше о двойной жизни значений и о слове как средстве доступа к единой информационной базе индивида).

Сведения о термине «семиозис» в разных вариациях встречаются в научных текстах, где чаще всего используется классическое определение, предложенное в свое время Ч. Моррисом: «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать *семиозисом*» [Моррис 1983, с. 39].

Универсальные характеристики знаковой ситуации получили освещение в огромном количестве публикаций, ставивших основной целью решение теоретических проблем преимущественно «чистой семиотики» (по Ч. Моррису) и выполненных в русле семиотики/семиологии, философии, логики, лингвистики, теории литературы и т.д. Логико-рациональное осмысление универсальной сути семиозиса привело к разрыву между теоретическими моделями и тем, что в реальных обстоятельствах успешно обеспечивает процессы означивания у пользующегося языком человека. Во главу угла был поставлен *социальный* ракурс именованного и понимания - универсальность и всеобщность, в то время как *индивидуальный, личностный* ракурс того же явления, связанный со спецификой реализации универсального и всеобщего через неизбежные *вариативность* и *пристрастность*, до последних лет оставался в лучшем случае на периферии исследований, а более типично - вовсе игнорировался, т.е. в поисках наиболее общих закономерностей функционирования знака «за скобками» оставался пользующийся знаками человек, поскольку даже в межкультурных исследованиях речь традиционно идет о знаке как таковом, а не о механизмах означивания или идентификации имен в процессах познания и общения.

Определённую роль в таком положении вещей в XX в. сыграло указание Ч. Морриса на то, что «... общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака» [цит. раб., с. 41]. И хотя далее сам Ч. Моррис уточняет, что не обязательно отрицать «индивидуальный опыт» процесса семиозиса [там же], повсеместно акцент был сделан

на теоретизировании в области системы отношений между компонентами семиозиса, измерений и уровней семиозиса и т.п. Это вполне естественно с той точки зрения, что «... семиология изучает не мыслительные операции означивания, но только коммуникативные конвенции как феномен культуры (в антропологическом смысле слова)» [Эко 1998, с. 54]. На самом деле и сам Ч. Моррис признавал: «Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта» [Моррис 1983, с. 43].

Более того, вслед за Ч.С. Пирсом, исследователи поместили в фокус внимания логический аспект теории знака, и его весьма продуктивная идея семиозиса как перевода не получила «выхода» за пределы системы знаков, поскольку, как подчеркивает У. Эко, «... *интерпретанта* это не *интерпретатор*, т.е. тот, кто получает и толкует знак, хотя Пирс не всегда достаточно чётко различает эти понятия. Интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» [Эко 1998, с. 53].

Представляется важным добавить, что на самом деле в опирающихся на работы Ч. Морриса и Ч. Пирса исследованиях фактически происходит подмена названных понятий (а именно - интерпретанты и интерпретатора), в значительной мере обусловленная широко известным «семантическим треугольником» Ч.К. Огдена и И.А. Ричардса, моделирующим знаковую ситуацию, которая многими воспринимается как прямо отображающая процесс означивания у индивида, хотя авторы разграничивали внешний и внутренний (психологический) контексты.

В последние годы предпринимаются попытки выйти за рамки «треугольника значения» в «трапецию значения», «психосемиотический тетраэдр» и т.д. (см. подробно: [Залевская 1999а, с. 118-124]), что можно трактовать как поиск ответа на вопрос: во что же - в конечном итоге - «переводится» словесный знак? Заметим, что Ч. Пирс в свое время не решился выйти на этот уровень «перевода», скорее всего - из-за необходимости неизбежного выхода за пределы семиотики, поскольку в центре внимания оказывается то, что лежит за словом у пользующегося им человека, обеспечивая успешность процессов понимания и взаимопонимания.

На этом фоне представляется несомненной актуальность исследования специфики того, что я называю спонтанным, или естественным, семиозисом, имеющим место в любой момент нашей речемыслительной и коммуникативной деятельности. С *этих позиций* знак в принципе не может ничего означать в отсутствие интерпретатора. Обратим особое внимание на то, что в таком случае в фокусе внимания оказываются *потребность индивида именовать вещи и его способность успешно осуществлять как именование, так и идентификацию поименованного*. Иначе говоря, речь идет о процессах означивания и идентификации и об используемых в этих процессах стратегиях и опорах, без которых знак как таковой для индивида существовать не может.

При этом важно разграничить *первичное означивание* при овладении знаком и *вторичное означивание* при дальнейшем пользовании им. Следует также признать, что процессы именования и идентификации не являются зеркальными даже для одного и того же индивида, поскольку они различаются не только по целям и направленности, но - прежде всего - по характеру лежащего за ними специфического внутреннего контекста, направляющего как ход самого процесса, так и приняты решений на разных этапах этого процесса.

Дело в том, что в первом случае мы *знаем*, что именно, в каком ракурсе и с каким эмоционально-оценочным ореолом именуем в определённых целях, и исходим при этом из личностного, функционирующего на текущий момент внутреннего контекста - своеобразной «предпрограммы», обеспечившей именно такой, а не иной ракурс видения и оценивания объекта. В отличие от этого во втором случае нам *нужно установить*, что лежало за именем для кого-то другого, но мы приступаем к решению этой задачи на основе преломления воспринимаемого слова через призму нашего «внутреннего контекста», нашей «предпрограммы», т.е. взаимопонимание всегда возможно только в некоторых пределах, ограничиваемых сходством предшествующего опыта (как личностного, так и общекультурного). Обратим внимание на то, что и сам автор, перечитывая написанное ранее им самим, иногда по-новому воспринимает свой собственный текст, поскольку за истекший период времени произошли изменения в его личностном опыте, и восприятие текста теперь направляется иной «предпрограммой», задающей соответствующие стратегии и опоры, стимулирующей другие эмоционально-оценочные переживания, расстановку своеобразных акцентов и т.д.

Более того, процесс именования «для себя» в значительной мере отличается от процесса именования «для других», поскольку в первом случае нам оказывается достаточным лишь намёка на подходящий внутренний контекст, в то время как для второго необходимо использование некоторого принятого социумом знака, способного актуализовать у собеседника в какой-то мере близкий его внутренний контекст.

Обратим внимание на то, что разграничение и объяснение особенностей ситуаций пользования единицей языка «для себя» и «для других» было сделано и обосновано мною в работе «Проблемы организации внутреннего лексикона человека», опубликованной в 1977 году и лишь воспроизведённой в «Избранных трудах» в 2005 году. Это уточнение представляется мне существенным в связи с тем, что в зарубежных статьях появились ссылки на недавнюю публикацию работы Дэна Слобина о «думаний для говорения» как весьма перспективном аспекте исследования. Не исключая, что эта идея будет подхвачена и у нас как пришедшая с Запада, поскольку «нет пророка в своем отечестве». Скорее всего произойдет то же

самое, что случилось с предложенной мною в том же 1977 году трактовкой лексикона человека как функциональной динамической самоорганизующейся системы и сделанной тогда же попыткой объяснить специфику функционирования слова как единицы лексикона с позиций голографического принципа хранения и считывания информации. В те годы эти идеи остались незамеченными, а теперь широко принято говорить о динамике, голографическом подходе и о языке как самоорганизующейся системе, но со ссылками на иные первоисточники.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что человек как субъект процессов именования и идентификации поименованного выступает как продукт взаимодействия комплекса «начал» - *индивидуального и социального, чувственного и рационального*, при этом и название, и понимание всегда связаны с эмоционально-оценочным *переживанием* именуемого или идентифицируемого. Такой подход в корне меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой «по уговору» системы значений как конечной области реализации процессов перевода знаков с учетом того, что такая система является лишь медиатором (т.е. *промежуточным средством*), обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном личном опыте, без чего никакой знак (не в «чистой» теории, а в заземлённой практике) не может выполнять свои функции. Отсюда необходим переход на *вероятностные* по своему характеру модели *выбора стратегий и опор*, обеспечивающих итоговый «перевод» словесного знака на «язык» интеллекта, взаимодействующего с телом индивида и его личностными эмоционально-оценочными переживаниями⁷.

Это, в свою очередь, требует отказа от традиционных моделей знаковой ситуации и перехода на динамичные по своему характеру модели *выбора стратегий и опор*, обеспечивающих итоговый «перевод» словесного знака на «язык» интеллекта при взаимодействии разума с телом индивида и с его личностными эмоционально-оценочными переживаниями. Тем не менее теоретически мы можем оставаться в русле идеи *непрерывного процесса семиозиса*, принимая гипотезу Умберто Эко, согласно которой *«интерпретанта - это иной способ представления того же самого объекта»*, одна-

⁷ Можно провести аналогию между исследованиями в обсуждаемой области и рассмотрением в мировой науке проблемы бесконечной делимости материи с переходом на позиции квантовой механики: «Сначала элементарные кирпичики мироздания - атомы представляли в виде маленьких шариков, затем выяснили, что эти шарики имеют сложную внутреннюю структуру, ну а потом поняли, что это совсем даже не шарики, а нечто среднее между волной и частицей. Погружаясь в глубины микромира, физики были вынуждены отбросить старинные представления, основанные на жёстких закономерностях. Наука, используя язык \wedge -функций, перешла к вероятностному описанию явлений природы. Новый подход был принципиально отличен от классического и оказался крайне продуктивен и предельно точен в описании того, что происходит внутри и вокруг нас» [Молодо... 2004, с. 200].

ко с уточнением, что в данном случае интерпретанта функционирует не независимо от интерпретатора (как это должно быть согласно постулатам «чистой семиотики»), а у него самого как активного субъекта соответствующей деятельности, в его интересах и в полной зависимости от сложного взаимодействия комплекса разнообразных *внешних* и *внутренних* факторов (не случайно сам Эко приходит к идее «перцептивного семиозиса»).

Всё обсуждаемое мною далее касается именно живого человека, познающего мир по законам психической деятельности, но под контролем социума и - шире - культуры, через разнообразные виды контактов с окружающей действительностью (природной и социальной), в том числе (но не единственно, исключительно) - через общение.

Полностью соглашаясь с важностью акцентирования внимания на том, что речь идет именно о процессе семиозиса, подчеркнем, что для рассматриваемого ниже индивидуального ракурса этого процесса необходимо уточнение: под *естественным семиозисом* понимается комплекс процессов выбора стратегий и опор, обеспечивающих, с одной стороны, «перевод» функционирующего в культуре знака на индивидуальный «язык» понимания и переживания обозначаемого именем содержания, а с другой стороны - поиск имени, которое способно выступить в качестве социально признанного знака, позволяющего партнерам по коммуникации «высветить» в своем перцептивно-когнитивно-аффективном опыте опоры, в достаточной мере подходящие для того, чтобы они могли служить базой для взаимопонимания.

Внутренний контекст - это именно то, чего в свое время *испугался* Чарльз Пирс. Он не пошел дальше институционально установленного значения слова, поскольку боялся заглянуть глубже - в лежащие *за словом* знания и переживания как продукты индивидуального (потому различающегося) опыта, для анализа которого непригоден подход с позиций аналитической философии и логической семантики.

Конечно, приступая к рассмотрению семиозиса на таком «глубинном» уровне, мы сталкиваемся с ситуацией решения плохо сформулированных задач при пользовании «расплывчатыми множествами». Стоит ли ставить перед собой цели, для достижения которых требуется оперировать «расплывчатыми множествами»? Да, конечно, поскольку явления любого порядка и специфики должны характеризоваться некоторыми общими (возможно, универсальными) качествами, выявление которых составляет одну из ступеней познания того, что ранее казалось непостижимым. К тому же трактовка семиозиса как процесса предполагает (имплицитно) акцентирование внимания не столько на конкретном содержании «расплывчатых множеств», сколько на базовых принципах оперирования ими. Для обнаружения таких принципов требуется выход за рамки семиотики и использование интегративного подхода к трактовке слова как живого

знания, которое для субъекта естественного семиозиса - индивида - выступает в качестве медиатора выхода на образ мира во всем богатстве его составляющих и взаимосвязей между ними.

В связи с наличием определенных пределов понимания представляется рациональным пользоваться понятием «интервала» на своеобразной «шкале» понимания как континуума: крайние точки («полюсы») такого интервала ограничивают либо излишнюю «дробность», детализацию содержания на уровнях признаков и признаков признаков, которая не входила в замысел отправителя сообщения и может поэтому увести от искомого, либо чрезмерную обобщенность понимаемого, что также может получить индивидуальную интерпретацию, расходящуюся с заданной. Подобные «недолёты» и «перелёты» - обычное явление не только в повседневном общении, но и при чтении текстов, и в научных дискуссиях, поскольку человеку свойственно выходить на тот уровень «перевода знаков», поиска нужной «интерпретанты», который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов (см. рассмотренную выше спиралевидную модель идентификации слова и понимания текста).

Заметим, что решающую роль при этом может сыграть и тот или иной уровень обобщения, и любой признак признака, актуализирующий соответствующую сеть связей в перцептивно-когнитивно-аффективном опыте индивида. То, каким образом это может происходить, попытаемся проследить на некоторых примерах.

В качестве первого примера можно взять размещенное в Интернет описание одного эксперимента, в котором современных детей-первоклашек попросили нарисовать картинку по четверостишью Пушкина:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красно* кушачке.*

Для тех, кто не знаком с результатами этого эксперимента, уточню, что из первых двух строк самое сильное впечатление на детей произвели слова *летит* и *взрывая*. Этого оказалось достаточно для того, чтобы представить себе некоторую ситуацию, на основе которой с опорой на выводные знания переживалось, домысливалось и достраивалось замещение того, что лежит за незнакомыми словами *бразды* и *кибитка*. Можно проследить, как это происходило.

Итак, если что-то *летит*, то уж конечно - по небу! Значит, *кибитка* - это какой-то летательный аппарат, А может он похож на *кубик*! Таким его и надо нарисовать. К тому же это слово звучит почти как *КУБИТка*! Отсюда главное, конечно, в том, что этот самый аппарат не просто летит, а еще и *взрывает*!!! Ну прямо как в фильмах и привычных компьютерных играх! А на кого или на что направлены эти взрывы? Естественно, на раз-

бегающих живых существ, о которых прямо сказано, что они *пушистые*. Значит, эти *бразды* - зверюшки какие-то!

Вторая пара строк не менее интересна, но по-другому. Прежде всего детям понятно, что *ЯМ-щик* - это дяденька, который *роет ямы*. Раз так, у него в руках должна быть лопата. А если он в тулупе и с лопатой, то у него большая борода, лохматые волосы, и вообще - божь какой-то. К тому он же *сидит* на непонятном *облучке*: может на *ободочке*! Или просто попу взрослые так культурно называют - *облучком*, а сидит-то он на земле?

Нарисованные детьми картинки, которые легко себе представить, выступают как своеобразные продукты СЕМИОЗИСА в ДЕЙСТВИИ, в значительной мере отличающегося по целому ряду параметров от классической научной трактовки семиозиса как использования исключительно вербальных интерпретантов. Попутно вспомним аналогичные по своей сути случаи из практики своего собственного общения не только с детьми, но и с взрослыми, в том числе - с коллегами в ходе обсуждения высоко научных проблем. Общеизвестно, что даже при пользовании одними и теми же терминами, которые по определению должны быть однозначными, мы нередко фактически говорим о разных вещах, включая слышимое (или читаемое) в свой собственный внутренний контекст живого знания и переживания, которое не может быть беспристрастным и опирающимся исключительно на зарегистрированные словарями перечни необходимых и достаточных признаков соответствующих понятий или на конструируемые посредством логико-рационального описания образования, ныне огульно называемые «концептами» (о «концептах» и «конструктах» см.: [Залевская 20046]).

Следует отметить, что признание комплексности опыта, на которой индивид опирается в процессах понимания, завоевывает всё большую популярность в мировой науке, что делает актуальным уточнение ряда положений, к числу которых относятся понятие достаточного семиозиса и пересмотр трактовки роли тела в процессах означивания.

Термин «достаточный семиозис» введен Хорстом Рутрофом [Ruthrof 1997, 2000], при этом само понятие достаточного семиозиса предлагается Х. Рутрофом вместо обычно используемых процедур верификации и условий истинности. Остановимся на этом немного подробнее. Х. Рутроф отмечает, что, согласно классическому позитивистскому подходу к значению, для придания значения предложению необходимо трансформировать его в пропозицию, соотносимую с реальностью. Для принятия решения о том, является ли предложение значимым, необходимо перечислить условия, при которых языковое выражение формирует истинную пропозицию, и условий, при которых эта пропозиция окажется ложной. При этом не допускается градуальности между наличием значения и бессмысленностью.

Для обоснования сути понятия достаточного семиозиса Х. Рутроф обращается к некоторым идеям Г. Лейбница и Ч. Пирса. От Лейбница идёт

разграничение достаточного и недостаточного основания. Применение первого ограничивается формальными операциями, т.е. системами сигнификации, которые базируются на дефинициях. Недостаточные основания прилагаются к рассуждениям о мире, т.е. к синтетическим утверждениям. Если мы станем анализировать их логически, то получим бесконечную цепочку. Лейбниц перекинул между ними мостик, предположив, что в определённый момент неформального рассуждения мы должны признать, что достаточное основание уже дано, а это позволит продолжить дальнейшую аргументацию в случае, когда, строго говоря, логика не позволяет нам это делать, т.е. достаточное основание оказывается прагматическим решением вопроса.

В работах Ч. Пирса семиозис предстает как серия трансформаций знаков, порождающих значение в бесконечной цепи. Сочетание идей Лейбница и Пирса позволило Х. Рутрофу ввести понятие достаточного семиозиса, базирующееся на допущении, что продуцируются значения, достаточные для продолжения коммуникации, для достижения согласия или для успешного завершения. «Достаточный» в данном случае означает, что *тот вид невербального материала, который используется для заполнения языковых схем, выступает как эквивалентный для подходящего невербального прочтения мира*. Х. Рутроф полагает, что понятие достаточного семиозиса снимает необходимость строгой эквивалентности между тем, что говорится, и тем, что имеется; при этом уточняется, что в художественном языке достаточный семиозис распространяется до пределов, диктуемых нашей фантазией, однако при формальной и технической сигнификации достаточный семиозис может быть определён как отвечающий требованиям дискурса соответствующего вида.

Таким образом, понятие достаточного семиозиса сохраняет идею увязывания языка и нашего образа мира, но требует понятия опосредования выхода на образ мира с помощью знаков.

Это положение можно переформулировать с позиций концепции слова как живого знания и с учётом двойной жизни значений: вполне очевидно, что социально признанное значение (=коллективное знание) играет роль медиатора, обеспечивающего выход на то, что лежит за словом у пользующегося языком человека (индивидуальное знание); в то же время уровень «достаточности» семиозиса (т.е. раскручивания гипотетической спирали в нашей модели идентификации слова и понимания текста, см. рис. 1.5) определяется требованиями и условиями текущей ситуации (в том числе - взаимодействием внешнего и внутреннего контекста, что также учтено в названной модели).

Следует отметить, что в естественных ситуациях мы нередко достигаем уровня достаточного семиозиса независимо от того, что воспринимаемое было сформулировано не вполне корректно, а иногда вообще двусмысленно. См. примеры «перлов» из репортажей спортивных комментаторов:

- Из-за радости, что забил гол такому сильному противнику, Барджо повесился на воротах!
- Арбитр достал из штанов удаление.
- Португальцы идут впереди. Свой зад они просто забросили.
- Посмотрите, как великолепно отливает под всадницей конь!!!

Несмотря на всю двусмысленность и несуразицу, не замечаемую самим говорящим, УСПЕШНЫЙ СЕМИОЗИС вполне достигается. Сейчас нам смешно, а по ходу репортажа едва ли слушатели замечали, что футболист не повесился на воротах, а повис на них; арбитр достал из штанов карточку, соответствующую ситуации удаления, а не что-то другое; и т.д.

Как бы то ни было, эти и подобные им примеры наглядно демонстрируют вполне очевидный факт: реальный (спонтанный) семиозис не ограничивается языком, а лишь опосредуется им.

Таким образом, настало время для разработки психолингвистической теории семиозиса, имеющей большую объяснительную силу за счёт опоры на теорию языка как достояния индивида, на концепцию слова как средства доступа к единой информационной базе индивида и на учёт специфики индивидуального знания, по ряду параметров отличающегося от подающего логику-рациональному описанию знания коллективного.

При этом становится всё более очевидной необходимость уточнения или даже пересмотра ряда традиционно используемых терминов, первоначально использовавшихся в аналитической философии, логике, теоретической лингвистике и нередко без соответствующих комментариев применяемых в психолингвистических работах. Например, в дополнение к разграничению *референции в языке* и *референции в речи* важно сделать еще один шаг в направлении человека и определить специфику референции в языковом сознании и подсознании. То же самое относится к понятиям *идентификации*, *репрезентации* и т.п., поскольку содержание таких понятий окажется весьма различающимся для целей и условий, например, теоретической лингвистики, машинного моделирования интеллектуальных процессов и для рассмотрения ситуации естественного семиозиса, понимаемой изложенным выше образом.

Еще раз уточню, что в последнем случае речь идет прежде всего о выявлении и объяснении механизмов означивания «для себя», т.е. процесса поиска опор для переживания языкового знака как понятого в условиях функционирования языка как «живого знания», когда значение слова выполняет функцию средства (промежуточного звена, или медиатора), который позволяет «высветить» в индивидуальном образе мира определенный «сегмент», так или иначе «помеченный» в плане эмоционально-оценочных переживаний.

С позиций развиваемого подхода предлагается рабочая гипотеза, согласно которой в ходе естественного семиозиса идентификация вербальной единицы может реализоваться на разных уровнях внешнего или внут-

ренного контекста с использованием различных стратегий и опор, имеющих универсальный характер для человека как представителя вида при некоторых расхождениях в степени актуальности тех или иных стратегий и опор для разных ситуаций речемыслительной деятельности и общения, для условий различающихся языков и культур. Каждый возможный подуровень внешнего или внутреннего контекста может дать основания для актуализации тех или иных признаков (и признаков признаков), которые служат основаниями для множественных связей (в том числе по линиям выводных знаний, воображения, эмоционально-оценочных переживаний), что таит в себе опасность срабатывания принципа «испорченного телефона» и может вести к тем или иным межличностным или межкультурным расхождениям в продуктах семиозиса, что, в свою очередь способно приводить к непониманию или неверной интерпретации воспринимаемого, провоцируя неприязнь вплоть до межэтнической напряженности.

1.8. Категориальное поле используемых терминов

Завершая рассмотрение вопросов, так или иначе связанных с теоретическими основами научного изыскания, не могу пройти мимо необходимости акцентировать принципиальную важность последовательного учёта категориального поля используемых терминов, поскольку то и дело сталкиваюсь с фактами слишком вольного обращения с терминами.

В этой связи особый интерес для вдумчивого исследователя представляют указания Ф.Е. Василюка на то, что «научное понятие является адекватным и точным лишь в заданном категориальном контексте» [Василюк 2003, с. 19]. См. также:

«Каждому из понятий, описывающих различные критические ситуации, соответствует особое категориальное поле, задающее нормы функционирования этого понятия, которые необходимо учитывать для его адекватного научного употребления» [цит. раб., с. 20. Выделено мною. - А.З.].

Ф.Е. Василюк справедливо указывает на необходимость учить мастерству обращения с научными понятиями: умению их осваивать, искусству их применять, а также навыкам методологической обработки понятий:

«Методологический анализ понятия заключается ... в том, чтобы, выявив логические противоречия в его научном употреблении, отыскать тот неявный категориальный контекст, в котором противоречия снимаются, и тем самым определить точные условия научно-критического (в отличие от наивно-реалистического) употребления этого понятия. Такая методологическая работа напоминает попытку палеонтолога, нашедшего остатки странного органа ископаемого животного, восстановить среду обитания и образ жизни его, чтобы понять биологический смысл и функцию этого органа» [цит. раб., с. 10].

«Понятиям, как и материальным орудиям труда, свойственно ветшать, притупляться, засоряться, и потому они нуждаются в постоянной методологической заботе. Иногда она состоит в попутной корректировке понятия, иногда приходится ставить

его на капитальный ремонт, разбирать на части и собирать заново, иногда требуется создать совершенно новое научное понятие (взяв в качестве материала старый термин, житейское слово, поэтическую метафору), иногда необходимо "выполоть сорняки" диких понятий, чтобы пробиться к ясному смыслу, но так или иначе методологическая составляющая в профессиональном психологическом мышлении присутствует всегда» [цит. раб., с. 9-10].

Такие обширные цитаты представляются мне оправданными, поскольку Ф.Е. Василюк очень точно определяет ситуации, с которыми мы слишком часто сталкиваемся. К сожалению, важнейшее для учёного понятие «категориальное поле» далеко не всегда учитывается. Более того - понравившийся по какой-то причине термин нередко выхватывается из научного контекста (т.е. из определённой «системы координат») и переосмысливается в рамках уровня компетентности (скорее - некомпетентности!) того, кто приписал этому термину иное значение, отвечающее исследуемой ситуации только в этой, но не в принятой исходной теорией трактовке.

Такое положение вещей особенно часто проявляется при проведении исследования на так называемом «стыке» специальностей, когда понятие из смежной науки интерпретируется весьма вольно, с приписыванием ему объема и содержания, которое *хотелось бы* иметь при анализе результатов исследования для «подтверждения» собственных гипотез, которые на самом деле вовсе не обязательно должны подтверждаться, поскольку в серьёзном научном изыскании гипотеза должна подвергаться.

Для примера рассмотрим следующее определение, которое даётся в ходе описания эксперимента, проводившегося «с целью выявления участия синонимизации в создании рекламного образа» [Ямпольская 2009, с. 4].

«Прайминг эффект: При предъявлении конкретного слова-стимула испытуемые обращались к своему опыту, к ситуациям пережитым ранее (см. рис. 1). Данный процесс получил название *эффект прайминга* (приводится рисунок. - А.3.).

Данный *способ синонимизации* вызвал у адресатов ассоциации, среди которых преобладали рекламные слоганы и образы, взятые из рекламных текстов-роликов, которые извлекались из памяти при восприятии слов-стимулов. Также следует отметить, что прайминг-эффект явился тем *способом синонимической аттракции*, который вызвал наибольшее количество единичных реакций» [цит. раб., с. 12. Курсив добавлен мною, в остальном сохранены авторская орфография, знаки препинания и способы выделения текста. -А.3.].

Использование терминов из арсенала разных наук, скорее всего, должно было способствовать реализации заявленного автором метода исследования - «теоретического анализа интегративного типа» [цит. раб., с. 4]. Однако в описаниях психологических исследований под праймингом понимается *намеренное включение в экспериментальный материал* таких единиц, которые на неосознаваемом уровне должны в том или ином направлении оказывать влияние на последующее решение поставленной задачи. Например, для разных групп Ии. появление слова «труба» в списке слов-стимулов в одном случае предваряется словами типа «дом», в другом

- типа «музыка»; вполне понятно, что исходное слово будет опознаваться различно - как именование печной / водопроводной трубы или музыкального инструмента. Расширение понятия прайминга до *всего предшествующего опыта Ии.* по меньшей мере должно быть специально оговорено, однако в таком случае использование этого термина окажется избыточным, поскольку одной из *универсальных закономерностей* адаптации человека к естественной и социальной среде является именно опора на прошлый опыт.

Не менее странной представляется и трактовка опоры на прошлый опыт в качестве «способа синонимизации»: термины «синоним», «синонимия» и т.п. принадлежат лингвистике как науке, входят в ее категориальный аппарат. Они не предназначены для описания *процессов*, которые происходят у носителя языка. Синонимия не предполагает «синонимизацию вербальных и невербальных средств», о которой говорится на с. 5 цитируемой работы. На самом деле в эксперименте выявляется смысловая близость таких средств с позиций носителя языка, но для научного исследования такой ситуации требуется иная - психолингвистическая - теория слова и соответствующая терминология. В этой связи не могу не высказать недоумения по поводу наличия в цитируемой работе ссылок на мои публикации при отсутствии понимания *сути того, что в этих публикациях говорится* по поводу необходимости разграничения лингвистического термина «синоним» и психолингвистического термина «симиляр» (этот вопрос затрагивается ниже в главе 2, см. 2.6).

Расширение рамок категориального поля до их исчезновения сочетается в рассматриваемом примере с появлением более чем странного словосочетания «способ синонимической аттракции» (?)⁸.

Таким образом, в приведённом выше примере не только некорректно используются термины разных наук, но и дискредитируются психолингвистическая теория слова и интегративный подход (последний превращается в терминологическую вседозволенность, эклектическое жонглирование популярными *словами* без понимания их терминологической значимости).

Вполне очевидно, что каждый термин не только увязан с некоторой системой понятий, отвечающей принятым ведущим принципам научного исследования, но и вызывает определённый набор категориальных импликаций, которые на неосознаваемом уровне учитываются специалистом в данной области, но выпадают из поля зрения при «стыковом подходе» и влекут за собой неоправданные или ложные выводы. В качестве примера приведу только термины «парадигматика» и «синтагматика»: исследователь, по заблуждению или наивности называющий себя психолин-

⁸ Замечу, что странные словосочетания типа «эволюция развития» (в названии книги другого автора) могут быть обусловлены разными причинами, в том числе непозволительным для филолога отсутствием учёта семантики сочетаемых слов.

гвистом, при анализе результатов ассоциативного эксперимента относит к числу парадигматически связанных только слова, относящиеся к одной и той же части речи, а к числу синтагматически связанных - «правильно» согласующиеся друг с другом слова, принадлежащие к разным частям речи. Тем самым полностью игнорируются импликации, свойственные обсуждаемым терминам в психолингвистике, где речь идет о парадигматике и синтагматике на уровне смыслов, которая устанавливается по другим параметрам, в том числе - по признакам и даже признакам признаков не слов, а именуемых словами объектов (в широком смысле - т.е. действий, состояний и т.д.).

1.9. Выводы

Методология как научная основа выполняемого исследования должна последовательно направлять выбор рабочей гипотезы, материала и методов исследования, ход анализа полученных данных, интерпретацию результатов исследования, обоснование сделанных выводов и рекомендации по совершенствованию теории.

Технология как набор исследовательских процедур должна отвечать цели исследования, его теоретической базе как системе исходных ориентиров; привлекаемые из смежных наук исследовательские процедуры должны подвергаться определённой адаптации.

Базовая общенаучная метафора «живое знание» отвечает общей тенденции развития мировой науки и хорошо согласуется с принципиальными характеристиками психологической структуры значения слова.

Разработка теории значения слова как живого знания требует рассмотрения языка как достояния пользующегося им индивида - субъекта процессов познания и общения, представителя вида и личности, включённой в определённое естественное и социальное окружение; такой подход к общей теории языка актуален в свете задач современных наук о человеке.

Для разработки новой теории языка в целом и теории значения слова в частности необходим интегративный подход, принципиально отличающийся от механистического сочетания так или иначе соотносимых постулатов, терминов и результатов исследований в ряде наук о человеке и требующий разработки теории более высокой объяснительной силы за счёт нового видения исследуемого объекта в более широких ракурсах и контекстах (подобно тому как значение высказывания не является простой суммой значений составляющих его слов, но «магически» возникает как итог сложного взаимодействия того, что лежит *за словами* в сознании и под-сознании воспринимающего это высказывание индивида).

При использовании научного термина важно учитывать его категориальное поле как основание для выводного знания, согласующегося с соответствующей теорией как системой «исходных координат».

ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ⁹

2.0. Вводные замечания

Текст, положенный в основу этой главы, был написан почти 30 лет тому назад, но он оказался невостребованным по ряду причин. Как бы то ни было, но увлечённость молодых исследователей почти исключительно ассоциативным экспериментом, к тому же проводимым без глубокого понимания специфики психолингвистического исследования, заставляет надеяться, что предлагаемый материал будет прочитан, а круг используемых экспериментальных методик - расширен.

2.1. Место эксперимента в психолингвистическом исследовании

В последние годы своеобразной данью моде стало использование эксперимента в ходе работы над тем или иным языковым материалом, при этом наличие отдельного эксперимента считается достаточным для того, чтобы всё исследование было квалифицировано как «психолингвистическое». Можно даже проследить тенденцию ставить знак равенства между «экспериментальным» и «психолингвистическим» исследованием, хотя в действительности разработка экспериментальных методик на вербальном материале предшествовала появлению психолингвистики и принималась в рамках ряда наук, а психолингвистическое исследование не обязательно предполагает наличие эксперимента (ср. работы, базирующиеся на наблюдениях над детской речью и над разного рода нарушениями речи при афазиях).

Проявления неоправданного или неграмотного использования эксперимента в языковедческих исследованиях чрезвычайно многочисленны и многообразны, однако можно выделить следующие наиболее типичные случаи:

- исследование ведётся в русле лингвистических традиций, выбор процедуры эксперимента является случайным, и сам эксперимент, не согласующийся с целью и духом исследования, выглядит инородным телом, изъятие которого лишь улучшит работу в целом;
- декларируется психолингвистическая направленность исследова-

⁹ Эта глава представляет собой отредактированную часть П «Эксперимент в психолингвистике» книги [Залевская 1983а, с. 59-110]. Информация о более поздних работах и о некоторых дополнительных исследовательских процедурах содержится в сносках по ходу изложения и в последнем - дополнительном - параграфе главы, написанном специально для этой публикации.

ния, выбор эксперимента обосновывается, однако интерпретация полученных материалов ведётся в русле лингвистических традиций, т.е, имеет место отождествление понятий «языковой системы» и «индивидуальной речевой системы» (о теоретической несоизмеримости этих понятий см.: [Шерба, 1974, с. 35]; ср. также: [Леонтьев А.А., 1969б, с. 105-106]);

- эксперимент проводится ради эксперимента, а потом делается попытка каким-то образом осмыслить полученные данные и показать, для исследования каких проблем эти данные могли бы пригодиться.

Начинающему исследователю необходимо очень хорошо понять, что эксперимент - лишь средство проверки той или иной рабочей гипотезы, которая формулируется на базе хорошо обоснованной *теории*; в строгом соответствии с этой теорией и с конкретными задачами исследования производится выбор конкретного исследовательского приёма (или комплекса приёмов / методик), ведутся подготовка материала и отбор испытуемых, а также обсуждаются полученные результаты, даётся их детальная интерпретация.

Первичность теории, её роль в выборе исследовательской методики и в интерпретации итогов эксперимента прекрасно иллюстрируются двумя руководствами по экспериментальной психосемантике. Так, в книге А.Г. Шмелева «Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности» [Шмелев 1983] показана ограниченность логико-лингвистической концепции значения, дан критический анализ бихевиористских и когнитивистских теорий значения, детально рассмотрены специфика теоретико-деятельностного подхода к значению и важность использования понятий теории деятельности как языка функциональных значений. На этой основе далее излагаются экспериментальные методики, нацеленные на решение задачи «реконструкции воспроизводимых и проверяемых моделей внутреннего мира человека - его систем значений» [цит. раб., с. 59], а также анализируются психодиагностические возможности этих методик (см. также: [Шмелев 2002]).

В книге В.Ф. Петренко «Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании» [Петренко 1983] (см. также: [Петренко 1988, 1997, 2005]) теоретический анализ проблемы значения ведёт к выявлению места и функции значения как одной из образующих индивидуального сознания; рассматриваемые экспериментальные методики обсуждаются с позиций их эффективности для построения субъективных семантических пространств, являющихся операциональным аналогом категориальных структур индивидуального сознания (важна каждая составляющая выделенного определения: речь идет именно об *операциональном* аналоге и о категориальных структурах, специфичных для *индивидуального* сознания).

Итак, убедительные ответы на вопросы: с каких теоретических позиций и зачем мы будем вести исследование - должны предшествовать постановке вопроса: как это будет делаться.

Для того чтобы исключить вероятность экспериментирования ради экспериментирования, необходимо убедиться, что интересующая вас проблема действительно актуальна, мало изучена или получает разноречивую интерпретацию, что позволяет считать её интересной для дальнейшего экспериментального исследования. При этом в рамках одной и той же общей проблемы могут решаться разные более или менее детализированные конкретные задачи исследования, от корректности постановки которых во многом зависит успех всей работы.

Картину степени изученности интересующей вас проблемы можно получить через ознакомление с рядом источников. Это прежде всего периодические издания, которые отражают результаты текущих исследований. Для психолингвиста особый интерес представляют «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Вопросы психологии», «Психологический журнал», *International Journal of Psycholinguistics*¹⁰. Начинать надо со сплошного просмотра всех номеров журнала за последние 3-5 лет. Поскольку в каждой статье имеются ссылки на литературу, это позволит выяснить, к каким еще источникам следует обращаться. Такие ссылки будут пересекаться, и в какой-то момент приток новых источников прекратится, а вы получите более или менее полную картину того, что уже сделано по данному вопросу. Следует посмотреть по библиотечному каталогу, не появились ли в печати новые книги или новые издания книг тех авторов, к работам которых вам предстоит обращаться. Важно просмотреть материалы симпозиумов по психолингвистике, тезисы конференций по различным вопросам, а также все доступные выпуски сборников статей по актуальным проблемам психолингвистики.

Предлагаемые рекомендации относительно источников информации не случайно начаты с периодических изданий по психологии. Дело в том, что выработанная экспериментальной психологией традиция оформления публикаций требует четкой формулировки проблемы и задач исследования, описания материала, испытуемых и процедуры эксперимента, изложения полученных результатов и их разностороннего обсуждения.

Ясность в изложении всех этих разделов публикации обеспечивает сопоставимость результатов разных исследований. Чтобы такие публикации были понятны начинающему психолингвисту, важно быть знакомым с используемыми в них терминами, непривычными для студента-филолога.

¹⁰ В настоящее время из отечественных журналов следует прежде всего называть «Вопросы психолингвистики», из зарубежных - ряд журналов, связанных с лингвистикой и когнитивной психологией (см. сведения о цитируемых мною статьях в списке литературы). Необходимо также предпринять поиск в сети Интернет.

Прежде всего уточним, что эксперимент - это:

«... научно поставленный опыт, целенаправленное изучение вызванного нами явления в точно учитываемых условиях, когда имеется возможность следить за ходом изменения явления, активно воздействовать на него с помощью целого комплекса разнообразных <...> средств и воссоздавать это явление каждый раз, когда наличию те же самые условия и когда в этом есть необходимость» [Кондаков 1971, с. 602].

К числу важнейших преимуществ эксперимента (его суть не изменилась согласно определениям в новейших словарях - см.: [Еникеев 2006, с. 511]) по сравнению с наблюдением относятся:

- возможность *многokrатно* и в наиболее благоприятных для этого условиях наблюдать изучаемое явление;
- возможность *изолировать* изучаемое явление или отдельные его элементы;
- возможность *контролировать* - держать неизменными или систематически варьировать - отдельные условия изучаемого явления;
- возможность - путем повторения в тех же условиях - *проверять* ранее проведенные исследования.

Экспериментальная (рабочая) гипотеза - это конкретизация предположительного ответа на вопрос, поставленный в связи с изучаемой проблемой. При формулировании рабочей гипотезы следует учитывать, что заслуживающая рассмотрения и поддающаяся проверке гипотеза должна отвечать следующему ряду требований:

- быть нужной;
- в принципе согласоваться с другими гипотезами в той же области исследования;
- быть экономичной,
- отличаться логической простотой;
- поддаваться количественной проверке;
- иметь большое количество следствий, т.е. позволять предсказывать события, которые еще не изучались (гипотезы, ведущие к большому числу дедуктивных выводов, являются наиболее плодотворными).

В общем виде экспериментальная гипотеза выражает предположение о некотором *отношении между независимой переменной и зависимой переменной*; это отношение может также зависеть от побочных и дополнительных переменных.

¹¹ Источниками информации по рассматриваемым далее вопросам являются следующие руководства по экспериментальной психологии: [Готтсданкер 1982; Рамуль 1966; Anderson 1966; Naus 1967]. Напоминаю, что эта часть главы была написана в 1983 году.

Понятие переменной (variable) можно раскрыть с помощью следующего примера. Сравнивая блондинов и брюнетов, мужчин и женщин, мы оперируем двумя переменными: цвет волос и пол; в этом примере каждая из названных переменных имеет по два взаимоисключающих значения (value).

Отношение (relationship) между двумя переменными имеет место, если знание свойств объекта по одному параметру даёт возможность предсказать его свойства по другому параметру более точно, чем его можно сделать без такого знания; такое отношение называется причинным, если изменение одной переменной вызывает изменение другой.

Независимая переменная изменяется экспериментатором, а зависимая - претерпевает изменения при действии независимой переменной, принимая различные значения. Нередко вместо термина «переменная» используется термин «фактор» (ср.: «фактор времени»).

В эксперименте участвуют испытуемые (subjects; общепринятые сокращённые обозначения - Ss или Ии.). Выборка Ии. (sample) должна быть репрезентативной, т.е. достаточной, чтобы она смогла адекватно отражать свойства и характеристики изучаемой популяции (контингента потенциальных Ии., объединенных общей возрастной, профессиональной, тендерной или другой принадлежностью).

Экспериментальная методика - это совокупность конкретных операций, выполняемых в определённой последовательности. При поиске адекватной целям эксперимента методики особое внимание уделяется соответствию планируемых операций поставленным теоретическим задачам, их способности обнаружить исследуемые отношения. Точность описания хода эксперимента (experimental procedure), включая формулировки заданий, которые даются Ии., обеспечивает его последующую воспроизводимость (replicating).

Первоначальные экспериментальные данные (data) подвергаются далее обработке для определения значений зависимой переменной и для выявления значимости (significance) полученных результатов - их статистической достоверности. Надежность экспериментальных результатов может также проверяться с помощью вычисления коэффициента корреляции (взаимосвязи) выявленных значений переменных; делается также заключение относительно валидности (validity) эксперимента, т.е. степени правомерности вывода об экспериментальной гипотезе, которую обеспечивают результаты данного эксперимента по сравнению с результатами безупречного, идеального эксперимента.

Итогом экспериментального исследования является обобщение (generalization), т.е. распространение полученных выводов за пределы эксперимента, предсказание ещё не изучавшихся событий.

Конечно, мы остановились лишь на самых актуальных терминах, с которыми встретится начинающий исследователь-филолог при чтении опи-

саний экспериментов. Чтобы самому быть способным предпринять эффективное, грамотно организованное экспериментальное исследование, необходимо детально изучить хотя бы одно из современных руководств¹².

Рассмотренные термины связаны с *общей организацией* экспериментального исследования. Теперь мы ознакомимся с некоторыми классификациями экспериментальных методик (далее - ЭМ), чтобы получить определённое представление об их основных характеристиках.

2.3. Классификации экспериментальных методик

В научной литературе встречаются более или менее развёрнутые и полные классификации экспериментальных методик, основывающиеся на разных (нередко пересекающихся) классификационных принципах. Естественно, мы сможем обсудить лишь некоторые из таких классификаций.

Классификация по источнику разработки ЭМ

Поскольку первоначально психолингвистика заимствовала методы исследования из ряда наук, экспериментальные методики принято подразделять по источнику их разработки. По этому принципу выделяют психологические, физиологические и лингвистические методы психолингвистического исследования (см., например, [Основы теории речевой деятельности 1974, главы 8, 9]).

С помощью психологических методов изучаются психические процессы, составляющие психологический механизм различных актов речевой деятельности, а путем физиологических методов исследуются свойства психических процессов, лежащих в основе речевой деятельности, и сами объективные процессы, имеющие место при осуществлении речевой деятельности [Ильясов 1974, с. 113,122].

Ориентация психологического эксперимента на выявление *механизмов* речевой деятельности явилась причиной того, что психолингвистика прежде всего взяла на вооружение именно психологические экспериментальные методики. Более или менее детальное описание проведённых в психолингвистических целях психологических экспериментов дается в книгах: [Ильясов 1974; Леонтьев А.А. 1965, 1969а; Слобин, Грин 1976; Петренко 1983; Шмелев 1983] и многих других. Некоторые психологические экспериментальные методики, использование которых не требует применения специальной аппаратуры и является реальным для студента-филолога, мы будем подробно рассматривать ниже. С методиками, используемыми в физиологии и нейрофизиологии и дающими возможность получения интересных для психолингвистики результатов, можно ознакомиться по соот-

¹² Следует предпринять поиск в сети Интернет, где имеется обширная информация по этому вопросу.

ветствующим публикациям. Поскольку применение таких методик доступно лишь для специалистов, требует применения сложной аппаратуры, а в некоторых случаях возможно лишь в клинических условиях, обсуждение их здесь представляется излишним.

По мнению И.И. Ильясова, лингвистические методы отличаются от психологических методов «лишь теми конкретными субъективными сторонами механизма речевой деятельности, которые традиционно относятся к предмету лингвистики и изучаются соответственно с помощью лингвистических методов» [цит. раб., с. 113]. С этим трудно согласиться, поскольку лингвистику всегда интересовал не *механизм* речевой деятельности, а её *продукт*. Лингвистические методы исследования в принципе ориентированы на решение иных задач; отсюда следует, что необходимо проявлять особую осторожность при решении вопроса о соответствии избираемой лингвистической методики теоретическим основаниям планируемого психолингвистического исследования (см. выше о роли теории и о способности предполагаемых конкретных операций обнаружить изучаемые явления).

При этом следует отметить, что термин «метод», к сожалению, неоднозначен. Как справедливо указывает В.И. Кодухов [Кодухов 1974, с. 214-215], в лингвистических исследованиях методом называют и совокупность научно-исследовательских приёмов, объединённых аспектом исследования (ср.: сравнительно-исторический, сопоставительный, структурно-математический метод), и совокупность правил, а иногда и процедуру применения того или иного приёма. Более того, синонимично термину «метод» в смысле «приём» употребляется также термин «методика», который, в свою очередь, может означать и самую процедуру применения того или иного метода/приёма. В каком смысле можно говорить об использовании лингвистических методов в психолингвистических исследованиях?

К ответу на этот вопрос мы можем подойти с двух сторон: от рассмотрения методов исследования, традиционно используемых лингвистикой, и от анализа работ, в которых говорится о применении лингвистических методов (приёмов, процедур) в психолингвистических целях.

Первый из этих путей - просмотр доступных нам компендиумов и руководств по введению в языкознание и общему языкознанию - показывает, что использование лингвистического метода как совокупности научно-исследовательских приёмов, объединённых предметом исследования, не отвечает целям психолингвистических исследований, поскольку первые ориентированы на изучение разных сторон языковой системы и нормы, их функционирования и развития, а вторые - на исследование языковой (речевой) способности и связанной с ней проблематики. Второй путь приводит к чёткому ответу: все известные нам авторы имеют в виду не что иное, как исследовательские процедуры - *методики*, преимущественно *экспериментальные методики*, использование кото-

рых оправдывает себя при постановке некоторых психолингвистических задач (для примера см.: [Основы теории речевой деятельности 1974; Теория речевой деятельности 1968]). В чем же состоит специфика таких лингвистических методик? И являются ли они подлинно лингвистическими?

Разговор о лингвистическом эксперименте оправданно принято начинать с обращения к классической работе академика Л.В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», опубликованной в 1931 г., но сохранившей свою актуальность до нашего времени (см.: [Щерба 1974, с. 24-39]). Л.В. Щербе принадлежит заслуга обоснования возможности и громадного, по его словам, преимущества применения эксперимента - при изучении живых языков, а также показ необоснованности упреков в «субъективности» получаемых таким методом лингвистических данных. Но посмотрим повнимательнее, что именно понимал под экспериментом Л.В. Щерба и для каких целей он предлагал использовать эксперимент как метод исследования живых языков.

Справедливо упрекая лингвистов в том, что они подходят к живым языкам, как к мёртвым (ср. аналогичный упрек в другой выдающейся публикации примерно того же периода - [Волошинов 1930]), Л.В. Щерба утверждает, что при этом получают мёртвые словари и грамматики, и далее говорит:

«Исследователь живых языков должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлечённую систему, необходимо проверять её на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из неё факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило» [цит. раб., с. 31-32]. «Для меня давно уже совершенно очевидно, что путём непосредственного самонаблюдения нельзя констатировать, например, "значений" условной формы глагола в русском языке. Однако, экспериментируя, т.е. создавая разные примеры, ставя исследуемую форму в самые разнообразные условия и наблюдая получающиеся при этом "смыслы", можно сделать несомненные выводы об этих "значениях" и даже об их относительной яркости» [цит. раб., с. 33].

Вполне очевидно, что здесь говорится именно о *принципе эксперимента*, целью применения которого является получение языкового материала - фактов живого языка, ср.: «... в основе моих лингвистических утверждений всегда лежал получаемый при эксперименте языковой материал, т.е. факты языка» [цит. раб. с.33]; при этом вполне определённо очерчен и круг конечных задач подобного лингвистического исследования: только с помощью эксперимента «мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности *грамматики и словаря*» [цит. раб. с.32. Курсив мой. - А.З.]. Если при этом учесть характер приводимых в обсуждаемой работе примеров, то окажется, что Л.В.

Щерба, выделивший в первой части своей статьи понятия речевой деятельности, речевой организации, языковой системы и языкового материала (т.е. не трёх, а четырёх аспектов языковых явлений!), видит в качестве конечного результата мысленного эксперимента исследователя-лингвиста (а ведь именно о таком идет здесь речь) традиционное для языковедения описание *языковой системы*; различие состоит лишь в том, что исходный языковой материал извлекается не из письменных текстов, а из обращения к языковой интуиции экспериментатора

Иными словами, чётко разграничив понятия процесса и продукта речевой деятельности и определив роль речевой организации индивида, обуславливающей речевую деятельность и одновременно являющейся продуктом своеобразной переработки речевого опыта, Л.В. Щерба ориентирует эксперимент не на исследование «весьма сложной игры сложного речевого механизма человека» [цит. раб. с. 25], т.е. *процесса*, специфика которого должен находить отражение в адекватных действительности грамматике и словаре, а на изучение *продукта* такой «игры» как такового для введения социальной языковой нормы, характерной для определённого периода существования той или иной общественной группы.

Таким образом, по своим задачам, которые ставятся в соответствии с теоретическими основаниями исследования, лингвистический эксперимент остается ориентированным на описание языковой системы и нормы. Существо дела не меняется и тогда, когда исследователь выходит за рамки мысленного эксперимента и обращается к другим носителям языка (лингвисты называют их «информантами»): происходит фиксация языковых фактов ради их описания, без стремления заглянуть «за кадр», проследить механику процессов, приводящих к продуцированию языковых фактов и находящихся отражение в этих фактах. При таком положении вещей обращение к языковой интуиции индивидов (каким бы ни было их количество) имеет лишь одно преимущество перед традиционным извлечением языковых фактов из письменных источников: оно отражает языковую норму *текущего* момента, в то время как анализ письменных источников делает это со значительным опозданием, хотя в последние годы этот недостаток в определённой мере восполняется появлением очередных выпусков словарей новых слов и значений. Заметим, кстати, что во многих случаях включённые в такие словари новообразования, извлечённые из наиболее «свежих» публикаций, воспринимаются читающими как неудобоваримые, отсюда возможен и такой вид лингвистического эксперимента: предъявление выборок из подобных словарей значительному числу носителей языка для выявления степени приемлемости новообразования. Однако и в этом случае итогом будет лишь констатация динамики языковой *нормы*, в то время как поиск причин такой динамики и выявление её *механизмов* потребуют иных методов исследования, в частности, экспериментов другого типа.

Итак, для исследовательских целей, которые вытекают из теоретических оснований лингвистики, эксперимент не так уж нужен. Не случайно при анализе методов лингвистических исследований эксперименту, как правило, не находится места или он упоминается лишь в качестве технической процедуры, применяемой при изучении фонетики. Представляется любопытным подчеркнуть, что в случаях, когда разговор об эксперименте все-таки возникает, речь может идти не о лингвистическом (в понимании Л.В. Щербы), а о психологическом, психофизиологическом или психолингвистическом эксперименте. В других случаях методика Л.В. Щербы квалифицируется как «методика речевого эксперимента» (скорее уж - «речемыслительного», если действительно есть необходимость заменять широко используемый вслед за А.А. Леонтьевым [Леонтьев А.А. 1965, с. 69] термин «мысленный лингвистический эксперимент») и рассматривается в числе методик изучения языка параллельно с методикой психологического эксперимента, под которым понимается «своеобразный опрос ряда испытуемых, целью которого является получить сведения о том, как испытуемые осознают или чувствуют то или иное явление языка» [Головин 1973, с. 280, 285]. Более того, внимательный анализ примеров психолингвистических исследований с использованием лингвистических методов показывает, что фактически речь в таких случаях идёт об исконно психологических методиках, приспособленных для решения некоторых лингвистических, а через них - и психолингвистических задач.

Заметим, что и сам Л.В. Щерба признавал психологическую природу эксперимента, требующего обращения к интуиции носителя языка, ср.:

«... психологический элемент метода несомненен и заключается в оценочном чувстве правильности или неправильности того или иного речевого высказывания, его возможности или абсолютной невозможности» [Щерба 1974, с. 33].

Если же исходить из того, что «особенностью психолингвистического исследования семантики является обращение непосредственно к интуиции носителей языка» [Клименко, 1975, с. 53. Курсив мой. - А.З.], а лингвист является одним из таких носителей, то и эксперимент в понимании Л.В. Щербы можно было бы с определённой натяжкой считать «психолингвистическим». Нам представляется, однако, что дело не только и не столько в непосредственном обращении к интуиции того или иного количества носителей языка, сколько в том, зачем и на какой теоретической платформе это делается, а также *в степени соответствия избранной методики конкретным задачам предпринимаемого исследования.*

Возникает вопрос: если мы выйдем за рамки проблемы экспериментальных методик, нужно ли психолингвисту быть знакомым с методами и приемами лингвистических исследований? Ответ здесь должен быть только положительным. Настолько же, насколько важно овладеть психологическими экспериментальными методиками, необходимо изучить и методы анализа языкового материала. Глубокое понимание диагностирующих

возможностей тех и других при осознании задач психолингвистического исследования и при наличии хорошо аргументированной теории сделает реальной разработку специфических психолингвистических процедур, способных не только исследовать психические процессы, составляющие психологический механизм различных актов речевой деятельности (как это позволяют делать психологические методы), и не только учитывать формальные и содержательные характеристики получаемых в результате таких актов продуктов, (а это осуществимо посредством лингвистических методов), но и обнаруживать, а далее и *объяснять* взаимосвязи между теми и другими, чтобы проникнуть в загадки той «сложной игры сложного речевого механизма человека», о которой говорил Л.В. Щерба. Разработка таких процедур - дело будущего, а пока психолингвистика берёт на вооружение прежде всего психологические экспериментальные методики, приспособляя их для своих целей. К сожалению, нередко при этом из психологии механически переносится недостаточно внимательное отношение к лингвистическому аспекту изучаемой проблемы - вот почему так остро стоит вопрос о необходимости фундаментальной языковедческой подготовки, без которой не может вести исследование начинающий психолингвист.

Рассмотрев классификацию методов исследования по источнику, из которого эти методы были взяты, кратко остановимся и на других классификациях.

Классификация по сфере применения ЭМ

По сфере применения экспериментальных методик предлагаются классификации разных типов - от наиболее общих, охватывающих различные подходы к моделированию языковых явлений, до учета специфики частных психолингвистических проблем. Так, А.А. Леонтьев [Леонтьев А.А. 1965, с. 67-68] разграничивает экспериментальные ситуации, которые служат верификации:

- модели языковой способности;
- модели языкового стандарта;
- модели языкового процесса.

В работе [Леонтьев А.А. 1976, с. 63] обсуждаются экспериментальные методики, используемые для исследования значения слова; это:

- 1) эксперименты по наименованию;
- 2) эксперименты по экспликации субъективного содержания (типа «Что такое X?»);
- 3) эксперименты на возможность/невозможность употребления данного слова в данном контексте;
- 4) эксперименты типа «Как это называется?»;
- 5) ассоциативные эксперименты;

- 6) эксперименты по семантическому шкалированию;
- 7) эксперименты по оценке семантической близости слов;
- 8) эксперименты по выявлению зависимости психологического оперирования со словами (например, запоминание) от их содержательных характеристик;
- 9) эксперименты, направленные на изучение актуализации в оперировании отдельными словами ранее сформированной общей установки;
- 10) эксперименты по систематизации понятий.

Конечно, некоторые из перечисленных здесь экспериментов применимы и для исследования других частных психолингвистических проблем, к тому же разбиение на категории сделано по разным классификационным признакам. Например, «экспликация субъективного содержания» составляет задачу эксперимента, названного под рубрикой (2), однако этой же задаче служат и некоторые другие из приведённых видов экспериментов (ср. хотя бы ассоциативный эксперимент, выделенный в отдельную категорию по иному классификационному основанию).

Как правило, в руководствах по психолингвистике эксперименты рассматриваются в связи со сферами их употребления именно в смысле систематизации опыта их применения для решения отдельных частных проблем; другие характеристики различных видов экспериментов не учитываются, что приводит к рубрикации, основанной на смешении разных классификационных принципов (ср., например, рубрики: «Наименование», «Прямые методики изучения значений слов», «Ассоциативные методики изучения значений слов», «Измерение значений», «Психолингвистическое изучение сочетательных, статистических и стилистических свойств слов» в книге [Основы теории речевой деятельности 1974, гл.13]).

Классификации по задачам применения ЭМ

По общему характеру главной задачи исследования различают эксперименты качественного типа, позволяющие получить характеристики изучаемых явлений; эксперименты факторного типа, ставящие своей задачей выявление фактов зависимости того или иного явления от определённого фактора, и эксперименты функционального типа, при которых обнаруживается, как изменяется одно из явлений, когда определённым образом изменяется другое явление [Рамуль 1966, с. 5-6].

В зависимости от характера ставящейся перед Ии. конкретной исследовательской задачи эксперименты подразделяют на положительный, отрицательный и альтернативный; первые два вида экспериментов были выделены Л.В. Щербой, третий - А.А. Леонтьевым. Обосновывая роль эксперимента в языкознании, Л.В. Щерба не только показал важность получения утвердительных результатов опробования сделанного лингвистом предположения о том или ином правиле для подтверждения

адекватности постулата, но и особо подчеркнул ценность «отрицательного языкового материала» (высказываний с пометой «так не говорят»). По мнению Л.В. Щербой, роль такого отрицательного материала «громадна и совершенно ещё не оценена в языкознании» [Щерба 1974, с. 33]. При альтернативном эксперименте испытуемый должен констатировать тождество или нетождество предъявляемых ему языковых фактов [Леонтьев А.А. 1965, с. 64-66].

Классификация по характеру исходного материала

По характеру фигурирующего в экспериментах исходного материала различают эксперименты с вербальным или невербальным материалом (см., например, работы В.Ф. Петренко), а также эксперименты, базирующиеся на изолированных словах, на тексте или на ситуациях, создаваемых вербальным или невербальным путем. Отмеченные виды исходного материала могут быть системно представлены в виде схемы на рис. 2.1.

Рис. 2.1

Следует подчеркнуть, что ситуация занимает особое место в числе видов исходного материала, поскольку она воссоздается в сознании испытуемого с опорой на его предшествующий опыт через предъявляемые в эксперименте вербальные или невербальные средства. Вместе с тем даже в случаях, когда использование изолированного слова (предложения, текста) в ходе экспериментального исследования не предполагает экспликации некоторой ситуации, она тем не менее присутствует в сознании или подсознании индивида, направляя его последующие действия с позиций того, что описывается ныне в качестве импликаций, пресуппозиций, схем, фреймов знания, гештальтов и т.д. Сказанное заставляет усомниться в правомерности отказа от работы с изолированными словами, намечающегося в связи со все растущей популярностью текста и ситуации. Подчеркнём, что фактически для носителя языка не существует проблемы изолированного слова - при идентификации значения воспринимаемого слова индивид всегда включает его в контекст своего речевого и неречевого, индивидуального и социального предшествующего опыта (подробнее см.: [Залевская 1982]).

Классификация ЭМпо исполнителям действий в эксперименте

Участники исследования принимаются во внимание при разграничении внутреннего и внешнего экспериментов. В первом случае имеет место непосредственное, совершаемое путем волевого усилия произвольное выделение каких-либо элементов изучаемого явления и т.п. - ср. трактовку эксперимента у Л.В. Щербы (см. также о мысленном эксперименте: [Леонтьев А.А., 1965]). Речь здесь идет о том, что сам исследователь выполняет необходимые действия. К.А. Рамуль, использующий приведённые термины, ставит под сомнение возможность рассмотрения «внутреннего» эксперимента в качестве «эксперимента»; к числу важнейших особенностей «внешнего» эксперимента он относит участие в эксперименте не менее двух лиц (экспериментатора и испытуемого); более типично участие группы Ии., а при многих исследованиях сравниваются данные, полученные от двух и более групп (см.: [Рамуль 1966, с. 3-5]).

Иначе говоря, при данной классификации, в частности, учитывается, совмещаются ли функции экспериментатора и испытуемого в одном лице или эти функции распределяются между двумя и более лицами. Заметим, что для лингвиста актуальна первая из названных ситуаций (ср. эксперимент по Л.В. Щербе), а для психолингвиста - вторая (ср.: «Под экспериментальными здесь и далее подразумеваются такие методы семантического исследования, которые включают операции, заданные испытуемому» [Брудный 1968, с. 154]), хотя в действительности психолингвистическое исследование представляет собой взаимодействие «внутреннего» и «внешнего» экспериментов (ср.: этапы планирования, проведения эксперимента и анализа полученных данных, которые выполняет экспериментатор и без которых действия Ии. не имеют смысла).

Классификация ЭМ по условиям проведения эксперимента

С учётом условий проведения эксперимента различают лабораторный и естественный эксперимент, подчёркивая тем самым, что большая точность получаемых в первом случае результатов достигается за счёт искусственности условий лабораторного эксперимента.

В первые десятилетия развития психолингвистики использовался почти исключительно лабораторный эксперимент (см., например, описания проводившихся с различными целями экспериментов в работах: [Леонтьев А.А. 1965, 1969а; Слобин, Грин, 1976; Основы теории... 1974; Теория речевой деятельности 1968]); далее произошел выход за рамки лабораторного эксперимента, стала ставиться задача наблюдения и описания вербального и невербального поведения носителей различных языков в реальных условиях общения (см.: [Национально-культурная специфика... 1982, с. 3]). В связи с этим отметим следующее: 1) тем самым стал делаться акцент ско-

рее на *наблюдение* как метод исследования; 2) это вовсе не отменяет лабораторный эксперимент, без применения которого исследование определённого круга проблем оказывается попросту невозможным; 3) корректно поставленный лабораторный эксперимент строится с учетом социальных характеристик говорящих и специфики тех или иных реальных условий общения; 4) при реализации обширной программы исследований фактически имеет место сочетание лабораторного и естественного экспериментов, когда данные одного из них являются отправной точкой для организации другого или служат целям проверки, уточнения или коррекции получаемых результатов.

Классификация ЭМпо характеру выполняемых операций

С точки зрения характера операций, производимых Ии. по ходу эксперимента, разграничивают методики, связанные с выполнением конструктивных / реконструктивных операций [Брудный 1968]. Различие между этими методиками состоит в том, что при конструктивных операциях текст является продуктом некоторой деятельности Ии., в то время как для реконструктивных операций текст выступает в качестве основы заданной в эксперименте деятельности. В связи с некоторой ситуацией могут иметь место операции *речевой реконструкции* ситуации (при восприятии изображения или серии изображений тематического характера), *дешифровки* (И, воссоздает реальный прообраз ситуации, отображённой в тексте) или *достройки* (выявляются элементы ситуации, не фигурировавшие в тексте). А.И. Клименко выделяет также эксперименты, в ходе которых Ии. совершают некоторые метаязыковые операции (см., например: [Клименко, 1975], где к числу таких экспериментов отнесены оценка меры семантической близости слов, методика семантического дифференциала и др.). Думается, что этому термину должна быть найдена оправданная оппозиция (*языковые* или *речевые* операции): тогда выяснится, что А.А. Брудный и А.П. Клименко подходят к трактовке «операции» с разных точек зрения, а выделяемые ими виды операций выстраиваются в отдельные ряды, к тому же, например, речевые операции могут быть и конструктивными, и реконструктивными.

Классификация ЭМпо способу получения данных

По способу получения искомым экспериментальных данных обычно выделяют прямые и косвенные методы эмпирических исследований (см., например: [Ильясов 1974, с. 106-108; Клименко 1970, с. 25; Фрумкина 1971, с. 8]).

По мнению В.Ф. Петренко, в этом ряду должны фигурировать и опосредованные методы психолингвистических исследований. Так, если при субъективном шкалировании или классификации семантические связи

устанавливаются непосредственно, то применение ассоциативных методик или метода семантического дифференциала (далее - СД) позволяет установить такие связи опосредованно - через сходство ассоциаций на исследуемые стимулы или через сходство оценок значений, полученных по шкалам СД [Петренко 1983, с. 46-47].

К этому следует добавить, что одна и та же экспериментальная методика разными авторами может квалифицироваться как прямая, опосредованная или косвенная (ср. приведённое выше мнение В.Ф. Петренко с рассмотрением метода СД и ассоциативного эксперимента в качестве примеров прямых методов у И.И. Ильясова [Ильясов 1974, с. 114-115] или с отнесением заданий сгруппировать слова по смысловому признаку и т.п. к числу косвенных методик у А.П. Клименко [Клименко 1970, с. 25]).

Скорее всего, более чёткому разграничению экспериментальных методик по этому принципу мог бы способствовать строгий учёт того, кем именно - испытуемым в ходе выполнения задания или экспериментатором при обработке и анализе полученных материалов - используется прямая, опосредованный или косвенный доступ к искомым связям. А.Г. Шмелев в этой связи отмечает, что методологическая значимость противопоставления «прямых» и «косвенных» методов бесспорна, однако можно выделить три различных аспекта вопроса о «косвенности»: учитывать характер регистрации экспериментальных данных, способ обработки данных или постановку экспериментальной инструкции [Шмелев 1983, с. 78].

Классификация ЭМ по характеру полученных данных

С учетом характера получаемых экспериментальных данных различают количественные и качественные эксперименты. А.П. Клименко указывает, что первые из них связаны «с получением от Ии. каких-то количественных оценок тех или иных языковых явлений, оценок тех или иных фактов по некоторым шкалам», а в ходе вторых «получают от Ии. не оценки, а некоторые другие языковые единицы, качественно отличные от заданных (ср.: эксперименты на подстановку слов, на окончание фраз, на получение ответов на заданные слова-стимулы и др.)» [Клименко 1968, с. 164-165].

Подчеркну, что речь здесь идет не о конечных результатах исследования, а лишь о специфике продукта выполняемых Ии. операций; в обоих случаях полученные данные подвергаются далее количественной обработке, после чего они служат материалом для качественной интерпретации итогов проведённого исследования и для вывода об адекватности/неадекватности проверявшейся рабочей гипотезы.

Вполне очевидно, что каждая из рассмотренных классификаций характеризует эксперимент лишь по одному из возможных параметров.

Перед нами не стояла задача дать исчерпывающий перечень таких па-

раметров. Можно было бы, с одной стороны, увеличить список оснований для классификации (например, разграничить эксперименты по характеру получаемых конечных результатов), а с другой - несколько детализировать классификации по уже названным параметрам (например, при характеристике участников эксперимента учитывать количество языков, которыми они владеют, их тендерную специфику), однако изложенное выше представляется достаточным для вывода, что до сих пор не имеется единой достаточно полной и непротиворечивой классификации видов экспериментов, используемых в психолингвистических исследованиях. Более того, даже классификации по одному параметру нередко бывают неодинаковыми у разных авторов, многие из них отмечают условность предлагаемых ими классификаций (см.: [Ильясов 1974, с. 113; Клименко 1975, с. 55]).

Как бы то ни было, при поиске экспериментальной методики, адекватной задачам планируемого исследования, важно отдавать себе отчет в том, какой именно должна быть эта методика по своим общим характеристикам (например, способной обнаруживать определённую сторону языкового процесса, базирующейся на тексте, требующей от Ии. операций реконструирования, предназначенной для межязыковых сопоставлений в условиях монолингвизма или билингвизма и т.д.).

Для выбора адекватной задачам исследования экспериментальной методики необходимо также ознакомиться с началами теории измерений, используемой в психологии.

2.4. Общие понятия теории психологических измерений¹³

Для начала приведем ставшее «крылатым» и почти потерявшее автора высказывание С. Стивенса [Стивенс 1960, с. 19] о том, что зрелость науки обычно измеряется тем, в какой мере она использует математику.

Достоинство математики состоит в её способности служить моделью событий и отношений, имеющих место в эмпирическом мире. Это является возможным прежде всего потому, что существует некоторого рода изоморфизм эмпирических отношений между объектами и событиями, с одной стороны, и числовой системы с некоторыми отношениями - с другой.

Различия между объектами могут быть качественными (в терминах принадлежности к некоторой категории) и/или количественными (в терминах их частоты, величины, степени).

Качественное описание объектов называют классификацией, а количественное - измерением (measurement). Измерение предполагает

¹³ Содержащаяся в этом параграфе информация даётся по следующим источникам: [Артемьева, 1976; Зайдель 1967; Ломов и др., 1976; Льюс и Галантер, 1967; Мельников 1968; Рбшлен, 1966; Стивене, 1960; Суппес и Зинес, 1967; Фрумкяна, 1971; Фрумкяна и Василевич, 1971; Хикс 1967; Psychological Scaling 1960].

оперирование числами, или *ценностями* (values), которые обеспечивают количественное описание объектов, способное служить основой для получения дальнейших сведений об изучаемых объектах.

Итак, слово «измерение» обозначает операцию, посредством которой числа (ценности) приписываются объектам в соответствии с определёнными правилами, знание которых необходимо для грамотной и обоснованной организации исследования. Суть таких правил сводится к установлению соответствия между некоторыми свойствами чисел и некоторыми свойствами объектов.

То, чем различаются объекты, принято называть переменной. Объекты могут различаться *качественно*, например, по принадлежности к виду, или *количественно*, например, по частоте, величине, степени наличия какого-либо признака.

Переменные могут быть *дискретными*, т.е. прерывистыми, или носить *непрерывный* характер (ср. длину, при которой различие между двумя объектами может быть очень малым или очень большим, но сама переменная представляет собой континуум).

Количественные переменные подразделяются на два типа: ранжированные (ranked variables) и шкальные (scalar variables). Ранжирование обеспечивает простое *упорядочение* объектов, в то время как шкалированием достигается описание *частоты, степени* или *величины*.

Подобно качественным параметрам, ранжированные переменные связаны с набором категорий, которые являются дискретными, или отдельными. Однако в отличие от категорий качественных переменных категории ранжированных переменных упорядочены.

Шкальные переменные могут быть далее подразделены на дискретные и недискретные. При дискретных шкалах категории являются упорядоченными, но они отделены одна от другой. По этой характеристике дискретные переменные сходны с качественными и ранжированными переменными, с помощью которых мы также получаем отдельные и чёткие категории. Для недискретных шкал категорий как таковых не существует: скорее, имеет место некоторый континуум, который градуально репрезентирует большие или меньшие количества исследуемого признака или качества. При таких шкалах объекты могут отличаться друг от друга в очень большой или в чрезвычайно малой степени.

Общая теория измерений предполагает решение двух основных проблем. Первая из них касается справедливости приписывания числовых значений объектам и явлениям, вторая - требует определения типа шкалы, при помощи которой производится измерение.

При обсуждении первой из названных проблем обычно пользуются понятиями *изоморфности* и *гомоморфности*; при этом ставится задача доказать, что некоторая эмпирическая система, рассматриваемая с целью измерения заданного свойства элементов, изоморфна соответствующим

образом выбранной числовой системе с некоторыми отношениями.

При обсуждении второй проблемы вслед за С. Стивенсом [Стивенс 1960] выделяют четыре типа шкал, упорядоченных по нарастанию уровня измерения (от самого слабого и общего до самого сильного и специфического): шкала наименований, шкала порядка, шкала интервалов и шкала отношений. Для каждой из них разрешены определённые математические операции над приписанными числами, каждая из них допускает использование некоторых методов статистической обработки полученных данных и делает лишним применение других методов и критериев проверки степени достоверности результатов исследования.

При использовании шкалы наименований экспериментатор должен расклассифицировать свои данные, т.е. установить «отношение равномерности», позволяющее ему распределить полученные данные в определённое число «дизъюнктивных»¹⁴ классов: каждый результат должен найти своё место в одном и только одном классе (ср.: классификацию растений, животных, минералов). Числа, применяемые для обозначения классов, обладают только одним свойством - быть отличными друг от друга. Все виды числовой обработки, основанные на шкалах наименований, касаются упорядоченных в каждом классе чисел наблюдений и их состава. Поскольку порядок между классами не устанавливается, можно ограничиться изучением формы *гистограммы*, отображающей распределение признаков, остающихся верными при любом перемещении классов. По этой причине оказывается лишним смысла применение статистических мер, основанных на ранге (например, медианы) или на понятии отклонения, разницы между двумя измерениями (как среднее арифметическое или стандартное отклонение).

Измерения, производимые при помощи шкалы порядка, обладают свойствами шкалы наименований, но сверх того позволяют *упорядочивать* числа или символы, образующие данную шкалу (ср. школьные оценки или воинские звания). Иными словами, «для любых двух объектов, измеренных с помощью шкалы порядка, можно не только оказать "равны" они или нет по интенсивности некоторого признака, но и указать, какой из них в большей (или меньшей) степени обладает данным признаком» [Фрумкина 1971, с. 29-30]. Свойствами чисел, приписываемых при помощи шкалы порядка, являются такие, которые остаются неизменными при замене этих чисел другими, упорядоченными, как и первые. Возможные арифметические операции относятся, как и на уровне шкалы наименования, только к элементам, входящим в классы. Как только арифметические операции производятся над самими измерениями, имеет место выход за пределы экспериментальных свойств рассматриваемой шкалы и нарушается основополагающая симметрия экспериментальных и числовых операций. В со-

¹⁴ Дизъюнкция предполагает выбор по принципу «или ... или».

ответствии с математическими операциями, разрешёнными на порядковой шкале, из числа статистических мер можно использовать *медиану*, но запрещено вычислять среднее арифметическое.

Для построения шкалы интервалов необходимо, чтобы была найдена такая экспериментальная операция, которая позволила бы определить то, что имеют в виду, когда говорят, что разность между двумя фактами равна разности между двумя другими фактами. Тогда можно будет приписывать числа таким образом, что двум экспериментально равным различиям будут соответствовать два равных числовых значения. При измерении такого рода отношение любых двух интервалов не зависит от единицы измерения и расположения точки отсчёта (ср. измерение температуры с помощью шкал Цельсия и Фаренгейта). Свойства чисел, приписываемых по шкале интервалов, таковы, что они сохраняются неизменными после линейного преобразования. Возможность определения того, что является дистанцией между двумя вещами, оправдывает использование способов численной обработки, учитывающих различия между их измерениями, при этом числа приписываются таким образом, чтобы равные различия соответствовали равным дистанциям. Отсюда имеет смысл вычислять *среднее арифметическое, дисперсии, коэффициент корреляции* между двумя переменными величинами на шкалах интервалов, исходя из отклонений от средней, измеренных на каждой шкале.

Шкала отношений применяется тогда, когда экспериментально определяется, что отношение между двумя какими-нибудь вещами равно отношению между двумя другими вещами. Когда достигается этот результат, можно приписывать вещам, обладающим этим свойством, числа, отношения между которыми равны. Все арифметические операции имеют смысл применительно к таким числам, однако вычисление коэффициента вариации (отношение стандартного отклонения к средней) имеет смысл только для измерений, производимых при фиксированном начале отсчета.

В связи с комплексным характером зависимостей в психологии используется ряд методов и статистических приемов, направленных на анализ сложных многофакторных структур. Так, вариационный анализ связан с оценкой влияния целого ряда факторов (независимых переменных). Этот метод применяется почти во всех областях экспериментальной психологии. Факторный анализ состоит не в установлении зависимости между переменными, а в общем определении составных частей факторной структуры сложного явления (см. ниже обсуждение методики СД).

Итак, принимая тот или иной метод, мы должны учитывать соответствующий ему «аксиоматический остов». Однако нередко в исследовательской практике имеет место резкое противоречие между низким уровнем измерения и желаемым высоким уровнем анализа данных, что приводит к неверным выводам или к иллюзии достоверности результатов. Например, для выяснения наличия связи между двумя переменными подсчи-

тывают коэффициент корреляции выборочных значений этих переменных. Если коэффициент окажется близким к нулю, делается вывод о том, что эти переменные независимы. Однако на самом деле это справедливо только для узкого круга данных, имеющих так называемое нормальное распределение.

Методы психологического *шкалирования* - это методы, позволяющие количественно оперировать качественными субъективными суждениями. Однако для того, чтобы получаемые количественные данные действительно были полезными, нужно понимать как психологический (для нас - психолингвистический) смысл исследуемых объектов, так и специфику применяемых экспериментальных процедур, сопровождаемых необходимыми приемами математической обработки данных. Поясним это на следующем примере из работы [Torgerson 1960].

Мы можем взять некоторый набор стимулов и использовать два различных метода работы с ними. В одном случае испытуемый (далее - И.) узнает, что наибольший стимул получает оценку 100; требуется приписать числа всем оставшимся стимулам таким образом, чтобы эти числа были пропорциональны соответствующей субъективной оценке каждого из них. Стимулы предъявляются по одному, И. использует любые числа, которые кажутся ему подходящими. В другом случае И. предлагается оценить те же стимулы на 11-балльной шкале с равными интервалами, используя числа от 0 до 10. Мы можем при этом сказать И., что нижняя граница шкалы - нулевая категория - репрезентирует отсутствие рассматриваемого признака; можно также показать наибольший и наименьший стимулы в этом наборе. Стимулы предъявляются по одному, И. распределяет их по 11 категориям с равными интервалами.

Несмотря на кажущееся очевидное сходство между этими двумя экспериментальными процедурами, получаемые результаты очень различны.

Предположим, крыса и лошадь за определённый период времени прибавили в весе по 0,5 кг. В некотором смысле прибавка одна и та же. Однако в то же время добавление 0,5 кг к весу лошади будет ничтожным, а к весу крысы - огромным. Итак, если мы приписываем числа так, что расстояние между 10 и 11 уравнивается с расстоянием между 1000 и 1001, мы получаем один тип шкалы. Но иной тип шкалы используется в случае, когда мы приписываем числа так, что расстояние между 10 и 11 уравнивается с расстоянием между 1000 и 1100. Одна из этих шкал оказывается, грубо говоря, логарифмом другой.

Допустим, мы останавливаемся на шкале первого типа: крыса и лошадь получают одинаковую прибавку в весе. Мы увидим, что в этом случае окажется необходимым говорить об *относительной* прибавке в весе, о приросте веса в % или о порядке *величин*. Если же мы выберем второй тип шкалы, то обнаружим, что для этого случая важнейшим понятием окажется понятие *различий*, - мы будем говорить о приросте на некоторое коли-

чество единиц, определять точность показаний в отклонениях на то или иное количество единиц.

Шкалы обоих общих типов широко используются в психологических измерениях. В шкалах первого типа признак или способ его измерения привязан к нулю (шкала поднимается от нуля); в шкалах второго типа имеются ограничения с обоих концов шкалы.

Конечно, приведённые здесь сведения дают лишь начальное представление об общей теории измерений; они должны побудить к более детальному изучению затронутых вопросов с осознанием того, что «абстрактно оценивать научную ценность того или иного метода нельзя. Для психологии особенно справедлива мысль, что нет плохого или хорошего метода, есть адекватное или неадекватное его применение» [Ломов и др. 1976, с. 19].

2.5. Некоторые экспериментальные методики

В идеале следовало бы иметь своеобразный «компендиум», содержащий более или менее детальное описание всевозможных экспериментальных методик с указанием сфер их применимости, их адекватности для решения конкретных психолингвистических задач, с анализом их достоинств и недостатков, с перечнем наиболее существенных результатов, полученных при их использовании. Однако реализация такой задачи возможна лишь в рамках многотомного исследования, ср. хотя бы монографии, в которых даётся далеко не полное обсуждение отдельных экспериментальных методик (например, ассоциативного эксперимента: [Стамег 1968]). Это заставляет нас ограничиться кратким рассмотрением лишь некоторых методик, предназначенных для психолингвистического исследования значения слова.

В числе таких методик обычно прежде всего называют ассоциативный эксперимент, возможности использования которого в психолингвистических исследованиях еще далеко не исчерпаны. Поскольку нами ранее детально рассматривались вопросы подготовки свободного ассоциативного эксперимента, обработки и интерпретации его результатов [Залевская 1971a]¹⁵, описывались ход и результаты направленного ассоциативного эксперимента [Залевская 1972], давался подробный обзор использования материалов ассоциативных экспериментов в разных странах и с различными целями [Залевская 1978a], а также обсуждались некоторые аспекты методики межъязыковых сопоставлений на базе ассоциативных экспериментов [Залевская 1979]¹⁶, здесь мы остановимся лишь на отдельных, еще не получивших достаточного освещения приёмах оперирования материалами такого рода, после чего будет уделено внимание и другим подходам к экспериментальному исследованию семантики.

¹⁵ Эта работа воспроизведена здесь в главе 3.

¹⁶ См. ниже главу 4.

Индексирование степени ассоциативной связанности

За каждой экспериментальной методикой лежит некоторая теория, даже если она открыто не формулируется.

Так, ассоциативные методики исходят из того, что детальное изучение дистрибуции ассоциативных реакций на то или иное слово-стимул, т.е. анализ связей внутри полученного *ассоциативного поля*, может служить средством выявления, во-первых, структуры значения этого слова, во-вторых, степени «рельефности» выделенных компонентов, или их «веса», по отношению друг к другу.

Поскольку значения слов существуют не сами по себе, а в некоторых связях (здесь проявляется еще одно теоретическое положение - признание системности значений слов), важно изучать *дистрибуции* ассоциативных реакций на ряды слов, связанных по какому-либо принципу (ср. тематическую группу, синонимический ряд, группу личных местоимений и т.п.). Как указывает Джеймс Диз [Deese 1965, p. 45-46], если значение слова проявляется через дистрибуцию ассоциативных реакций, то два слова в той мере близки по значению, в какой совпадают дистрибуции полученных на них ассоциативных реакций. Отсюда следует, что мерой связи между словами может быть степень совпадения общих элементов таких дистрибуций.

Существует ряд методик индексирования степени ассоциативной связанности слов. В работе Дж. Маршалла и Ч. Кофера [Marshall & Cofer 1963] обсуждаются десять методик такого рода, базирующихся на материалах свободных и направленных ассоциативных экспериментов (уточним, что в ходе свободного ассоциативного эксперимента Ии. записывают любое первое слово, которое пришло в голову в связи со словом-стимулом, а в направленном ассоциативном эксперименте дается ограничение типа: «дайте слово с таким же или сходным значением», «ответьте на данные существительные прилагательными» и т.п.). Мы рассмотрим некоторые из этих методик, по возможности обращаясь непосредственно к публикациям авторов, разработавших соответствующие индексы.

Индекс частоты ассоциативной связи (Frequency of Association) - это один из самых простых и прямых методов расчёта силы ассоциативной связи между словами; он учитывает частоту, с которой некоторое слово встретилось в качестве ассоциативной реакции на другое слово. Для получения количественного показателя этого индекса достаточно иметь перечень свободных ассоциативных реакций на отдельное слово с указанием числа Ии., давших каждую реакцию; индекс частоты ассоциативной связи вычисляется через отношение между числом Ии., давших соответствующую реакцию, и общим числом участников эксперимента. Например, в «Словаре ассоциативных норм русского языка» (1977, далее - САНРЯ) указано, что слово *отец* 193 раза было названо Ии. в каче-

стве реакции на слово МАТЬ¹⁷. Всего в эксперименте участвовало 648 Ии., отсюда: $193/648=0,30$. Но этот способ расчёта силы ассоциативной связанности не учитывает, что связь между словами может быть двусторонней (взаимной).

Индекс взаимной ассоциативной связи (Mutual Frequency Score or Measure of Belatedness) учитывает все свободные ассоциативные реакции, общие для двух исследуемых слов, а также и то, как часто каждое из этих слов вызвало другое в качестве ассоциата. Это означает, что необходимо располагать не менее чем двумя статьями ассоциативного словаря или самостоятельно полученными перечнями всех ассоциативных реакций на оба изучаемых слова, отсюда для продолжения работы с тем же примером нам нужны сведения об ассоциативных полях слов МАТЬ и ОТЕЦ. В САНРЯ приводятся данные по этим словам, однако количество Ии., давших на них ассоциативные реакции, различается (ср.: МАТЬ - 648, ОТЕЦ - 219), поэтому мы вынуждены прибегнуть к примеру Маршалла и Кофера со словами ОАК - РЕМЕ, на которые было получено одинаковое количество свободных ассоциативных реакций. Заметим, что при расчете индекса взаимной ассоциативной связи (и некоторых других индексов) принимается во внимание так называемая «имплицитная реакция» (или «репрезентативный ответ»), т.е. повторение слова-стимула Ии. (по числу участников эксперимента). В примере Маршалла и Кофера показатель имплицитной реакции приводится в скобках (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1

	ОАК	PINE	Число общих реакций
Oak	(102)	0	0
Pine	0	(102)	0
Tree	88	70	70
Forest	1	2	1
Shade	2	1	1
Wood	2	5	2
			Всего: 74

Следует обратить внимание на то, что третья колонка («Число общих реакций») включает меньшие показатели в ряду, поскольку именно они отражают степень общности полученных реакций. Например, слово *tree* было реакцией на слово ОАК 88 раз, а на слово PINE - только 70, этот показатель и внесен в третью колонку. Расчет индекса производится через отношение числа общих реакций к наибольшему возможному числу реакций на оба исследуемых слова, т.е. $74/204=0,363$. Следует подчеркнуть, что в этом случае показатель степени связанности слов объединяет самые раз-

¹⁷ Здесь и далее слова-стимулы приводятся заглавными буквами, ассоциативные реакции даются курсивом.

личные по характеру связи, не дифференцируя их (ср. хотя бы ОАК - *tree* и ОАК - *shade*), поэтому необходим тщательный *содержательный анализ* факторов, определяющих этот суммарный количественный показатель.

Индекс пересечения ассоциаций на группу слов (The Index of Inter-Item Associative strength) вычисляется на базе свободных ассоциаций на некоторый ряд слов-стимулов, поэтому необходим более обширный корпус данных, чем для вычисления приведённых выше индексов. Разработавший этот индекс Дж. Диз [Deese 1962] взял для исследования 19 слов, составивших в одном из экспериментов ассоциативное поле слова BUTTERFLY (включая и само слово-стимул), и полученные на все эти слова ассоциативные реакции; далее была составлена матрица пересечения реакций на эти 19 слов. Возьмем для примера часть матрицы взаимных связей некоторых из этих слов (по работе: [Deese 1965, p. 49]; см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

	Moth	Insect	Wings	Bird	Fly
Moth	50	2			
Insect	1	50			3
Wings	2		50	4	
Bird			15	50	4
Fly	10	9	12	15	50

Повторяющаяся цифра 50 обозначает число имплицитных ответов (Дж. Диз называет их «репрезентативными») - по числу Ии. Для примера расчёта индекса пересечения реакций возьмем первые две колонки приведённой матрицы, отражающие общие реакции на слова MOTH и INSECT. Поскольку каждый раз мы берем меньший показатель из имеющихся в ряду, то суммируются $2 + 1 + 9 = 12$. Теперь это число нужно разделить на 100 (т.е. на максимальное число ответов, полученных на оба слова), отсюда искомый индекс составит 0,12.

Вычисление подобных показателей степени связанности между словами производится для разных целей и, как правило, составляет один из этапов более широкой программы исследования. Так, полученные Дж. Дизом показатели индекса (или коэффициента) пересечения ассоциаций на группу из 19 слов были далее подвергнуты факторному анализу. Машинный анализ позволил выделить шесть факторов, лежащих в основе связей между исследуемыми словами. По первому фактору в единый кластер группируются слова, имеющие отношение к живым существам (bees, flies, bug, wing, bird), а по второму - к неодушевленным предметам (sky, spring); третий фактор подразделяет слова названной выше первой группы как имеющие положительную (wing, bird, bees, fly) или отрицательную (bug, flies, cocoon, moth, butterfly) нагрузку и т.д. Диз отмечает, что подобные биполярные противопоставления лежат в основе организации наборов слов, тем

или иным образом связанных друг с другом; противопоставления чрезвычайно важны ибо они обеспечивают одно из условий правильного выбора слова для некоторого контекста [Deese 1965, p. 77-78]. Дж. Диз указывает также что выделенные с помощью факторного анализа группы слов можно получить и прямым путем, предложив Ии. рассортировать карточки с соответствующими словами; отсюда следует, что полученные кластеры сами по себе соответствуют определённым интуитивно реализуемым противопоставлениям, которые проявляются при свободной сортировке с минимальными инструкциями [цит. раб., с.79].

Следует отметить, что по результатам рассмотренного и подобных ему исследований Диз сформулировал два основных закона, лежащих в основе организации понятийного и вербального материала в индивидуальном сознании: это законы *группировки* и *противопоставления* (см.: [Deese 1965]). В то же время выделенные им факторы проливают свет на некоторые принципы, по которым реализуются группировка и противопоставление в рамках исследованной группы слов.

Применение индекса пересечения ассоциаций на группу слов оправдывает себя при работе с понятийно связанными рядами, однако анализ полученных показателей должен включать и детальное рассмотрение промежуточных этапов исследования для выявления специфики семантических связей, определяющих суммарный конечный показатель. Так, в работе [Залевская 1971 в, с.189] нами приведена таблица, в которой сведения рассчитанные нами по методике Дж. Дизи показатели индекса пересечения ассоциативных связей групп английских, русских и казахских слов со значениями 'девочка', 'мальчик', 'женщина', 'мужчина', 'мать', 'отец', 'брат'. При этом выяснилось, например, что за незначительными на первый взгляд отклонениями в показателях индекса для пар ДЕВОЧКА - МАЛЬЧИК (0,22) и КЫЗ - БАЛА (0,18), МАТЬ - ОТЕЦ (0,15) И ШЕШЕ - ЭКЕ (0,17) лежат разные виды связей между словами: для пар русских слов в обоих случаях определяющим явилось совпадение синтагматических ассоциативных реакций в атрибутивной функции, в то время как показатель ассоциативной связанности для первой пары казахских слов зависел от наличия двух разных имплицитных реакций на слово-стимул КЫЗ (1 - 'девушка'. 2 - 'дочь'), а для второй - от большого числа синонимичных ассоциативных реакций на слова ШЕШЕ и ЭКЕ. Таким образом, одинаковые или сходные количественные показатели индекса пересечения ассоциативных реакций могут быть продуктом взаимодействия разных типов связей между словами.

В числе рассматриваемых Маршаллом и Кофером индексов ассоциативной связанности слов представляют также интерес «мера эквивалентности слов-стимулов» и «индекс таксономичности».

Мера эквивалентности слов-стимулов (Measure of Stimulus Equivalence) вычисляется на основе свободных ассоциаций на все

стимулы, связанные по принадлежности к некоторой категории (например, профессии, животные, овощи). При этом учитывается сам факт встречаемости общих ассоциатов и игнорируется их частота.

Индекс таксономичности (Taxonomic Index) вычисляется на основе данных направленного ассоциативного эксперимента. Так, Ии. просят дать по четыре примера для каждой из заданных категорий объектов, затем подсчитывается частота встречаемости каждого ответа, полученные показатели ранжируются от самого высокого до самого низкого.

По мнению Джорджа Киша [Kiss 1968], шесть из десяти рассматривавшихся Маршаллом и Кофером индексов степени ассоциативной связанности могут быть более успешно сформулированы в терминах теории графов. Поскольку графы «завоевывают» научный мир и, в частности, получают широкое распространение в психологии, где они успешно используются «для описания и анализа того, как человеческий мозг отображает внешний мир и самого себя и преобразует их своими действиями» [Суходольский 1976, с. 142], для описания памяти, для изображения логических особенностей знания и т.д., представляется важным рассмотреть этот вопрос более подробно.

Теория графов и ассоциативные связи между словами

По своей сути графы являются идеальными математическими моделями различных (в том числе психических) явлений. Поэтому способы задания, исследования, построения графов и изучения их свойств выступают в качестве способов математического изучения разного рода структур [Суходольский 1976, с. 143]. Наиболее употребительными способами задания графов являются графический и матричный способы, при этом используются следующие основные понятия теории графов.

Граф состоит из некоторого набора *вершин* (nodes), обозначаемых кружками и взаимосвязанных с помощью *дуг* (lines). Если дуги являются направленными (это обозначается с помощью стрелок), то граф квалифицируется как *ориентированный* (a directed graph). Направленные дуги могут сопровождаться цифрами. Граф может иметь вид *сети* (network), при этом его вершины называются *узлами*. Некоторая последовательность смежных вершин и дуг в графе трактуется как *путь* (path). *Длина пути* в графе (length of path) определяется числом дуг.

Пример ориентированного графа и сопровождающей его матрицы смежности (the value matrix) из работы Дж. Киша [Kiss 1968, p. 707] приведён на рис. 2.2а и 2.2б. На рис. 2.2а мы видим граф с вершинами x^1 , x^2 , x^3 , x^4 и x^5 . Можно проследить такие пути в графе, как x^1x^2 ; x^2x^4 ; x^4x^5 . Видно, что одна из дуг замыкается в той же вершине, из которой она выходит - x^4x^4 , это так называемая *петля* (loop), или *лепесток*. Этот граф интересен также тем, что в нем имеется *связующая вершина* (a connector node) x^5 , к которой направлены стрелки от вершин x^1 и x^4 .

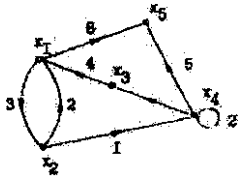

Рис. 2.2а

	x ¹	x ²	x ³	x ⁴	x ⁵
x ¹		3			8
x ²	2			1	
x ³	4				
x ⁴			5	2	5
x ⁵					

Рис.2.2б

Матрица (рис. 2.2б) представляет те же данные иным способом. Строки и колонки матрицы соответствуют вершинам графа, поэтому она представляет собой квадрат. Цифра на пересечении строки x^1 и колонки x^2 указывает на «вес» дуги от вершины x^1 к вершине x^2 . При этом количество цифр в строке соответствует числу *выходов* из рассматриваемой вершины (ср. две цифры в первой строке и исходящие дуги из вершины x^1). Сумма цифр в строке указывает на *выходную весомость* (the outdegree value) этой вершины. В отличие от этого количество цифр в колонке указывает на число *входов* в вершину, а сумма этих цифр - на *входную весомость* (the indegree value) соответствующей вершины (или «узла» сети в терминах Дж. Киша). Так, на рис.2.2б вершина x^1 имеет по два входа и выхода, но их весомость значительно различается (ср.: $2 + 4 = 6$ на входных дугах и $3 + 8 = 11$ на выходных).

С помощью рассмотренных понятий теории графов можно весьма успешно анализировать материалы ассоциативных экспериментов и устанавливать степень связи между словами. При этом вершинами графа (точнее - узлами обширной ассоциативной сети) будут слова, а дугами - ассоциативные связи между ними. В роли количественных показателей в этом случае выступают результаты проведённых ассоциативных экспериментов, указывающие на степень вероятности появления того или иного слова в качестве ассоциативной реакции на исследуемое слово.

В терминах рассматриваемого подхода по-иному интерпретируются индексы ассоциативной связанности слов. Так, индекс взаимной ассоциативной связи (Measure of Relatedness) будет выглядеть как отношение суммы весов входных связей всех узлов, которые соединяют исследуемые два слова, к сумме выходных связей этих двух слов. Индекс пересечения ассоциаций на группу слов (The Inter-Item Associative Strength) оказывается средним арифметическим показателем весов выходных связей набора слов в сети (Киш, в частности, указывает, что подход с позиций теории графов позволяет вскрыть неточность формулировок, предлагаемых при описании этого индекса Маршаллом и Кофером - см.: [Kiss 1968, p. 712].

Мера эквивалентности слов-стимулов (Measure of Stimulus Equivalence) определяется через число узлов в сети, которые связывают два или более слова исследуемого набора с ограничением; весомость дуг должна быть не ниже 3%.

Самыми существенными преимуществами использования рассматриваемого способа представления экспериментальных данных являются, с одной стороны, наглядность отображения выявляемых в эксперименте связей, а с другой - возможность использования получаемых матриц для машинной обработки данных. Киш и его сотрудники реализовали обширную программу исследований, включающую многоэтапное наращивание ассоциативной сети и составление ряда машинных программ для выявления характера связей между элементами этой сети. Поскольку ход и результаты этого исследования довольно подробно обсуждались в статье [Залевская 1983б], ограничусь здесь указанием на то, что составленный Дж. Кишем и его сотрудниками «Ассоциативный Тезаурус английского языка» [Kiss et al. 1972] открывает широкие возможности для разностороннего анализа связей между словами в индивидуальном сознании.

Индексирование ассоциативного сходства слов

Несколько особняком стоит метод анализа материалов ассоциативного эксперимента, разработанный Л. Салаи с соавторами [Szalay & Brent 1967; Szalay & D'Andrade 1972; Szalay & Maday 1973].

Этот метод базируется не на дискретных, а на продолженных свободных ассоциациях. Различие состоит в том, что в первом случае каждый И. дает только одну реакцию на слово-стимул, а во втором - значительно больше. Для того чтобы не получалось «цепочки» ассоциаций, при которой каждое последующее слово может оказаться ассоциативной реакцией не на слово-стимул, а на вызванную им предшествующую ассоциативную реакцию, Ии. получают карточки, на которых одно и то же слово-стимул повторено 10-12 раз (дается отдельная карточка на каждое слово). Обычно Ии. записывают в среднем 6-7 реакций на слово. При обработке полученных таким образом материалов учитывается ранг каждой реакции, для этого первому записанному И. ответу приписывается вес 6, второму - 5, третьему - 4, пятому, шестому, седьмому и восьмому - по 3, девятому и десятому - по 2 и последним двум - по 1. Затем подсчитывается суммарный вес каждой полученной на исследуемое слово ассоциативной реакции и на отдельной карточке записываются сводные данные, ранжированные по степени убывания веса реакций. При наличии 50 Ии. можно таким образом получить обширную картину ассоциативных связей рассматриваемых слов.

Анализ полученных ассоциативных реакций ведется с разбиением их на группы, или «категории», объединяющие ряд связанных по своему значению ассоциатов. Например, в числе ассоциативных реакций на слово

SCHOOL выделяются категории: Types of schools (сюда отнесены ассоциаты: *school, college, university, etc.*), Books, materials (*book, library, pencil, chalk, etc.*) и т.п. Для каждой такой группы ассоциативных реакций подсчитывается суммарный вес (в %). Это позволяет судить об относительной актуальности, или «релефности», того или иного вида связи, реализовавшегося в эксперименте у исследуемого слова.

Для выявления степени сходства значения двух слов рассчитывается индекс их ассоциативного сходства, или родства (The Index of Interword Associative Affinity); берется следующее отношение:

$$\frac{\text{Вес ассоциативных реакций, общих для слов A и B} + \frac{\text{Вес реакций на слово B, непосредственно вызванных словом A}}{\text{Суммарный вес ассоциативных реакций на слово A}} \times 1.000$$

Умножение на 1.000 предпринимается для того, чтобы получить в итоге не дробь, а целое число. Следует подчеркнуть, что получаемое отношение является ориентированным, т.е. показатель $A \rightarrow B$ может отличаться от показателя $B \rightarrow A$. При этом A и B могут выступать как отдельные группы (категории) реакций или как наборы таких групп.

Рассматриваемый индекс может применяться для сопоставления сходства двух слов для одной и той же группы Ии. или для сопоставления сходства двух (и более) групп Ии. по отношению к одному и тому же слову [Szalay & Brent 1967, p. 174].

Л.. Салаи и его соавторы детально разработали методику применения этого индекса для межъязыкового сопоставления ассоциативных реакций с целью выявления специфики «психологического» значения слова в условиях различных культур. Сначала представителям различных культур (на их родном языке) давалось задание в течение 5 минут назвать 25 наиболее важных с их точки зрения областей жизни и затем по одной минуте давалось на то, чтобы записать свободные ассоциативные реакции на каждую из тем, названных Ии. После ранжирования полученных перечней тем по степени их актуальности для носителей отдельных культур был составлен единый список, который далее использовался в экспериментах с носителями тех же языков и культур. После обработки результатов по описанной выше методике составлялись сводные таблицы данных по сопоставляемым группам Ии. (для каждого случая вычислялись показатели индекса $A \rightarrow B$ и $B \rightarrow A$) и на их основе строились семантографы.

Салаи и его соавторы описали результаты экспериментов на базе английского, корейского, испанского языков. Поскольку полученные ими материалы эксперимента с американскими студентами были позднее сопоставлены с результатами проведенного под нашим руководством исследования О.О. Овечкиной (дипломная работа), на рис. 2.3 приводится один из

семантографов, обобщающий установленные расхождения в степени весомости категорий, связанных с парами слов SCHOOL - ШКОЛА, EDUCATED - ОБРАЗОВАННЫЙ, TO LEARN - УЧИТЬСЯ и KNOWLEDGE - ЗНАНИЯ у американских и русских студентов (белым цветом обозначены ответы русских Ии., ответы американских студентов заштрихованы). См. подробное описание организации исследования О.О. Овечкиной, обработки полученных материалов и наглядного представления итоговых данных с помощью семантографов в публикации: [Овечкина 1978].

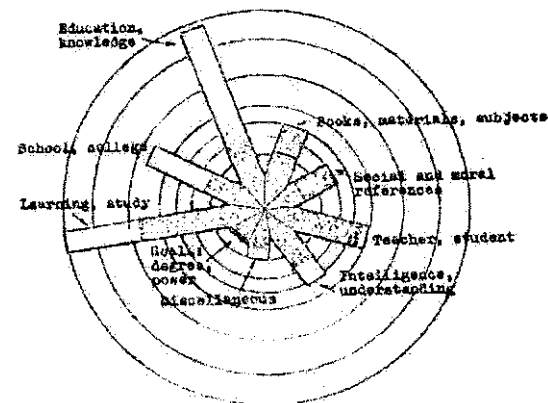

Рис. 2.3

Можно полагать, что рассмотренная методика применима для разных целей, её возможности еще далеко не исчерпаны. В частности, группировка реакций по близости их значения является мощным средством выявления структуры значения слова-стимула (см. разбор примеров: [Залевская 1979]).

К числу ассоциативных методик принято также относить методику семантического дифференциала, которая требует отдельного рассмотрения.

Методика семантического дифференциала

Методика СД была разработана и детально описана Ч. Осгудом и его сотрудниками в начале 50-х гг. [Osgood et.al. 1957]. За истекшие годы эта методика прошла экспериментальную проверку на базе разных языков, критически анализировалась с различных позиций, отвергалась и реабилитировалась и т.д. Существует необозримая литература по этому вопросу, и желающие могут более или менее подробно с нею ознакомиться (см., например: [Леонтьев А.А. 1965, 1969а; Клименко 1970; Основы теории... 1974; Петренко 1983, 1997, 2005].

Особый интерес представляет критический анализ методики СД, сделанный самим Ч. Осгудом в одной из его более поздних публикаций [Osgood 1980]. Поскольку эта работа мало известна, остановимся на ней подробно, а затем приведём отклики о методике СД некоторых отечественных и зарубежных исследователей.

Прежде всего, Ч. Осгуд разграничивает две группы методов выделения семантических признаков, отражающие различия в подходе представителей разных наук.

При интуитивных (или рациональных) методах, традиционно используемых лингвистами, специалистами по семантике, лексикографами и философами, исследователь использует свое знание родного языка, интуитивно выделяя семантические признаки посредством стратегий подстановки и противопоставления, успешность использования которых так хорошо доказана исследованиями на фонемном, морфемном и синтаксическом уровнях. Валидность получаемых данных проверяется путём обращения к интуиции других (обычно имеющих высшее образование) носителей того же языка. Очевидными преимуществами таких методов Осгуд считает возможность применения их независимо от принадлежности слова к грамматическому классу и полного использования языковой компетенции высокообразованных носителей языка. Однако примеры, которые кажутся показательными одному носителю языка, могут не казаться такими же другому; то, что кажется легко выделяемым интуитивно в нашем родном языке, может составлять трудность или оказаться вовсе не выделяемым в других языках, т.е. интуитивные методы оказываются в большой мере зависимыми от языка и культуры.

Эмпирические (или объективные) методы традиционно применяются антропологами и психологами. В этом случае исследователь также использует свою интуицию носителя языка, но это служит цели разработки подходящих языковых тестов и материалов для других - рядовых - носителей языка и помогает при интерпретации полученных результатов. Стратегии подстановки и противопоставления принимают здесь форму количественных показателей сходства и различий в суждениях этих других носителей языка относительно отобранных языковых единиц или их использования. Объективность (по участию ряда исследователей) и надежность (по наличию ряда повторений) проверяются статистически; валидность (пригодность) устанавливается через сопоставление эмпирически выделенных признаков с признаками, выделенными другими методами (например, методом компонентного анализа), и с интуитивно выделенными признаками.

Эмпирические методы имеют такие преимущества, как научная объективность и квантификация; они также потенциально применимы к исследованию языков, которые не являются родными для исследователя. Но и у этих методов есть свои недостатки: метод, оправдавший себя для некоторых типов признаков или для отдельных грамматических классов (напри-

мер, аффективные признаки для существительных), может быть непригодным для других (например, денотативные признаки для межличностных глаголов) - иными словами, проблема применимости метода является весьма важной; можно также усомниться и в осуществимости использования «рядовых» носителей языка, и в оправданности применения статистических методов для выявления чрезвычайно тонких различий, исследуемых семантикой. Общей и для эмпирических, и для интуитивных методов проблемой является проблема наименования семантических признаков.

Перейдя далее к анализу техники СД как одного из эмпирических методов выделения семантических признаков, Осгуд рассматривает не только процедуру экспериментального исследования, но и сущность обнаруженных признаков, приводит свидетельства их универсальности в человеческих языках, после чего разбирает недостатки метода СД и намечает пути разработки иной экспериментальной методики.

Осгуд предлагает прежде всего представить себе гипотетическое семантическое пространство с некоторым неизвестным количеством измерений; по аналогии с пространством цвета оно может быть трёхмерным, но теоретически его можно расширить до любого количества измерений. Центром такого пространства будет исходная точка - место полной бессмысленности. Значение любого понятия можно далее представить с помощью вектора, выходящего из этой исходной точки: длина вектора будет репрезентировать степень осмысленности данного понятия (например, ЯРОСТЬ будет иметь более длинный вектор, чем РАЗДРАЖЕНИЕ), что сходно с насыщением в цветовом пространстве; направление же вектора в пространстве, по аналогии с яркостью и оттенком, будет репрезентировать природу и качество значения. Проблему эмпирического исследования составляет выяснение вопросов типа: что представляют собой измерения семантического пространства и являются ли они естественными или произвольными?

В естественных языках люди используют субстантивы (существительные) для обозначения сущностей и квалификаторы (прилагательные) для разграничения сущностей, относящихся к одним и тем же концептуальным классам. Во всех естественных языках также имеются средства квантификации. Так, пудели - это **ОЧЕНЬ** красивые собаки, но бульдоги **СОВЕРШЕННО** безобразны. При использовании методики СД носителю языка предлагается поместить некоторое понятие (например, ПУДЕЛЬ) на 7-балльной шкале, определяемой парой полярных квалификаторов (например, *красивый - безобразный*), при этом центральная позиция на шкале является нейтральной (т.е. подразумевает *любой* или *никакой* из квалификаторов), а три шага в любом направлении обозначаются как *слегка*, *вполне* и *очень*. Осгуд приравнивает, например, оценку «+3» к построению предложения типа «пудель очень красив».

Когда группа людей шкалирует группу понятий с помощью группы полярных шкал, полученные с помощью методики СД данные могут быть схематически представлены в виде куба, ряды которого репрезентируют шкалы определителей, колонки репрезентируют субстанциональные понятия, а слои вглубь куба репрезентируют носителей языка, которые производили шкалирование. Каждая ячейка куба имеет количественный показатель, который может варьироваться от «+3» через «0» до «-3». Можно многими способами разрезать на куски для анализа этот семантический «торт», и все эти способы предполагают, что семантическое сходство индексируется через сходство дистрибуций употребления. Таким образом, описательные шкалы сходны в той мере, в какой они сходно используются Ии. по отношению к понятиям; понятия сходны в той мере, в какой они продуцируют сходные виды «предложений», и мы даже можем сказать, что два носителя языка обладают сходными семантическими системами в той мере, в какой сходны продуцируемые ими «предложения» при использовании одних и тех же понятий и шкал.

В течение 1950-х гг. Осгуд и его сотрудники получили много таких кубов данных СД и подвергли их факторному анализу, поскольку основной интерес для них представляли сами факторы шкалирования (т.е. *семантические измерения квалицирования*). Варьировались типы Ии. (это были студенты колледжей, старики, люди с разными уровнями «умственной одаренности», сторонники разных политических течений, нормальные люди в сопоставлении с шизофрениками), варьировались группы шкал и шкалируемых понятий и методы факторизации, но во всех случаях выявилась одна и та же базисная система факторов: фактор Оценки (это название легко выводится из шкал, получающих высокие оценки по этому фактору: *хороший - плохой, добрый - жестокий, честный - бесчестный*); фактор Силы (получающий свое название от шкал *сильный - слабый, твёрдый - мягкий, тяжёлый - лёгкий*); фактор Активности (в связи со шкалами *горячий - холодный, быстрый - медленный, активный - пассивный*). Осгуд рассматривает семантическую структуру «Оценка - Сила - Активность» как *аффективную систему значения*, основанную на способах, которыми люди повсеместно приписывают первичные эмоциональные ощущения окружающим их людям и вещам.

Поскольку первоначально почти все исследования по методике СД проводились с людьми одной и той же (американской) культуры, говорящими на одном и том же (английском) языке, можно было предположить, что доминирование факторов Оценки, Силы и Активности было вызвано какими-то особенностями американской культуры или английского языка или ими обоими. Поэтому была сделана попытка перейти от этноцентризма к антропоцентризму.

Эксперименты с представителями разных языков и культур в начале 1960-х гг. охватывали шесть групп Ии.: это были финны, арабы в Ливане,

фарси в Иране, каннада в Мизоре, китайцы в Гонконге и японцы. В течение 20 лет это исследование распространилось до 30 групп Ии. Поскольку внимание концентрировалось на различиях в культуре и языке, обеспечивалась максимальная сопоставимость внутри групп: во всех случаях Ии. были подростками мужского пола, обучавшимися в обычных городских средних школах.

Первым шагом было получение наборов продуктивных квалификаторов для каждой исследуемой группы. Список, включающий 100 существительных-стимулов, предъявлялся 100 школьникам-подросткам мужского пола в ходе модифицированного ассоциативного теста. В результате тщательных переводных проверок в это число вошли как абстрактные, так и конкретные понятия, хорошо знакомые Ии., например, ДОМ, ДЕВОЧКА, КАРТИНА, МЯСО, ДОВЕРИЕ, ЗУБ, ПОРАЖЕНИЕ, КНИГА, ОЗЕРО, ЗВЕЗДА, БИТВА, СЕМЯ, СИМПАТИЯ, ПРОГРЕСС, ЧАШКА, ВЕТЕР, ВОР, ХЛЕБ, ЛЮБОВЬ, ФРУКТ, ПТИЦА, НАДЕЖДА, ЖАР, КАРТА, МУЖ, ДОЖДЬ, ПРАВДА, КАМЕНЬ, БОЛЬ, УХО, УВАЖЕНИЕ, СМЕХ, ЛУНА, ХРАБРОСТЬ, РАБОТА, РАССКАЗ, НАКАЗАНИЕ, БОГАТСТВО, ЖЕНЩИНА, ОБЛАКО, КОШКА, ЯД, ДЕРЕВО, ГОЛОД, ВЫБОР, ШУМ, НУЖДА, ДОКТОР, ГНЕВ, ЯЗЫК, ЛОШАДЬ, ЖЕНИТЬБА и т.д.

После получения 10000 квалификаторов в каждой экспериментальной группе (100 мальчиков дали по 100 первых реакций-прилагательных на 100 существительных) они были отправлены в Иллинойс для компьютерного анализа на том же языке. Квалификаторы были прежде всего упорядочены в терминах их общих частот и разброса употребления со 100 существительными. 50 квалификаторов наиболее высокого ранга были затем отосланы обратно по месту проведения исследования для получения квалификаторов с противоположным значением, благодаря чему они были трансформированы в 7-балльные биполярные шкалы.

Вторым шагом было получение данных для факторизации. Другая группа Ии. - подростков мужского пола - в каждой из исследуемых культурных общностей шкалировала те же общие для всех культур 100 понятий по 50 биполярным шкалам. Итогом исследования явилась панкультурная факторизация, позволившая Осгуду сделать следующие выводы.

Прежде всего выяснилась универсальность фактора Оценки: нагрузка по этому фактору почти везде оказались в пределах 0,80 и 0,90. Многократно повторяются шкалы, переводимые как *хороший, прекрасный, приятный и милый*.

Хотя нагрузки по фактору Силы несколько ниже (они ранжируются от 0,40 до 0,70), общие оттенки силы и величины очевидны в шкалах, переводимых как *большой, сильный, тяжёлый и высокий*. Можно также заметить распространение фактора Силы на шкалы типа *военный, трудный и храбрый*.

Во всех случаях, даже для американского английского, шкалы Активности имеют несколько более низкую нагрузку (от 0,30 до 0,70), но за возможным исключением дельйского хинди, ливанского арабского и

мисорского каннада, оттенок активности очевиден в наиболее общих шкалах *быстрый, быстро, живой и активный*.

Осгуд считает полученные результаты убедительным подтверждением универсальности аффективной системы значений [цит. раб. с.104]. По его мнению, повсеместное обнаружение именно факторов Оценки, Силы и Активности объясняется тем, что выживание человека как вида зависело от ответов на вопросы типа «Это хорошо или плохо для меня?», «Это сильное или слабое по отношению ко мне?», «Это активная или пассивная вещь?». Актуальность подобных вопросов сохранилась и до наших дней.

Рассматривая далее достоинства и недостатки методики СД, Осгуд видит силу этой методики, прежде всего, в её способности сочетаться с очень мощными методиками многовариантного статистического анализа, когда факторный анализ служит средством обнаружения семантических признаков, а дистанционный анализ является точным средством определения фактов сходства и различий в значениях. Во-вторых, СД - это многомерная компонентная модель, успешно описывающая потенциально бесконечное число значений (от простых слов до сложных идей) в терминах относительно малого числа различительных признаков. Однако, в отличие от большинства компонентных систем, признаки эти имеют скорее протяжённый, чем дискретный характер, и организация их скорее парадигматическая, чем иерархическая (г.е. отсутствует логическое подчинение определённых признаков другим признакам). Ч. Осгуд также подчеркивает, что доминантные аффективные признаки СД - оценка, сила и активность - совпадают с аффективными признаками, которые доминируют в эмоциях и чувствах человека.

Основным *недостатком* СД является то, что эта методика усиливает универсальные аффективные признаки за счёт затенения в равной мере вездесущих денотативных признаков. Осгуд объясняет это следующим образом. Поскольку по методике СД любое понятие шкалируется по каждой из шкал, это означает, что, например, ТОРНАДО должно быть оценено как *справедливое* или *несправедливое*, МАТЬ - как *твёрдая* или *мягкая*, ГУБКА - как *честная* или *бесчестная*. Для каждого из 100 понятий, использованных в межкультурном исследовании, только относительно мало шкал денотативно релевантны для построения приемлемых предложений. Только *метафорически* приемлемы предложения типа *торнадо очень несправедливо, мать слегка мягкая, и губка совершенно бесчестная*. Этот переход к метафорическому использованию означает, что для большинства значений квалификативные шкалы должны быть повернуты в аффективном пространстве в сторону фактора, по которому они имеют свою доминантную нагрузку: *справедливый / несправедливый* - в сторону обобщенной Оценки, *твёрдый / мягкий* - в сторону Силы, а *горячий / холодный* - в сторону обобщенной Активности. Поэтому-то СД не может обеспечить достаточного описания значения. Так, пары понятий *НЯНЯ* и *ИСКРЕННОСТЬ, ГЕРОЙ*

и *УСПЕХ* имеют идентичную локацию в пространстве Оценки-Силы-Активности; однако, хотя можно сказать *она сообразительная няня*, нельзя сказать *она сообразительная искренность*, и, хотя можно сказать *наш герой вел их*, в то же время может быть сказано только метафорически *наш успех вел их*.

С учетом недостатков методики СД Осгуд еще в середине 60-х гг. начал разработку нового средства выявления семантических признаков - методики семантического взаимодействия (Semantic Interaction Technique). Поскольку далее мы будем рассматривать эту методику отдельно, перейдем к оценке метода СД по отзывам некоторых исследователей, ограничиваясь публикациями, в которых, с одной стороны, суммируются замеченные рядом авторов недостатки метода СД, а с другой - намечаются перспективы дальнейшего совершенствования этой экспериментальной методики.

Прежде всего следует отметить, что приведённый вариант изложения и критики методики СД самим Ч. Осгудом снимает ряд возражений, которые ранее высказывались против этой методики. Так, Осгуд уточняет, что методика СД выявляет именно *аффективную систему значения*, но не системе значения вообще; денотативные признаки он также трактует как «в равной мере вездесущие», допуская, что некоторые общие денотативные измерения могут проявиться при соответствующих условиях. Как отмечают А. Пейвио и И. Бегг [Paivio & Begg 1980], Осгуд и его сотрудники сами предположили, что шкалы *материальный / нематериальный* и *реальный / нереальный* могли бы отразить отдельное измерение. Подобного рода измерение проявилось в проведённом в 1968 г. исследовании А. Пейвио как фактор образности / конкретности, определявшийся такими взаимно коррелирующими шкалами, как *высокая степень образности / низкая степень образности, конкретный / абстрактный* и *осязаемый / неосязаемый*.

Таким образом, методика СД может быть модифицирована и расширена, чтобы она могла выявить не только аффективные измерения, первоначально обнаруженные Осгудом [Paivio & Begg 1980, p.100]; см. аналогичное заключение в работе В.Ф. Петренко [Петренко 1983], где приводятся результаты выделения нескольких дополнительных факторов по итогам исследований ряда зарубежных учёных и самого автора.

Подчёркивая важность сопряженности методики СД с эффективными методами машинного анализа, Осгуд фактически снимает возможность критики рассматриваемой методики с позиций анализа результатов, получаемых путём применения разных модифицированных вариантов методики СД, которые чаще всего предполагают ограничение исследования его первой ступенью и опущение факторного анализа.

Думается, что некоторые модификации, как и критика метода СД исследователями лингвистической семантики, идут от непонимания факти-

ческого психологического смысла этого метода и получаемых с его помощью результатов, на что справедливо указывает А.Г. Шмелев [Шмелев 1983, с. 11]. Более того, назрела необходимость критической переоценки метода СД с учётом скорректированной Осгудом теории значения, концептивно изложенной им в книге [Osgood 1980]. Как бы то ни было, представляются очевидными следующие достоинства и недочёты обсуждаемой методики.

1. Более чем 50-летний опыт применения методики СД доказывает, а теория значения Ч. Осгуда объясняет «... неоспоримый ныне эмпирический факт: наиболее существенными психологическими компонентами значения (и одновременно глобальными конститuentами семантического пространства) являются, по существу, компоненты общей эмоционально-оценочной реакции субъекта на значащий стимул» [Шмелев 1983, с. 10].

2. Метод СД ориентирован не на различение понятий, а на различение реакций на эти понятия, в то время как осгудовское семантическое пространство «фактически моделирует установленные в субъективном опыте правила проектирования множества стимулов в пространство наиболее общих эмоционально-энергетических координат человеческого поведения» [Шмелев 1983, с. 11].

3. Классический вариант методики СД не выявляет денотативных компонентов значения, а бихевиористская концепция значения «оставляет без объяснения механизмы семантической репрезентации предметных свойств объективной действительности» [Шмелев 1983, с. 12].

4. Дальнейшее развитие метода СД идет в следующих направлениях: а) по пути выявления расширенного набора факторов, более полно и разносторонне описывающих аффективную систему значения; б) по линии попыток обнаружения денотативных факторов через построение частных семантических пространств для достаточно широких понятийных классов (см. обзор: [Петренко 1983]). Представляется возможным прогнозировать еще одно направление: в) поиск способов выявления универсальных «денотативных измерений»; такое направление исследований будет логическим продолжением экспериментов, ведущихся в русле построения «семантических пространств».

5. Возможности для дальнейшего развития метода СД кроются в том, чем ранее видели его основную ограниченность, - в зависимости выделяемых факторов от взятых для анализа понятий и шкал. В.Ф. Петренко указывает, что, поскольку экспериментатор сам задает широту семантического класса анализируемых объектов и с учётом лексического наполнения шкал может ориентировать метод СД на выделение как оценочных, так и более предметных признаков, получаемые в результате факторного анализа структуры обобщений будут отражать выделенные по разным основаниям формы обобщений. В этом отношении метод СД можно сравнить с фотокамерой, имеющей сменные объективы, где аналогом последних высту-

пает характер лексического наполнения шкал [Петренко 1983, с. 48].

6. При организации экспериментального исследования по методу СД необходимо учитывать следующие моменты: а) одной из слабостей СД остается проблема взаимодействия шкал и понятий (это особый случай влияния контекста, при котором шкалируемые понятия могут предопределять интерпретацию самих прилагательных - названий шкал); б) полярные прилагательные - названия шкал сами по себе могут быть ассоциативно связаны со шкалируемым понятием; если ассоциация с одним из полярных прилагательных является сильной, то количественные показатели сдвинутся к этому концу шкалы (см.: [Paivio & Begg 1981, p. 100-101]).

7. Для оптимального использования возможностей СД как метода исследования значения необходимы, с одной стороны, глубокое понимание психологического смысла обнаруживаемых с помощью этого метода фактов и роли каждого из обязательных этапов методики СД, а с другой - построение психолингвистической теории значения, базирующейся на учёте последних достижений широкого круга наук: физиологии высшей нервной деятельности, психологии, лингвистики, социолингвистики (о роли такой теории и о некоторых возможных подходах к её построению см.: [Залевская 1982]).

Для более глубокого ознакомления с техникой СД и спецификой применения этой экспериментальной методики с разными целями на вербальном и невербальном материале следует изучить книгу В.Ф. Петренко [Петренко 1983] (см. также: [Петренко 2005; Шмелев 2002]).

Методика семантического взаимодействия

Напомним, что еще в середине 1960-х гг. Осгуд, осознававший недостаточность методики семантического дифференциала, начал разработку нового средства исследования значения - методики семантического взаимодействия (далее - СВ). Работа велась сначала на материале межличностных глаголов, а позже - на материале эмоциональных существительных. Подробно это описано в статье Ч. Осгуда «Межличностные глаголы и межличностное поведение» (1970); из-за недоступности первоисточника информация здесь даётся по книге: [Osgood 1980].

Вкратце, методика СВ использует правила употребления слов в методично варьируемых синтаксических сочетаниях (фразах, предложениях) как средство выявления минимального набора признаков, необходимых именно для этих правил употребления. «Правила» выводятся из суждений носителей языка относительно того, являются ли такие сочетания вполне подходящими или уместными (как в случае сочетания *молить* и *униженно*, где глагол и наречие объединяются для усиления признака subordinации), приемлемыми (как и в случае *молить* и *искренне*, где наречие просто добавляет признак нравственного поведения с положительным знаком) или аномальными и отсюда неприемлемыми (как в случае СО-

четания *молить* и *толерантно*, где глагол и наречие имеют противоположные знаки по признаку суперординация / субординация). На основе множества таких суждений удалось выделить, например, признак Terminal / Interterminal, который проявляется в сфере межличностных глаголов, ср.: *атаковать внезапно* (уместно) vs *помогать внезапно* (приемлемо) vs *утешать внезапно* (аномально) с *атаковать спокойно* (аномально) vs *помогать спокойно* (приемлемо) vs *утешать спокойно* (уместно). Тот же признак проявляется и у эмоциональных существительных, сравните: *внезапное удивление* (уместно) vs *внезапное возбуждение* (приемлемо) vs *внезапная меланхолия* (аномально).

Не будучи полностью удовлетворенными факторным анализом как методикой выявления признаков на основе подобных данных, Осгуд и его сотрудники опробовали целый ряд аналитических методик, но не смогли получить подходящие и работающие программы. Из-за загруженности межкультурным исследованием с использованием методики СД разработка методики СВ была временно отложена. Однако, по мнению Осгуда [Osgood 1980, p. 108], эта методика выявления семантических признаков хорошо поддается обобщениям и содержит *большие потенциалы*; она не несёт ограничений, свойственных методике СД, и является попыткой объективно использовать интуицию лингвистов и философов.

Конечно, по такому краткому описанию трудно судить о достоинствах или недочётах методики СВ. Однако, по всей видимости, эта методика заслуживает тщательной проверки на разнообразном языковом материале. Несомненно также, что успешность её применения будет в большей мере определяться, с одной стороны, глубиной исходной теории значения, а с другой - адекватностью используемых методов машинного анализа.

Нетрудно заметить, что обе разработанные Ч. Осгудом и его сотрудниками экспериментальные методики имеют несколько общих моментов, к числу которых относятся следующие.

Во-первых, общей для них конечной целью является обнаружение некоторых семантических составляющих, играющих роль универсальных ориентиров, «измерителей», координат пространства значений.

Во-вторых, в обоих случаях исследовательская процедура включает как этап сбора первоначальных данных, так и этап их машинной обработки для выявления искомым координат. Следует также подчеркнуть, что применяемый на первом этапе работы по методу СД приём может использоваться самостоятельно (см. ниже о субъективном шкалировании).

Субъективное шкалирование

Нередко возникает такая ситуация, когда вполне очевидно, что исследуемый языковой материал неоднороден по каким-то характеристикам, при этом тот или иной признак оказывается в разной мере присущим рассматриваемым единицам. Вполне естественно стремление некоторым об-

разом «измерить» степень наличия соответствующего признака или свойства. Как уже отмечалось выше, измерение предполагает приписывание чисел объектам по определённым правилам. Отсюда и вытекает использование метода количественных оценок, при котором Ии. просят указать числа, соответствующие каждому из предъявляемых им стимулов, так, чтобы каждое число было пропорционально субъективно воспринимаемой мере рассматриваемого свойства.

Следует особо оговорить, что в таких случаях ответы Ии. -

«... не есть числа: они, скорее, выражения или метки, обозначающие имена чисел. Эти имена часто и не могут употребляться как числа, например, если речь идет о названии цвета. Однако действия над числами делаются осмысленными, если отклики превращаются в случайные величины установлением соответствия между множеством откликов и множеством действительных чисел. Мы можем тогда говорить о математическом ожидании различных функций от этих случайных величин. И поскольку такое взаимно однозначное соответствие, вернее обозначение ответов числами, имеет место, удобно сослаться на это соответствие и обращаться с ответами, как с действительными числами» [Льюс. Галантер 1967, с. 150].

Существует обширная литература по вопросам теории и практики использования шкал количественных оценок и математической обработки получаемых результатов. Для целей предлагаемой публикации представляется достаточным ограничиться следующими сведениями в дополнение к тому, что уже говорилось выше об основных понятиях теории психологических измерений.

Поставив своей целью измерить степень близости значения некоторых пар слов или меру наличия какого-либо семантического признака у ряда слов и т.п., мы прежде всего должны решить, каким будет число делений на применяемой шкале. Как указывает Р.М. Фрумкина [Фрумкина 1971, с. 35], шкала с малым числом разрядов дает довольно грубые оценки в силу того, что И. не имеет возможности производить тонкую градацию стимулов. Экспериментатор, заинтересованный в получении максимальной информации, стремится поэтому иметь дробную шкалу. Однако чрезмерно большое число категорий на шкале может потребовать от Ии. такого тонкого разбиения стимулов, на которое они просто не способны, поскольку различия в предъявляемых стимулах могут быть замечены лишь до известного предела. Чаще всего экспериментаторы применяют шкалу с пятью или семью категориями.

При выборе способа обозначения категорий шкалы обычно решают вопрос, использовать ли числа (например, от «0» или от «1» до «7» или от «-3» до «+3» через «0» посередине) или словесные наименования категорий (например, «никогда», «весьма редко», «более или менее редко», «ни часто, ни редко», «более или менее часто», «весьма часто», «на каждом шагу» в шкале частоты встречаемости слов, см.: [Фрумкина, Василевич 1971, с. 20]). Как показывает наш опыт работы по данной методике, достаточно дать словесные наименования полярных пунктов шкалы и количественные

показатели всех её делений. При этом для одних целей удобнее обрабатывать материалы эксперимента, если шкала не содержит отрицательных чисел, т.е. отсчет идет от «0» или «1» до показателя «5» или «7» (например, при измерении степени близости значений слов от «полного отсутствия семантической связи» до «полного совпадения значений»), в то время как при измерении не только силы, но и характера вызываемых словом эмоционально-оценочных переживаний более подходящей оказывается 7-балльная шкала с делениями от «-3» до «+3».

В зависимости от конкретных задач исследования организация эксперимента по методике шкалирования может быть различной. Возможна оценка некоторого описки отдельных слов по одной и той же шкале для сопоставления степени выраженности в них одного и того же признака (например, таким образом производится вычисление коэффициента конкретности или коэффициента образности слов, см.: [Paivio et al. 1968; Залевская 1989в, 1990б; Колодкина 1985,1987]). По одной шкале могут оцениваться отдельные пары слов или перебираемые попарно слова некоторой определённым образом связанной группы (см., например, сравнение субъективной оценки близости значения отдельных пар слов-синонимов и синонимов [Виноградова 1981] и количественную оценку близости значения слов семантической микросистемы времени [Клименко 1970]). Одно и то же слово может также оцениваться по ряду шкал (с подобным случаем мы уже знакомы при обсуждении методики семантического дифференциала Ч. Осгуда).

Обоснование выбора статистических мер, применяемых при обработке материалов эксперимента со шкалированием по методу последовательных интервалов, дается в работах: [Фрумкина 1971; Фрумкина, Василевич 1971]. В качестве меры центральной тенденции распределения оценок выступает в этом случае медиана. В других названных выше работах по субъективному шкалировании фактически признается правомерность шкалы прямых оценок величины, поскольку в них вычисляются среднее арифметическое и среднее отклонение от него.

Следует подчеркнуть, что обоснование и разработка принципа потенциальной измеримости психических явлений представляют собой конкретизацию диалектического принципа взаимосвязи количества и качества, что служит обоснованием поиска идеальных (математических) объектов, выступающих в роли эталона, меры изучаемого объекта (см.: [Забродин, Носуленко 1983, с. 19-20]). При этом необходимо учитывать, что наблюдаемые в экспериментах оценочные шкалы не являются неизменными и подвержены влиянию множества факторов, в число которых входят способ организации эксперимента, характер инструкции и принятие её Ии., мотивация Ии. и т.п. Более того, один и тот же И. в эксперименте по оценке стимула может вырабатывать шкалы разного типа: категориальные или шкалы отношений, а переход со шкалы од-

ного типа на другой может быть связан с влиянием взаимодействия когнитивной, регулятивной и коммуникативной подсистем психического [цит. раб., с. 21-24].

Можно надеяться, что дальнейшая разработка методики шкалирования, изучение факторов, влияющих на закономерности процесса оценки, определение оптимальных статистических приемов обработки получаемых материалов - все это поможет сделать субъективное шкалирование действенным инструментом психолингвистических исследований.

Сортировка слое по близости их значения и кластерный анализ

Эта экспериментальная методика первоначально была применена Дж. Миллером [Miller 1969]. Суть её сводится к следующему. Ии. получают наборы карточек, на каждой из которых написано одно слово (оно может сопровождаться краткой дефиницией); требуется рассортировать карточки по группам (кучкам) на основании близости их значения. Число групп может либо не ограничиваться (это так называемая *свободная сортировка* или *произвольная классификация*), либо быть заданным инструкцией (см. ниже описание эксперимента Энглина). При произвольной классификации может быть получено любое число групп с любым количеством элементов в каждой.

При обработке данных такого эксперимента сначала строится матрица по каждому И. с « $m \times m$ » строк и колонок (по числу слов); для каждой пары слов помечается, были ли они помещены в одну группу. Затем составляется сводная матрица по всей группе Ии. В каждой ячейке такой матрицы имеется показатель N_{ij} ($0 \leq N_{ij} \leq N$), который может варьироваться от нуля до показателя количества Ии. в группе (N) и указывает на число Ии., которые поместили в одну кучку слова i и j . При этом показатель N_{ij} трактуется как мера психологического сходства значений двух слов, в то время как мерой психологического расстояния между значениями двух слов служит показатель $N - N_{ij}$ т.е. разность между максимальным числом возможных объединений двух слов и реально полученным числом. Затем такая сводная матрица подвергается различным видам анализа; чаще всего вслед за Дж. Миллером используют иерархический кластерный анализ по методике С. Джонсона [Johnson 1967]. Это итеративная (т.е. неоднократно применяемая) процедура, при которой постепенно понижается «критерий кластера», и группа слов трактуется как объединённая в кластер на определённом уровне, только если каждая из возможных пар слов оказалась помещённой в одну и ту же кучку то количество раз, которое принято за критерий. На получаемом таким образом графе существенные семантические различия могут находить отражение в отдельных «деревьях». Длина ветви такого дерева прямо соответствует числу Ии., которые поместили слова, помеченные на концах ветвей, в одну и ту

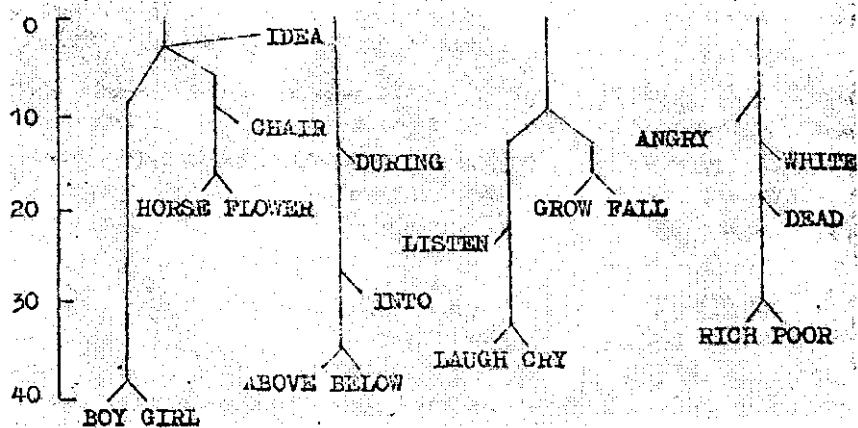

Рис. 2.5

Второй эксперимент на сортировку был организован иначе; он подразделялся на два этапа. На первом этапе всем Ии. было предложено рассортировать те же 20 слов по четырём классам, т.е. количество групп было ограничено, предполагалось разбиение слов на обширные группы, что требовало от Ии. игнорирования некоторых признаков, различавших предложенные им слова. На втором этапе Ии. были разбиты на две подгруппы. Первой из этих подгрупп было дано задание от каждой из четырёх кучек карточек убрать по одной, каждый раз изымая слово, которое является наименее близким по значению для остальных слов этой кучки. Эта процедура повторялась, пока не осталось по два слова в каждой кучке. Ии. второй подгруппы шли в противоположном направлении: они должны были сначала указать, какие два слова в каждой кучке являются самыми близкими по значению, затем требовалось по одному добавлять и другие слова из тех же кучек (по мере уменьшения степени близости их значения **GO** словами рассматриваемой кучки). Время работы Ии. ни в одном из этих случаев не ограничивалось.

Матрицы по результатам работы отдельных Ии. на втором этапе эксперимента строились следующим образом. Ячейка матрицы заполнялась нулем, если слова i и j не были объединены при первоначальном разбиении карточек на четыре кучки. Далее для первой подгруппы Ии. два слова, оставшиеся в конце процесса изъятия карточек из кучки, получали показатель 1. Ячейки, соответствующие каждому слову из этой пары и последнему изымавшемуся слову, получали показатель $(m - 1) / m - 1$ (где m - число слов в кучке). Ячейки для любого из этих трех слов и предпоследнего изымавшегося слова заполнялись по формуле $(m - 3) / m - 1$ и т.д. Для второй подгруппы Ии. ячейки для двух первых выбранных слов получали по-

казатель 1; ячейки для любого из них и следующего выбранного слова заполнялись по формуле $(m-2) / m-1$ и т.д. Далее строились суммарные матрицы по всем Ии. той или иной группы, при этом полученные для каждой ячейки показатели делились на число Ии. в группе; затем предпринималось сопоставление этих матриц с матрицами по итогам первого эксперимента, после чего сопоставлялись и полученные путем кластерного анализа деревья; использовалась также специальная процедура выявления индивидуальных различий в группировке слов Ии.

В качестве следующего примера представляется интересным привести модификацию метода свободной сортировки, предложенную А.Г. Шмелевым с целью сокращения числа Ии. Как указывает автор,

«... после получения первой классификации испытуемый должен был последовательно объединять имеющиеся группы в новые, все более ёмкие по числу слов и менее однородные по смыслу, объединяя на каждом этапе по две наиболее сходные группы вплоть до получения полного кластера в 20 карточек. В индивидуальной матрице результатов (20 x 20) паре слов ставилось в соответствие целое число (балл сходства), соответствующее порядковому номеру того уровня, на котором два данных слова попали в одну группу» [(Шмелев 1978, с. 45)].

Заметим, что последующая кластеризация производилась А.Г. Шмелевым по методу связи, а не по методу диаметра, как это делал И. Энглин (см. выше о трёх методах расчета сходства слов при реконструировании дерева классификации по алгоритму Джонсона). А.Г. Шмелев использует и иной способ представления дендрограммы (см. рис. 2.6).

По мнению В.Ф. Петренко, В.В. Кучеренко и А.А. Нистратова [1982, с. 66], на матрицах больших размерностей следует применять третий метод расчета сходства, использующий средневзвешенные групповые оценки сходства; там же приводится формула расчёта по методу средневзвешенного группового сходства.

В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев и А.А. Нистратов [1978] применили метод сортировки (классификации) и для исследования невербального материала; после свободной сортировки 50 рисунков на тему «Охрана природы» Ии. просили дать условные названия выделенным классам и по возможности охарактеризовать их. Кластеризация в этом случае производилась по методу связи.

Поскольку иерархический кластерный анализ Джонсона может быть применён только по отношению к матрицам, содержащим достаточное количество градаций сходства, А.Г. Шмелев разработал также алгоритм иерархической дихотомической классификации, позволяющей моделировать семантическое дерево по результатам трехбалльной оценки сходства, полученной от одного И. (это алгоритм класса «разбиений по эталонным точкам». См. подробнее: [Шмелев 1983, с. 72-73]).

Этим же автором предложен и алгоритм клайк-анализа - особая программа для ЭВМ, позволяющая моделировать пересекающиеся семанти-

ческие классы, выделяемые из матриц эмпирического сходства [цит. раб., с. 76-77].

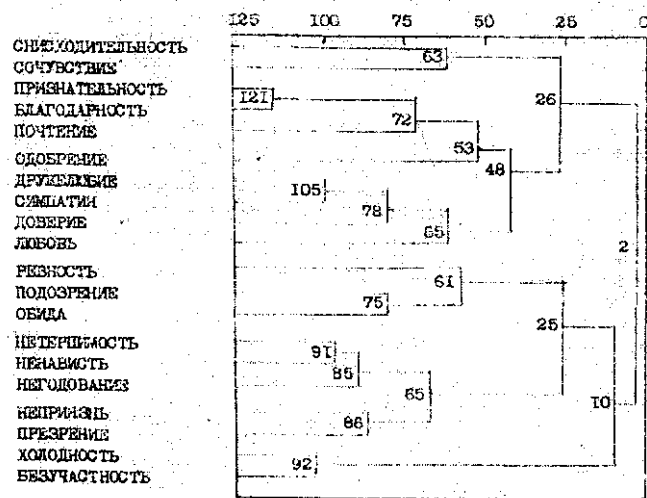

Рис. 2.6

Возможны и другие методики кластерного анализа, не обязательно опирающиеся на классификационные процедуры первого шага исследования. Так, Дж. Киш и его сотрудники разработали ряд программ машинного кластерного анализа результатов обширного ассоциативного эксперимента [Kiss et al. 1973]; см. также: [Залевская 1983б].

Следует также ознакомиться с серией работ по методике классификации, выполняемых под руководством Р.М. Фрумкиной (см. статьи в сб. «Экспериментальные исследования в психолингвистике» [1982]).

Важно подчеркнуть, что в статье Р.М. Фрумкиной рассматриваются вопросы теории, связанные с проблемой изучения смыслового сходства. В частности, уточняется, что в ходе свободной классификации имеет место классификация объектов на основе объективных представлений Ии. о сходстве этих объектов между собой [Фрумкина 1982, с. 8].

Другие авторы статей названного сборника обсуждают разные аспекты использования классификационных экспериментов на конкретном языковом материале¹⁸.

Важные вопросы теории и практики экспериментального психолингвистического исследования детально обсуждаются в книге [Фрумкина 2001]. Интересные примеры применения различных экспериментальных методик анализирует Л.В. Сахарный [Сахарный 1989]; см. также: [Левицкий, Стернин 1989; Тимофеева 2010].

2.6. Важность оперирования комплексом экспериментальных процедур

При организации экспериментального исследования необходимо обеспечивать, с одной стороны, многостороннее изучение объекта, а с другой - высокую степень достоверности получаемых результатов. Отсюда особую важность с обеих точек зрения имеет применение некоторого набора экспериментальных методик, использование которых оправдано конкретными целями и условиями работы. На важность применения комплекса методик справедливо указывают многие авторы (см., например: [Клименко 1968: 165; Леонтьев А.А. 1968, с. 127]). Можно привести несколько примеров успешного сочетания ряда методик для решения актуальных задач психолингвистического исследования.

Так, в уже упоминавшейся публикации И. Энглина [Anglin 1970] описано применение следующих экспериментальных методик в целях изучения путей развития значения слова у ребенка: а) свободная сортировка; б) свободное воспроизведение слов Ии.; в) выполнение задания дать дискретные свободные ассоциации; г) заполнение пропусков в предложениях; д) заучивание и последующее воспроизведение в письменной форме групп слов с опорой на пространственные схемы, одни из которых отражали категориальные и иерархические отношения между словами, а другие - объединяли бессистемно расположенные слова; е) вербализация Ии. общих для пары слов черт или признаков через приписывание этим словам общего предиката.

Вторым примером может служить выполненное под моим руководством исследование Т.Б. Виноградовой (дипломная работа. Калинин, 1981), целью которого было изучение специфики субъективной оценки близости значения пар слов, часть которых является «признанными» (т.е. зарегистрированными в соответствующих словарях) синонимами или антонимами, а часть - по результатам моих экспериментов (см.: [Залевская 1977, с. 44]) квалифицируется в качестве психологических симиляров (от англ. similar - 'сходный', 'похожий') и психологических оппозитов (от англ. opposite - 'противоположный').

Материалом для исследования Т.Б. Виноградовой послужили 12 пар «признанных» синонимов, отобранных из словарей синонимов русского языка; 18 пар симиляров, куда вошли описанные в моих работах случаи и отобранные самой Т.Б. Виноградовой из САНРЯ [1977] сходные по характеру связи ассоциативные пары слов; 8 пар «признанных» антонимов. В число рассматриваемых 38 пар слов были включены пары существительных, прилагательных, глаголов и наречий; отдельные пары симиляров были смешанными, ср.: *большой - великан; кончить - финиш*.

Т.Г. Виноградова использовала три экспериментальные методики; испытуемыми были 37 студентов Калининского госуниверситета, последовательно выполнивших следующие задания: дать направленные ассоциатив-

ные реакции (записать слова с таким же или близким значением), сгруппировать слова по общности их значения, оценить по 7-балльной шкале близость значения заданных пар слов.

Направленный ассоциативный эксперимент не во всех случаях дал чёткую картину близости значения исследуемых слов, что объясняется полисемантической некоторыми исходными словами (например, ТРУДНЫЙ) или широкой синонимического ряда слов (ср. реакции на исходное слово ГОВОРИТЬ: произносить, болтать, беседовать, разговаривать и т.д.). Не всегда согласовались показатели силы связи между исследуемыми словами, полученные при предъявлении Ии. сначала одного, а затем другого члена пары, ср.: ГЛАЗ (31) - ОКО (15), т.е. только 15 Ии. из 37 установили связь ГЛАЗ - око, в то время как в 31 случае была дана реакция ОКО - глаз. Тем не менее в некоторых случаях сила связи между симилярами оказалась близкой к силе связи между «признанными» синонимами, ср.: КВАДРАТНЫЙ (16) - ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНЫЙ (10) и КОНЧИТЬ (12) - ЗАВЕРШИТЬ (15). В эксперименте также выявилась не зарегистрированная в словарях синонимов русского языка пара слов УДАЧА - успех (19 Ии. из 37 сочли эти слова имеющими идентичное или близкое значение).

Более показательным оказалось задание на группировку слов по близости их значения; ср. количество Ии., объединивших «признанные» синонимы и симиляры:

Синонимы	Симиляры
собака - пёс (36)	голубой - синий (33)
народ - люди (34)	ребёнок - детство (32)
дорога - путь (33)	звонить - телефон (32)
горячий - жаркий (31)	учиться - изучать (30)
тяжёлый - трудный (30)	квадратный-четырёхугольный (26)
говорить - разговаривать (28)	удача - везти (26)

Результаты оценки близости значения слов по 7-балльной шкале дали возможность упорядочить исследуемые пары слов от получивших наивысшую положительную оценку (ими, как и ожидалось, оказались некоторые «признанные» синонимы: *вернуться - возвратиться, глаз — око, кончить - завершить, путь - дорога*) до получивших наивысшую отрицательную оценку (её получили такие «признанные» антонимы: *банально - оригинально, весело - грустно, талантливы й - бездарный, обожать - ненавидеть, односторонний - многосторонний*). Против ожидания, некоторые пары синонимов и антонимов получили сравнительно низкую (или недостаточно высокую) оценку близости или расхождения их значения. В то же время оценки полностью совпали для таких пар синонимов и симиляров: *люди - народ и везти - удача; большой - огромный и спросить - вопрос; говорить - разговаривать и кончить - финиш; тяжёлый - трудный и большой - великан; лошадь - конь и молодой - юноша*; сравни-

тельно высокую оценку близости значения получили и такие пары симиляров: *бабушка - старость; глаза - зрение; кричать — голос; звонить - телефон; квадратный - четырехугольный*. При этом Т.Б.Виноградова не обратила внимания на то, что одна из выбранных ею для исследования ассоциативных пар должна была квалифицироваться как пара оппозилов: *ехать - пешеход*. Примечательно, что Ии. дали этой паре слов такую же высокую отрицательную оценку, как и паре «признанных» антонимов *дети - взрослые*. Обобщая результаты анализа материалов проведённого эксперимента, Т.Е. Виноградова сделала следующий вывод:

«Субъективная оценка близости значения слов не полностью совпадает с трактовкой явления синонимии в лингвистических исследованиях. По всей видимости, для носителей русского языка существует значительно более широкий круг пар или групп слов, идентифицируемых в качестве сходных по своему значению (близких или даже идентичных), чем те, которые зарегистрированы в имеющихся словарях синонимов; в то же время критерии, на основании которых даётся субъективная оценка такой близости, требуют специального исследования с применением соответствующих экспериментальных методик» [Виноградова 1981, с. 16] .

Третьим примером использования комплекса методик может служить выполненное под моим руководством исследование Н.В. Соловьевой (дипломная работа, Калинин, 1982). Для изучения специфики значения ряда русских слов Н.В. Соловьева применила четыре экспериментальные методики: Ии. заполнили пропуски в предложениях, оценили исследуемые слова по 7-балльной шкале, дали дефиниции, а также выполнили задание на группировку слов с ранжированием по нарастанию какого-либо признака.

Материалом для экспериментов Н.В. Соловьевой служили некоторые выбранные из «Словаря синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой синонимические ряды слов; элементы таких рядов предъявлялись Ии. вразброс. Ии., как правило, выделили одно «нейтральное» слово в каждом ряду. В то же время сопоставление полученных по четырём методикам результатов между собой и с показаниями словарей дало Н.В. Соловьевой основания для вывода, что трактовка значений исследуемых слов испытуемыми-студентами не всегда совпадает со словарными дефинициями этих слов. Так, в первом томе «Словаря синонимов русского языка» [1970, с. 83] сказано, что слово *трепач* обозначает то же, что *болтун*, однако Ии. Н.В. Соловьевой чётко разграничили значения этих слов и дали первому из них значительно более резкую отрицательную оценку. Во втором томе названного словаря [с. 646] нет указания на то, что *пижону* присуща некоторая безвкукусность или крикливость в одежде, однако участники эксперимента не только подчеркнули такую характеристику в дефинициях этого слова, но и отграничили последнее от слова *франт*, оценённого менее отрицательно.

¹⁹ Эта линия исследований была далее продолжена в кандидатской и докторской диссертациях С.В. Лебедевой [Лебедева 1991, 2000а, 2000б].

Примеры подобного рода можно было бы продолжить, но остаётся очевидным, что для изучения особенностей значения слова как достояния человека ещё предстоит разрабатывать специфические экспериментальные процедуры и продумывать сочетание таких процедур в комплексе используемых методик²⁰.

2.7. Дополнительная информация

За последние десятилетия проведено необозримое множество экспериментальных исследований, часть которых может быть отнесена к числу психолингвистических в плане теории и технологии. Однако целью этой главы является не обзор подобных работ, а лишь краткий экскурс в возможности и необходимые условия успешности применения эксперимента для решения актуальных задач исследования значения слова как достояния индивида.

Начинающему исследователю необходимо вдумчиво изучить книгу Р.М. Фрумкиной [Фрумкина 2001] как образец тесного переплетения теории и технологии психолингвистического исследования (фактически содержание этой книги больше отвечает названию «Экспериментальная психолингвистика»). Содержащееся в этой книге детальное описание разнообразных экспериментов следует изучать по первоисточнику, поэтому здесь материалы названной книги не затрагиваются.

В качестве полезных, с моей точки зрения, дополнений к тому, о чем шла речь в этой главе, остановлюсь на ряде характерных особенностей состояния экспериментальных исследований последнего времени.

Прежде всего следует отметить, что в нашей стране делаются разнообразные попытки осмыслить вопросы теории и практики исследовательской работы (см., например: [Арнольд 1991; Гольдин, Слобнова 2008; Горощко 2001а, 200016; Гуц 2010; Дмитрюк 2000а, 2000б; Доценко 2006; Мартинович 1997; Овчинникова 1994, 2002; Пишальникова 2010; Пишальникова и др. 2010; Рогожникова 1986, 1989, 2000а, 2000б; Рублёва 2009; Салихова 1999, 2002, 2007]).

Всё расширяется круг исследуемых языков и условий их функционирования. Например, в коллективной публикации под редакцией Т.М. Рогожниковой «Галерея ассоциативных портретов» [2009] приводятся результаты выполненных ею и её учениками ассоциативных экспериментов на материале русского, башкирского, татарского, французского, немецкого языков, в том числе с Ии. разных возрастных групп (от маленьких детей до людей преклонного возраста), различающихся психологических типов Ии. (экстравертов и интровертов) и уровней одарённости, мужчин и женщин.

²⁰ Наборы экспериментальных процедур широко используются в диссертационных исследованиях, выполняемых на кафедре английского языка Тверского государственного университета; возможное сочетание 5 методик обсуждается ниже в главе 4.

Как можно видеть из Заключения (см. ниже), в мировой науке активизировались усилия по сбору больших массивов экспериментальных данных на материале многих языков: английского, венгерского, датского, испанского, итальянского, немецкого, португальского, русского, словацкого, французского, чешского, японского и др. Наряду с ассоциативными нормами, полученными для разных условий (от разных возрастных групп Ии., на материале различающихся по своим характеристикам слов и т.д.), накапливаются нормативные данные по результатам шкалирования слов по ряду параметров: конкретности, способности вызывать мысленные образы, орфографической вариативности, неоднозначности, эмоциональной нагрузке и т.д. (аналитический обзор перечисленных в Заключении материалов составит предмет отдельной публикации).

Повышенное внимание к результатам экспериментальных исследований в мировой науке объясняется рядом причин. В плане теории это связано прежде всего с задачей выявления особенностей *переработки естественного языка человеком* как базы для разработки гипотез/теорий, так или иначе связанных с проблемами лексической семантики, организацией концептуальной сферы человека, общей «архитектурой» (организацией) всего, что обеспечивает взаимопонимание и общение между людьми, с взаимодействием знаний разных видов и т.д. Так, в работе [De Deyne. & Storms 2008b] отмечается, что вербальные ассоциации исследуются для выявления топологии (т.е. дистрибутивных и структурных свойств) сетей вербальных ассоциаций; базирующиеся на вербальных ассоциациях пространственные модели используются для объяснения особенностей функционирования семантической памяти; вербальные ассоциации играют важную роль в теориях переработки языка и концептов. В прикладных целях результаты экспериментов помогают, например, при измерении степени семантического сходства слов. Авторами этой работы ставилась задача более глубокого понимания природы вербальной ассоциации, ответа на вопросы, касающиеся возникновения и статуса ассоциаций как таковых и их функций в семантической репрезентации в целом. В [Schulte im Walde et al. 2008] отмечается, что спонтанно всплывшие в памяти слова, вызванные исходным словом, отражают наиболее рельефные языковые и концептуальные признаки слова-стимула, важные также и для связей между словами. Отсюда следует, что выявление типов отношений между стимулом и ассоциативным ответом может быть полезным для моделирования значения слова, для исследования круга отношений между словами, важных для носителей языка, а то и другое позволяет решать разнообразные задачи машинного моделирования (например, для автоматизированного установления фактов сходства или различий между словами, предложениями, параграфами и даже документами).

Однако, несмотря на цели исследований, ориентированные на выявление глубинных механизмов функционирования слова в ментальном лексике

коне, анализ названных и подобных им экспериментальных материалов ведется преимущественно по формальным показателям (в том числе - частотности, принадлежности слов к определённой части речи, встречаемости слов); особое внимание уделяется парадигматике и синтагматике в их традиционном понимании; семантические отношения рассматриваются как чисто логические отношения, принятые в семантических теориях. Это свидетельствует о том, что для успешности ориентированных на человека исследований лексики необходима опора на некоторую базовую теорию значения как достояния индивида; единая теория такого рода должна направлять работу на всех ее этапах.

Успешность развития такой теории во многом зависит от организации экспериментальной проверки рабочих гипотез. В качестве примера назову проблему стратегий и опор при идентификации слова индивидом. В своё время был проведён ряд экспериментальных исследований, позволивших выявить специфику стратегий идентификации слов в различных условиях (см.: [Тогоева 1989, 2000; Сазонова 1993, 2000а, 2000б; Лачина 1993; Родионова 1994; Шумилина 1997]). В последние годы проблему взаимодействия значения и смысла при идентификации слова на новом теоретическом уровне рассматривает Н.И. Курганова (см., например, [Курганова 2007, 2011а, 2011б]), что потребовало разработки иной процедуры эксперимента и разграничения структурного и процессуального аспектов того, что лежит за словом у индивида.

2.8. Выводы

Заканчивая на этом рассмотрение проблематики, связанной с использованием эксперимента в психолингвистике, подчеркну, что для модификации уже существующих и для создания новых методик необходимо глубокое понимание:

- лингвокультурной специфики исследуемого языкового материала;
- различий между оперированием этим материалом в реальном речемыслительном процессе и в ходе логико-рационального моделирования такого процесса в исследовательских целях;
- основополагающей роли теории, без которой эксперимент оказывается трудоёмким, но малополезным упражнением.

Только о позиций хорошо обоснованной теории эксперимент может выступать важным (а иногда и абсолютно необходимым) звеном целенаправленной программы психолингвистического исследования. Ряд вопросов экспериментальной работы будет далее обсуждаться во второй части книги, посвященной опыту моих исследований с применением различных методик.

Рекомендую также заинтересованному читателю внимательно ознакомиться с Приложениями 1, 2 в книге [Глейтман и др. 2001, с. 1009-1068] и с информацией в сети Интернет по обсуждавшимся выше вопросам. -

Раздел II

ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Глава 3

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И ОБРАБОТКИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ¹

3.0. Вводные замечания

Исследование словесных ассоциаций имеет многолетнюю историю (см., например, обзоры: [Палермо 1966; Deese 1965]). Первоначально ассоциативный эксперимент (далее - АЭ) использовался преимущественно при изучении психических процессов (в частности, восприятия, припоминания, формирования понятий, обобщения, переноса). Со временем выявилась ценность анализа результатов АЭ и для изучения «неисчерпаемой проблемы самой речи» [Палермо 1966, с. 274], для исследования и измерения значения [Ervin-Tripp & Slobin 1966, p.452] и для объективного выделения семантических признаков слов [Леонтьев А.А. 1969а, с. 202], а также для проведения социологических исследований (см., например, [Дридзе 1971; Scalay & Brent 1967] и для решения ряда практических задач в связи с преподаванием второго языка [Леонтьев А.Л. 1969б, с. 124]. Методика свободного ассоциативного эксперимента может быть широко использована для изучения механизмов порождения высказываний [От редактора 1971, с.6], а это объясняет, почему исследование ассоциаций рассматривается как необходимая предпосылка для разработки теории речевой деятельности [Леонтьев А.А. 1969б, с. 118].

Перечень областей применения АЭ можно было бы продолжить, а самый поверхностный обзор исследований по свободным ассоциациям потребовал бы подготовки отдельной монографии. Поэтому далее будут упомянуты лишь те публикации, которые непосредственно связаны с рассматриваемыми ниже проблемами подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов.

Предлагаемая работа основывается на опыте использования АЭ в условиях монолингвизма (исследуются свободные ассоциации русских, казахов, киргизов, узбеков), билингвизма (при обучении русских английскому языку, узбеков русскому языку) и трилингвизма (при обучении английскому языку казахов, владеющих русским языком, и при обучении английскому языку русских, изучавших немецкий язык как первую специальность).

¹ Эта глава представляет собой отредактированный текст статьи [Залевская 1971а], который воспроизведён с некоторыми сокращениями и без Приложения, включающего результаты теста на свободные ассоциации по обследованным мною группам монолингвов (русских, казахов, киргизов и узбеков).

Всего в эксперименте участвовало свыше 1000 Ии. - студентов вузов, выводы делаются на основе анализа более 100000 ассоциативных реакций, сопоставляемых с опубликованными материалами по свободным ассоциациям, полученным от американских [Gergow & Pol Ho 1965]² и польских [Kurcz 1967] студентов.

В процессе работы выяснилось, что имеется целый ряд спорных вопросов, по-разному решаемых исследователями в ходе подготовки АЭ и обработки его результатов, а за приводимыми различными авторами количественными показателями могут лежать разные принципы разграничения и анализа ассоциативных реакций. Это означает, что, во-первых, сопоставление результатов экспериментов, проведённых рядом исследователей, может быть объективным только при условии учёта особенностей использовавшейся каждым автором методики подготовки и обработки материалов АЭ и разграничения видов ассоциативных ответов. Во-вторых, использование приводимых различными авторами количественных показателей по результатам АЭ должно сопровождаться сопоставительным анализом полных дистрибуций ассоциативных ответов по исследуемым экспериментальным группам. Последнее оказывается возможным только при наличии публикаций по материалам АЭ.

В связи со сказанным выше далее будут прежде всего освещены основные проблемы подготовки АЭ и обработки его результатов в рамках одного языка и при межязыковых сопоставлениях. Затем будут рассмотрены основные этапы процесса обобщения экспериментальных данных и кратко изложен опыт использования АЭ для исследования семантической структуры слов-коррелятов в нескольких языках, для сопоставления тесноты связей между словами в условиях различных культур и для изучения ассоциативной структуры памяти.

3.1. Составление исходного списка слов

На протяжении многих лет ассоциативные эксперименты проводились на материале 100 слов, в 1910 г. использованных Грейс Кент и А. Розановым для сбора нормативных данных по свободным ассоциациям. Оперирование одними и теми же исходными словами позволило провести широкие сопоставления ассоциативных реакций в условиях нормы и патологии речи, обследовать различные половозрастные и профессиональные группы Ии., сравнить свободные ассоциации в ряде языков³.

В середине XX века стали делаться попытки выйти за рамки списка

² К сожалению, это сопоставительное исследование выполнялось до того, как стала доступной подборка материалов ассоциативных экспериментов, проведённых в ряде стран: [Postman & Kerpel 1970].

³ Межязыковое сопоставление свободных ассоциаций на основе списка Кент-Розанова проводится, например, в работах: [Kurcz 1966; Lambert & Moore 1966; Rosenzeig 1961, 1964].

слов, отобранного Кент и Розановым. Так, в исследовании Д. Палермо и Дж. Дженкинса использовался список из 200 исходных слов [Палермо 1966, с.253], в словаре американских ассоциативных норм [Gergow & Pollio 1965] приводятся данные по 360 словам, а «Словарь стереотипных ассоциаций русского языка»⁴ планировался объемом около 500 слов.

Стремление дополнить список Кент-Розанова становится понятным, если учесть, что в него входят только существительные и прилагательные; лишь некоторые слова этого списка могут благодаря конверсии восприниматься как глаголы (*bath, comfort, dream, order, sleep, trouble, wish, whistle*). В связи с этим включение в экспериментальный список глаголов, местоимений, наречий и т.д., довольно часто встречающихся в устной и письменной речи Ии., рассматривается как необходимая мера для расширения нормативной базы и для создания возможности большего маневрирования в будущих исследованиях [Палермо 1966]. Однако исследование ассоциативных реакций на все наиболее частотные слова с включением в исходный список всех слов, по которым имеются данные на материале других языков, осуществимо лишь на основе длительной работы достаточно большого авторского коллектива⁵.

При установлении количества исходных слов, использовавшихся в нашем эксперименте, пришлось руководствоваться, во-первых, необходимостью провести обследование за одну встречу с каждой группой Ии., во-вторых, реальными возможностями обработки и сопоставления результатов многосерийного эксперимента в обозримые сроки. Оба соображения привели к решению ограничить экспериментальный список 100-115 словами (в окончательный вариант списка вошло 111 слов).

При решении вопроса о том, какие именно слова следует включить в список, была сделана попытка принять во внимание не только частотность слов и наличие материалов для межязыковых сопоставлений, но и характер связей между словами исходного списка с учётом отнесенности этих слов к различным грамматическим классам.

Частотность отбираемых слов контролировалась по словарю Э.А. Штейнфельдт [Штейнфельдт 1963]. В окончательный вариант списка вошло 86 слов из первой тысячи, 8 - из второй и 2 слова из 500 менее частотных слов, приведённых в названном словаре. Поскольку список предназначался для межязыкового сопоставления свободных ассоциаций, учитывались данные С.Г. Ахметовой по результатам проведённого ею сопоставления наиболее частотных слов в английском, немецком, французском, испанском, русском и казахском языках. Пользуюсь случаем выразить С.Г. Ахметовой глубокую признательность за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с этим материалом до его публикации.

⁴ Речь идет о подготовке изданного в 1977 г. «Словаря ассоциативных норм русского языка», обычно обозначаемого через сокращение САНРЯ.

⁵ Такая задача ставилась перед авторами САНРЯ.

В отдельных случаях оказалось целесообразным включить в экспериментальный список слова, не зарегистрированные в частотных словарях русского языка. Решающим при этом было наличие материалов для сопоставления с результатами АЭ в других языках. Например, слова *паук, игла, ножницы, орел, король* в словаре Э.А. Штейнфельдт не упоминаются, однако они представляют особый интерес для исследования, поскольку по данным У. Ламберта и Н. Мур [Lambert & Moore 1966] английские корреляты этих слов входят в число тех 20 слов списка Кент-Розанова, на которые получены одинаковые самые частые ответы в шести экспериментальных группах Ии. (монолингвов и билингвов). К сожалению, во время составления экспериментального списка (т.е. в ноябре 1967 года) в моем распоряжении имелись очень ограниченные материалы по АЭ. Фактически приходилось руководствоваться упомянутой выше работой У. Ламберта и Н. Мур и теми данными по свободным ассоциациям, которые приводятся в названной выше монографии Дж. Диза.

Представлялось интересным и полезным исследовать те слова, которые по итогам экспериментов самого Диза или цитируемых им авторов имеют наиболее высокий коэффициент пересечения ассоциативных ответов (например, названия животных, антонимичные пары слов, личные местоимения, предлоги и т.п.). Была также сделана попытка учесть материалы, содержащиеся в «Ассоциативном словаре», который является приложением к монографии Диза.

После ориентировочного отбора слов с учётом их частотности и наличия материалов для межъязыкового сопоставления предстояло сократить список до предварительно намеченного объёма. Эта задача решалась в соответствии с гипотезой, согласно которой вследствие системности лексики специфика ассоциативных связей в различных языках может быть выявлена наиболее глубоко и полно при межъязыковом сопоставлении групп исходных слов, объединяемых друг с другом по определённому семантическому или тематическому признаку или по общности обозначаемых ими предметов или явлений. По последнему из указанных признаков отобранные для экспериментального списка слова могут быть сгруппированы следующим образом.

I. Слова, связанные с понятием «живое существо».

- Обозначения общих понятий: *жизнь, живой, мёртвый*.
- Названия лиц: *люди, мужчина⁶, женщина, мальчик, девочка, мать, мама⁷, отец, сын, брат, король, имя*.
- Названия животных: *животное, собака, кошка, мышь, лошадь, корова, овца, козёл, свинья, кролик, медведь, лисица, птица, орёл, паук*.

⁶ Знаком * помечены слова, входящие в список Кент-Розанова (всего 32 слова).

⁷ Слово «мама» включено в список параллельно со словом «мать» для того, чтобы проследить особенности формирования свободных ассоциаций в зависимости от эмоциональной окраски исходного слова.

- Названия частей тела: *голова, лицо, нога, рука, крыло*.
 - Слова, связанные с понятием «пища»: *хлеб, масло, фрукт, голодный*.
 - Слова, связанные с понятиями «среда обитания», «быт»: *небо, земля, дорога, страна, город, дом, стул, игла, ножницы, лампа*.
- II. Слова, связанные с понятиями «психическая деятельность» и «речь»:
слышать, видеть, смотреть, показывать, знать, думать, учиться, читать, писать, говорить, сказать, слово, рассказ.
- III. Слова, связанные с понятием «физическая деятельность»: *давать, брать, находить, получать, делать, сидеть, стоять, идти, приходиться*.
- IV. Слова, связанные с понятием «время»: *время, час, год, день, ночь*.
- V. Слова, связанные с понятием «цвет»: *цвет, красный, синий, жёлтый, белый*.
- VI. Обозначения взаимно-противоположных качеств: *длинный - короткий, холодный - горячий; тяжёлый - лёгкий, хороший - плохой; большой - маленький; квадратный — круглый; старый - молодой - новый*.
- VII. Указательные и служебные слова: *я, ты, мы, они, твой, кто, оба, другой, каждый, вместе, очень, только, для, на, среди*.

Такое распределение слов по группам, несомненно, весьма условно. Так, слова *живой, мёртвый* могут рассматриваться как обозначения взаимно-противоположных качеств, по этому признаку они должны быть отнесены к VI группе. Взаимопересечение групп, обусловленное возможностью группировки слов в соответствии с разными основаниями для установления различных видов связей между ними, прослеживается и на примере слова *крыло*, которое, являясь названием части тела, может в то же время быть объединено со словами *птица, орёл* в самостоятельную группу.

Слова, отнесённые к некоторым группам, можно также разбить на подгруппы; например, в группах I и II можно выделить обозначения родственных отношений и т.д. Подразделение отобранных слов на более мелкие группы и перегруппировка их по различным признакам фактически имели место при анализе результатов эксперимента (при установлении видов связей между исходными словами и ответами на них, при вычислении коэффициента пересечения общих ответов на пары и группы слов и т.п.).

Как видно из приведённого выше перечня слов, в экспериментальном списке представлены не только существительные и прилагательные, но и другие части речи. Так, в число 111 слов окончательного варианта списка вошли: существительных - 54; прилагательных - 22; глаголов - 20; местоимений - 9; наречий - 3; предлогов - 3.

Анализ результатов эксперимента подтвердил, что включение в исходный список слов, относящихся к различным грамматическим классам, значительно расширяет круг исследуемых проблем и даёт возможность получить в результате АЭ материал, исключительно интересный как для лингвистов, так и для психологов и для специалистов в области методики обучения второму языку. При межъязыковом сопоставлении результатов эксперимента также выяснилось, что тенденции, отмеченные исследователями на основании анализа ассоциативных ответов на исходные слова, отно-

сящиеся к различным грамматическим классам в английском языке, далеко не всегда прослеживаются при работе с Ии. других национальных групп. Поскольку имеют место попытки распространить выводы, полученные в результате АЭ на базе английского языка, на другие языки, межъязыковое сопоставление фактов приобретает особую ценность. Однако для того, чтобы делать достаточно обоснованные выводы, следовало бы включить в экспериментальный список большее количество наречий и предлогов. В этом отношении проведённый эксперимент носил, так сказать, «разведывательный» характер.

Следует отметить, что в группах слов, образующих замкнутые системы обозначений, при включении их в экспериментальный список были намеренно опущены отдельные компоненты.

Так, в число обозначений терминов родства были включены лишь слова *мать, отец, сын, брат*, в числе цветообозначений приводятся только *красный, синий, жёлтый, белый*. Это было сделано для проверки нашей рабочей гипотезы о том, что ассоциативная связь между компонентами замкнутой системы обозначений настолько сильна, что вся система должна актуализироваться в памяти Ии. независимо от полноты внешней репрезентации её членов, а это не может не найти отражения в дистрибуциях ответов на фигурирующие в эксперименте исходные слова исследуемой группы. При такой постановке задачи включение в экспериментальный список всех компонентов таких замкнутых систем представлялось избыточным⁸.

Отбор слов для исходного списка был значительно осложнён тем, что предстояло сопоставление результатов АЭ в ряде языков (первоначально речь шла об английском, русском и казахском языках).

В некоторых случаях приходилось отказываться от включения слов в список из-за отсутствия коррелята в одном из исследуемых языков; необходимо было также учитывать расхождения в объёме значений исходных слов - коррелятов и другие факторы, которые более подробно рассматриваются в следующем параграфе.

3.2. Подбор коррелятов слов в сопоставляемых языках

При подготовке параллельных списков слов для межъязыковых сопоставлений обычно принято полагаться на перевод исходного списка, сделанный экспериментатором и подтверждённый свидетельством достаточно компетентных лиц или полученный от ряда информантов. При этом

⁸ Интересно отметить, что пропуск в исходном списке отдельных компонентов замкнутых систем обозначений оказался чрезвычайно существенным для нашего эксперимента с целью исследования ассоциативной структуры памяти, в результате которого выяснилось, что как в кратковременной, так и в долговременной памяти Ии. актуализируется сам факт принадлежности слова к определённой семантической группе и поэтому Ии. воспроизводит и те компоненты такой группы, которые в исходном списке не предъявлялись.

одни экспериментаторы ограничиваются переводом исходного списка на сопоставляемый язык [Kucz 1966, p. 152], другие сравнивают результаты сделанных информантами переводов с каждого из исследуемых языков на другой [Lambert & Moore 1966]. Второй путь представлялся мне более надёжным, поэтому была предпринята многократная перекрёстная работа информантов, в равной мере владеющих сопоставляемыми языками. Например, при подготовке узбекского варианта списка одним информантам предлагалось перевести на узбекский язык русский исходный список, другим - владеющим и узбекским и казахским языками - казахский. Полученный в итоге этой работы узбекский список был дан новой группе информантов для перевода его на русский и казахский языки. Параллельно с этим велась также выверка по узбекско-русскому и русско-узбекскому словарям.

Несмотря на столь тщательную предварительную работу, при дальнейшем расширении круга исследуемых языков (например, при использовании материалов польских ассоциативных норм) и при сопоставительном анализе результатов отдельных серий эксперимента выявился ряд недочётов, допущенных как при отборе слов исходного списка, так и при подборе коррелятов слов в других языках. Поэтому представляется полезным подробнее остановиться на некоторых проблемах подготовки параллельных списков слов для многосерийного ассоциативного эксперимента.

При подборе коррелятов слов в двух и более языках могут встретиться трудности, обусловленные различными причинами и проявляющиеся на разных этапах работы с экспериментальным списком; одни из них чётко видны уже при отборе слов для ориентировочного варианта списка, другие всплывают при расширении круга исследуемых языков, а третьи озадачивают экспериментатора в ходе обработки результатов уже проведённого эксперимента.

Так, ещё при составлении первоначального варианта списка оказалось невозможным включить в него личное местоимение третьего лица единственного числа, поскольку в английском и русском языках имеется по три местоимения (*he, she, it; он, она, оно*), а в казахском - только одно (*ол*). Сверка уже использованного в нескольких сериях эксперимента списка с материалами польских ассоциативных норм показала, в частности, что английское слово *light* переведено на польский язык как *swiatlo* (свет), в то время как нами это же исходное слово было взято в оппозиции *heavy-light* (*тяжёлый - лёгкий*), что обусловило выбор соответствующих коррелятов в других языках (*окециш* - Каз., *енгил* - Узб., *жецил* - Кирг.). В качестве примера одного из «сюрпризов», полученных при обработке результатов эксперимента, можно привести случай из материалов казахской серии, когда Ии. в своих ответах показали пять (!) разных вариантов понимания слова *тус*: 1) сновидение; 2) полдень; 3) цвет, масть; 4) повелительное наклонение от *тусуна* (понять); 5) повелительное наклонение от *тусу* (спускаться,

падать). Интересно отметить, что все информанты, участвовавшие в подготовке казахского списка, без минуты колебания дали слово *тус* как коррелят русского слова *цвет* и английского *colour*, а при обратном переводе казахского списка на русский язык только один из информантов понял это слово как «поддень», других осложнений на этой стадии работы не возникло.

Чем шире круг сопоставляемых языков и чем резче разграничиваются их типологические особенности, тем больше трудностей ждёт исследователя при составлении параллельных списков слов. Эти трудности могут определяться расхождениями в грамматическом строе исследуемых языков и в привычном для носителей этих языков членении действительности, они могут также быть обусловлены различиями в семантической структуре слов-коррелятов и обилием омонимов в одном или в каждом из сопоставляемых языков. При этом трудности, объясняемые первыми двумя из перечисленных факторов, обычно проявляются уже на начальном этапе работы, в то время как многозначность и омонимия (особенно последняя), при всем желании учесть их при подборе коррелятов, служат причиной тех подводных камней, которые обнаруживаются преимущественно на стадии обработки экспериментальных данных.

В зависимости от степени расхождения средств выражения грамматических отношений в сопоставляемых языках приходится либо отказываться от включения того или иного слова в экспериментальный список, либо выбирать один из возможных путей установления соответствий, которые в отдельных случаях могут быть допущены весьма условно.

Выше уже был приведён пример исключения из первоначального списка личных местоимений третьего лица единственного числа, поскольку для тюркских языков характерно отсутствие дифференциации этих местоимений по признаку рода (пола). Трудности, вызванные расхождениями в средствах выражения грамматических связей в языках аналитического и синтетического строя, можно также проиллюстрировать разбором примера с английским словом *square*, которое, судя по материалам американских ассоциативных норм, воспринимается Ии. либо как существительное, либо как прилагательное. В наш список оно было включено на основании оппозиции *square - round (квадратный - круглый)*, поэтому в качестве коррелятов его в других языках были использованы слова: *квадратный* - Рус., *тортбуршиты* - Каз., *туртбурчакли* - Узб., *чарчы* - Кирг. Позже выяснилось, что в польском списке вместо ожидаемого прилагательного *kwadratowy* фигурирует существительное *kwadrat* (квадрат). Однако слово *cold*, также допускавшее двойную трактовку, в польском списке передано прилагательным *zimny* (холодный). Поиск коррелятов этого слова в тюркских языках не составляет труда, так как слова *суык* - Каз., *совук*, - Узб. и *суук* - Кирг. в одной и той же форме используются и как существительные, и как прилагательные, и как наречия. А какому же корреляту должно

быть отдано предпочтение в русском языке? Наш выбор совпал с решением этого вопроса составительницей польского списка Идой Курч. Весьма условными следует считать принятые для наших параллельных списков соответствия: *для - ушін - учун - учун - for; среди - ара - уртасида - арасында — among; на - устінде - устида - устунде - on*. В тюркских языках нет предлогов, но поскольку их функции выполняются послелогом, такое допущение является оправданным («По своей основной синтаксической функции предлог в точности соответствует послелогу» - указывал И.И. Мешанинов [Мешанинов 1978, с. 359]; см. также: [Дмитриев 1962, с. 341]).

Расхождения в членении действительности проявились, например, при подборе коррелятов - цветообозначений. Так, английскому слову *blue* в казахском языке соответствует слово *квк*, которым, как и соотносимыми с ним узбекским *кук* и киргизским *квк*, в разных ситуациях можно называть голубой, синий, серый или зеленый цвет⁹. Если учесть, что каждое из приведенных выше тюркских слов означает также 'небо' и имеет еще ряд значений, полностью совпадающих или различающихся для рассматриваемых языков, а киргизское *квк* характеризуется еще и тем, что имеет два омонима, то оказывается, что при работе с одним и тем же исходным словом мы сталкиваемся одновременно с тремя видами трудностей. Вполне понятно, что не всегда удается справиться с ними достаточно успешно, поэтому и получается, что, например, слово *ара* (Каз.), принятое по рекомендации информантов как коррелят русского *среди* и английского *among*, было воспринято большинством Ии. как его омонимы *ара*¹ (пчела, оса) и *ара*² (пила). Чтобы этого не произошло, следовало включить в исходный список форму *арасында* (эта ошибка была учтена при подготовке узбекского и киргизского вариантов списка, куда вошли соответственно слова *уртасида* и *арасында*).

Оглядываясь назад после приобретённого опыта работы с информантами и анализа огромного массива ассоциативных реакций Ии., можно попытаться объяснить, почему информанты, со всей серьёзностью относящиеся к поставленной перед ними задаче, не могут дать достаточно надёжные показания при подборе слов-коррелятов. Дело в том, что для информанта, переводящего исходный список на другой язык, проблема многозначности и омонимии существует только в отношении слов первого языка, т.е. тех, которые он должен перевести. Будучи уверенным в том, что он верно передал значение исходного слова, информант считает свою задачу выполненной и совершенно убеждённо заверяет, что именно выбранное им слово второго языка должно быть включено в параллельный спи-

⁹ В узбекском языке есть также слово *зангори* (голубой). В экспериментальный список были включены оба слова: *кук* - как коррелят соответствующих тюркских слов - и *зангори* - как более точно соответствующее английскому *blue*. Представлялось интересным проследить распределение ассоциативных ответов при более или менее дифференцированном определении цвета. Включение дополнительного слова *зангори* объясняет, почему в узбекском списке оказалось 112 слов (в отличие от 111 во всех остальных параллельных списках).

сок. Эта убежденность базируется на точном знании того, какое именно значение должно быть передано словом второго языка. Иначе обстоит дело, когда список на втором языке воспринимается Ии. в ходе ассоциативного эксперимента. Исходное слово предъявляется в письменном виде, его значение является искомым, а поиск может пойти по пути идентификации воспринимаемой Ии. графической формы как одного из возможных омонимов или как одного из лексико-семантических вариантов полисемантического слова.

В тех случаях, когда информанту приходится сталкиваться с многозначностью или омонимией слов исходного списка при переводе на второй язык, принятие решения (преимущественно подсознательное) бывает направляемым теми связями и отношениями, в которые каждое очередное слово может вступить с любым из предшествующих слов. С этой точки зрения можно объяснить, почему одно и то же английское слово *light* получило разные корреляты в русском и польском списках. Как уже было отмечено выше, нас в этом случае интересовало противопоставление *heavy* - *light*. Можно предположить, что выбор коррелята в польском языке был продиктован связью *lamp* - *light* (*лампа* - *свет*)¹⁰.

Сказанное выше приводит к выводу о том, что при составлении параллельных списков слов работа с информантами должна сочетаться с очень тщательной выверкой по словарям; при этом необходимо учитывать взаимосвязи между словами внутри списка и пути их влияния на идентификацию того или иного омонима или лексико-семантического варианта слова при предъявлении его Ии. В идеале следовало бы использовать проверочный (или разведывательный) ассоциативный эксперимент, поскольку только результаты эксперимента могут доказать правильность или ошибочность подбора коррелятов слов в разных языках". В нашем многосерийном эксперименте работа с казахским списком оказалась проверочной по отношению к узбекской и киргизской группам Ии., это позволило внести необходимые коррективы в соответствующие списки.

Говоря об «ошибочности» решения о включении в описок того или иного слова, мы в данном случае не имеем в виду расхождения в объеме значения сопоставляемых слов (в таком случае «правильный» выбор был бы редким исключением), речь идет о наличии разных лексико-семантических вариантов значения слова (именно поэтому важно говорить о «коррелятах», а не об «эквивалентах» слов).

Более того, ассоциативный эксперимент может служить методом исследования совпадений и расхождений в семантической структуре корреля-

¹⁰ Основанием для такого предположения служит тот факт, что в списке Кент-Розанова, переводом которого является польский список, слово *lamp* помещено под номером 52, а слово *light* - под номером 58.

¹¹ Однако в таком случае необходимо охватить не менее 50 Ии., а это оправдывает себя только при условии, если общее число Ии. значительно больше этой цифры.

лятов слов в сопоставляемых языках. Ошибочным же представляется такой выбор исходного слова, который уводит Ии. в сторону от ставившегося целью исследования значения слова. Например, в качестве коррелята английского слова *name* и русского *имя* в казахском языке было взято слово *ат*, имеющее высокочастотный омоним *ат* (лошадь). В результате такой ошибки слово *ат* (имя) из анализа материалов казахской серии эксперимента пришлось исключить, а в узбекский и киргизский описок были в связи с этим включены слова *исм* и *ысым*.

Отобранные для эксперимента исходные слова были расположены в описке в случайном порядке, при этом один и тот же порядок был строго выдержан в параллельных списках (это видно из сводной табл. 3.1, в которой приводятся корреляты исходных слов в шести языках). Это было сделано для того, чтобы влияние порядка предъявляемых слов в ряду на восприятие Ии. каждого последующего слова было одинаковым для всех экспериментальных групп.

Таблица 3.1

№№	Сопоставляемые языки					
	Русский	Казахский	Узбекский	Киргизский	Английский	Польский ¹²
I	II	III	IV	V	VI	VII
1	Рука	Қол	Қул	Кол	Hand	Reka
2	Смотреть	Қарау	Қарамоқ	Кароо	Look	
3	День	Күн	Кун	Кун	Day	
4	Люди	Адамдар	Одамлар	Адамдар	People	
5	Читать	Оку	Ўқимоқ	Окуу	Read	
6	Овца	Кой	Қуй	Кой	Sheep	Owca
7	Холодный	Суық	Совуқ	Суук	Cold	Zimny
8	Ножницы	Қайшы	Қайчи	Кайчы	Scissors	Nożyczki
9	Жёлтый	Сары	Сариқ	Сары	Yellow	Zółty
10	Думать	Ойлау	Уйламоқ	Ойлоо	Think	
11	Хлеб	Нан	Нон	Нан	Bread	Chleb
12	Медведь	Аю	Айик	Аюу	Bear	
13	Путь	Жол	Йул	Жол	Road	
14	Для	Үшүн	Учун	Учун	For	
15	Очень	Өте	Жуда	Абдан	Very	
16	Показывать	Көрсету	Кўрсатмоқ	Көрсөтүү	Show	
17	Сын	Ұл	Уғил	Уул	Son	
18	Жизнь	Өмір	Ҳаёт	Өмур	Life	
19	Голова	Бас	Бош	Баш	Head	Głowa
20	Живой	Тірі	Тирик	Тируу	Alive	
21	Земля	Жер	Ер	Жер	Earth	Ziemia
22	Имя	Ат	Исм	Ысым	Name	
23	Оба	Екеуі	Икков	Экөө	Both	
24	Знать	Білу	Билмоқ	Билүү	Know	

¹² Польские ассоциативные нормы [Kucz 1967] получены на основе списка Кент-Розанова, поэтому для сопоставления из них может быть взято лишь 32 слова, входящие и в наш экспериментальный список.

25	Стул	Орыңдық	Стул	Оруднук	Chair	Krzeseło
26	Год	Жыл	Иил	Жыл	Year	
27	Мама	Апа	Онажон	Алаке	Mummy	
28	Красный	Кызыл	Қизил	Кызыл	Red	Czerwony
29	Длинный	Ұзақ	Узун	Узақ	Long	Długi
30	Среди	Ара	Ұртасида	Арасында	Among	
31	Они	Олар	Улар	Алар	They	
32	Учиться	Оқыл білу	Ұрганмоқ	Ұйронуу	Study	
33	Мать	Шеше	Она	Эне	Mother	
34	Крыло	Қанат	Қанот	Канат	Wing	
35	Лёгкий	Жеңіл	Енгил	Жеңил	Light	Światło ¹³
36	Животное	Айуан	Хайвон	Айбан	Animal	
37	Получать	Болу	Олмоқ	Алуу	Get	
38	Масло	Сарымай	Ег	Каймак май	Butter	Masło
39	Птица	Қус	Қуш	Қуш	Bird	
40	Круглый	Домалак	Юмалок	Тоголок	Round	
41	Слышать	Естігу	Эшитмоқ	Угуу	Hear	
42	Вместе	Бірге	Бирга	Бирге	Together	
43	Я	Мен	Мен	Мен	I	
44	Слово	Сөз	Сүз	Сез	Word	
45	Паук	Өрмекші	Ұргимчак	Жергемүш	Spider	Pająk
46	Лампа	Лампа	Чирок	Лампа	Lamp	Lampa
47	Квадратный	Төртбұрышты	Түртбурчакли	Чарчы	Square	Kwadrat
48	Вы	Сіз	Сиз	Сиз	You	
49	Час	Сағат	Соат	Сазт	Hour	
50	Отец	Әке	Ота	Ата	Father	
51	Синий	Көк	Күк	Көк	Blue	Niebieski
52	Девочка	Қыз	Қиз	Қыз	Girl	Dziewczyna
53	Рассказ	Әңгіме	Хикоя	Аңгеме	Story	
54	Корова	Сыйыр	Сигир	Уй	Cow	
55	Горячий	Ыстық	Иесик	Ысық	Hot	
56	Мышь	Тышқан	Сичкон	Чычкан	Mouse	
57	Ваш	Сіздің	Сизники	Сиздики	Your	
58	Делать	Істеу	Қилмоқ	Иштөө	Make	
59	Мёртвый	Өлік	Ұлик	Өлүк	Dead	
60	Игла	Ине	Игна	Ийне	Needle	Igła
61	Король	Патша	Подшо	Падыша	King	Król
62	Цвет	Түс	Ранг	Түс	Colour	
63	Свинья	Шошқа	Чүчка	Чочко	Pig	
64	Писать	Жазу	Езмок	Жазуу	Write	
65	Плод	Жеміс	Мева	Жемиш	Fruit	Owoc
66	Плохой	Жаман	Емон	Жаман	Bad	
67	Каждый	Әр	Хар	Ар бир	Each	
68	Женщина	Әйел	Аёл	Аял	Woman	Kobieta
69	Кролик	Қоян	Қуён	Коён	Rabbit	
70	Только	Ғана	Фахат	Ғана	Only	
71	Маленький	Кішкентай	Кичкина	Киченекей	Little	
72	Стоять	Тұру	Турмоқ	Түруу	Stand	
73	Лошадь	Жылқы	От	Жылқы	Horse	
74	Говорить	Сөйлеу	Гапирмоқ	Сүйлөө	Time	
75	Новый	Жаңа	Янги	Жаңы	New	

¹³ Это слово соотносится только с английским коррелятом (см. пояснения выше).

76	Кошка	Мысық	Мушук	Мышық	Cat	
77	Небо	Аспан	Осмон	Асман	Sky	
78	Короткий	Қысқа	Қиска	Қысқа	Short	Krótki
79	Дом	Үй	Уй	Үй	House	Dom
80	Время	Уақыт	Вақт	Убақыт	Time	
81	Нога	Аяқ	Оёқ	Аяқ	Foot	Stopa
82	Найти	Табу	Топмоқ	Табуу	Find	
83	Страна	Ел	Мамлакат	Өлке	Country	
84	Мужчина	Ер адам	Эркек	Эркек	Man	Meżczyzna
85	Мы	Біз	Биз	Биз	We	
86	Идти	Бару	Бормок	Баруу	Go	
87	Белый	Ак	Ок	Ак	White	Biały
88	На	Үстінде	Устида	Үстүндө	On	
89	Брат	Аға	Ака	Аға	Brother	
90	Лицо	Бет	Бет	Бет	Face	
91	Орел	Бүркіт	Бургут	Бүркүт	Eagle	Orzeł
92	Тяжёлый	Ауыр	Оғир	Оор	Heavy	Ciężki
93	Собака	Ит	Ит	Ит	Dog	
94	Приходить	Келу	Келмоқ	Келуу	Come	
95	Город	Қала	Шахар	Шаар	City	Miasto
96	Голодный	Аш	Оч	Ач	Hungry	Głodny
97	Ночь	Түн	Тун	Түн	Night	
98	Кто	Кім	Ким	Ким	Who	
99	Молодой	Жас	Еш	Жаш	Young	
100	Давать	Беру	Бермоқ	Беруу	Give	
101	Козёл	Ешкі	Така	Эчки	Goat	
102	Взять	Алу	Тутмоқ	Алуу	Take	
103	Другой	Басқа	Бошқа	Башқа	Other	
104	Лисица	Түлкі	Тулки	Түлкі	Fox	
105	Большой	Үлкен	Катта	Чон	Big	
106	Видеть	Көру	Күрмоқ	Көрүү	See	
107	Мальчик	Бала	Ұғил бола	Эркек бала	Boy	Chłopiec
108	Сидеть	Отыру	Ұтирмоқ	Отуруу	Sit	
109	Хороший	Жаксы	Яхши	Жакшы	Good	
110	Сказать	Айту	Айтмоқ	Айтуу	Say	
111	Старый	Көрі	Қари	Қары	Old	
112			Зангори			

3.3. Подбор испытуемых и методика эксперимента

При подборе экспериментальных групп и установлении необходимого числа Ии. для каждой серии эксперимента приходится руководствоваться интересами межязыкового сопоставления результатов АЭ и реальными возможностями обработки полученных данных.

К началу эксперимента в нашем распоряжении находились материалы американских ассоциативных норм [Gertow & Pollio 1965], основывающиеся на работе с 1008, с 182 или со 100 Ии. Поскольку наш эксперимент с самого начала планировался как многосерийный, было решено ограничиться 100 Ии. в каждой серии. Такое количество Ии. представлялось дос-

таточным потому, что предполагалось сопоставление *моделей отношений* между словами исходного списка и ассоциативными реакциями, полученными от разных экспериментальных групп. Как показал дальнейший анализ полученных данных, это предположение вполне подтвердилось.

При межъязыковых сопоставлениях существенным является также соответствие экспериментальных групп по возрастному и образовательному уровням. Американские ассоциативные нормы получены от студентов ряда городов США, польские – от студентов двух вузов г. Варшавы. Во всех сериях нашего эксперимента Ии. также были студентами. Свободные ассоциации монолингвов-русских получены от студентов русского отделения филологического факультета Казахского государственного университета, монолингвы казахи, узбеки и киргизы были студентами национальных отделений вузов Алма-Аты, Бухары и Фрунзе¹⁴. Свободные ассоциации на английском языке, изучаемом на базе русского или казахского или в условиях владения как русским, так и казахским языками, получены от студентов русского и казахского отделений факультета английского языка Алма-Атинского педагогического института иностранных языков. От студентов английского отделения Калининского пединститута получены свободные ассоциации на английском языке, изучаемом на базе русского языка или на базе русского и немецкого языков, а студенты спецотделения факультета русского языка и литературы того же института (узбеки, изучающие русский язык) были Ии.-билингвами, работавшими как с русским, так и с узбекским экспериментальными списками.

Такой охват Ии. оказался возможным благодаря помощи в организации и проведении эксперимента, оказанной мне коллегами и студентами, выполнявшими под моим руководством курсовые и дипломные работы¹⁵. Каждой экспериментальной группе было присвоено условное обозначение, представлявшее собой первую букву названия языка, на котором предъявлялся исходный список слов, или сочетание первых букв названий первого и второго или первого, второго и третьего языков.

В табл. 3.2 даются перечень и расшифровка условных обозначений, принятых для наших экспериментальных групп и для тех групп, которые берутся для межъязыкового сопоставления (по публикациям американских и польских ассоциативных норм). Во всех перечисленных в табл. 3.2 группах эксперимент проводился в виде теста на свободные ассоциации по традиционной методике.

¹⁴ Студенты первого курса таких отделений могут рассматриваться как монолингвы, поскольку все они закончили национальные школы (преимущественно в отдаленных районах), обучение в вузе также ведётся на национальном языке.

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить в связи с этим глубокую признательность А.И. Васильеву, В.К. Янцену (г. Фрунзе), С. Фалендыш, Т. Жилисбаевой, Э. Кармышевой, Г. Мороз, Н. Корытиной, Л. Маиаенковой (г. Алма-Ата), Л. Бакиевой, Т. Расулову (г.г. Бухара, Калинин), Н. Байматову, Р. Агзамовой, Р. Турсуновой, Л. Горцуевой, Е. Ивановой (г. Калинин).

Таблица 3.2

Условные обозначения	Язык, на котором получены реакции	Родной язык испытуемых	Владеют также	Условия проведения АЭ	Примечания
А	английский	английский		монолингвизм	По американским ассоциативным нормам По польским ассоциативным нормам
П	польский	польский			
Р Каз. У Кирг.	русский казахский узбекский киргизский	русский казахский узбекский киргизский			
АР ¹	английский	русский		билингвизм	С ограничением языка реакции Без ограничения языка реакции
АР ²	английский	русский			
АК УУР РУР	английский узбекский русский	казахский узбекский узбекский	русским		
АКР АРН	английский английский	казахский русский	русским немецким	трилингвизм	

При этом группам билингвов и трилингвов давалось задание либо с ограничением языка реакции, т.е. требовалось дать ассоциативный ответ на том же языке, на котором предложен исходный список, либо без ограничения языка реакции, т.е. отвечать нужно было на том языке, на котором пришло в голову первое слово, вызванное прочитанным исходным словом. Такие различия в заданиях определялись целями соответствующих серий эксперимента. Тест на свободные ассоциации у Ии., владевших двумя и тремя языками, в был также первым этапом нашего эксперимента с целью исследования ассоциативной структуры памяти. На II и III этапах этого эксперимента Ии. предлагалось записать на чистых листах бумаги те исходные слова, которые они могли вспомнить непосредственно после теста на свободные ассоциации (II этап) и через 2 недели после него (III этап).

Поскольку от организации эксперимента во многом зависят его результаты, представляется важным коротко остановиться на некоторых связанных с этой проблемой вопросах. Так, в известных нам ассоциативных экспериментах исходный список предъявлялся Ии. в письменной форме, при этом на каждой странице буклета давалось по 5, 10 [Bol 1967, p. 5] или 25 слов [Палермо 1966, с. 255] или все слова печатались единым списком [Kucz 1966, p. 152]. Можно предположить, что в интересах некоторой нейтрализации влияния предшествующих слов исходного списка на восприятие очередных слов Ии. и для исключения возможности возвращаться

к предшествующим словам, на которые своевременно не была дана ассоциативная реакция, идеальным было бы печатать каждое исходное слово на отдельной странице буклета. Это к тому же во много ускорило бы обработку результатов эксперимента, для которой вместо трудоёмкого выписывания ответов из каждого опросного листа потребовалось бы просто раскрепить буклеты и рассортировать страницы по исходным словам. Однако в условиях эксперимента с большим охватом Ии. практически осуществимой оказывается лишь подготовка достаточного количества бланков, в которых на одной странице сведены все исходные слова. Поэтому нами на множительном аппарате «Эра» были подготовлены опросные листы, на которых слова экспериментального списка расположены в три колонки (по 37 слов в каждой). Рядом с каждым исходным словом оставлено место (сделан прочерк) для записи ассоциативной реакции.

Ассоциативный эксперимент принято проводить в виде группового теста; в наших условиях задание обычно выполнялось учебной группой студентов, по возможности группы объединялись, однако во всех случаях исключалась возможность советоваться, заглядывать к соседу и т.п.

Результаты ассоциативного теста во многом зависят от характера инструкции, которая дается Ии., поэтому формулировка задания должна, с одной стороны, обеспечить полное понимание Ии. того, что от них требуется. С другой стороны, инструктаж не должен быть излишне подробным, чтобы он не предопределял направленность ассоциаций (в таком случае теряется весь смысл теста на *свободные* ассоциации). Так, если экспериментатором приведен пример исходного слова и наиболее типичного ассоциативного ответа на него (допустим, ДЕДУШКА - *бабушка*), то у Ии. может создаться (и обычно создается) впечатление, что от них требуется именно такого рода связь между словами всего экспериментального описки и ответами на них. Это ведет к искажению результатов эксперимента. Отсюда можно сделать вывод о том, что если уж дается пример ассоциативной связи, то он должен охватывать как можно большее число возможных для данного случая ответов (например, ДЕДУШКА - *бабушка, старый, мой, борода, больной, Петрович, внук* и т.д.). Можно дать пример исходного слова (не входящего в экспериментальный список!) и опросить ряд Ии., какое слово первым пришло им в голову в связи с услышанным, при этом следует подчеркнуть, что на память могут придти слова, по-разному связанные с исходным словом, но для целей эксперимента важнее всего, какое именно слово вспомнилось *первым*. Однако и в этом случае услышанные примеры могут в какой-то мере предопределять направление ассоциативных связей, поэтому, очевидно, следует попросту ограничиваться заданием прочесть первое слово в списке и сразу же записать в оставленном около него прочерке первое же слово, которое пришло в голову в связи с прочитанным. Если в памяти не возникает никакого слова, следует переходить к очередному исходному слову, оставляя пропуск не заполненным.

В том случае, когда исходные список предъявляется не на родном языке Ии., необходимо предупредить их, что ошибки в написании ассоциативных ответов учитываться не будут. Это особенно существенно в тех случаях, когда дана инструкция отвечать на том языке, на котором пришло в голову первое вспомнившееся слово. Ии.-билингвы должны ясно понимать, что эксперимент¹⁶ не ставит своей целью установление уровня владения вторым языком¹⁶ и что оценки за выполнение теста выставляться не будут. Ниже даётся инструкции, которую получила группа АР2.

Экспериментатор: «Сейчас вам будут розданы бланки, на которых напечатаны колонки слов на английском языке (показывает образец бланка). После каждого слова оставлен прочерк, в котором следует записать *первое* же слово, которое придет вам в голову в связи с прочитанным исходным словом.

Работать нужно следующим образом. Вы читаете первое слово списка и тут же, не раздумывая, записываете рядом с ним то слово, которое первым пришло в голову в связи с заданным словом, независимо от того, на каком языке оно будет. Затем читаете второе слово в той же колонке и т.д. Эта работа не ставит цели контролировать ваши знания, ошибки в написании английских слов учитываться не будут. Оценки за выполненную работу выставляться не будут, вы даже не указываете на опросных листах свои фамилии. Для меня важно только, чтобы вы ответили именно *первым* словом, которое придет вам в голову в связи с исходным словом, и именно на том языке, на котором вы его вспомнили. Работать следует сначала с первой колонкой слов (по вертикали), затем переходить ко второй колонке и, лишь закончив работу с ней, - к третьей. Если какое-либо слово не вызывает никакой ассоциации, - оставьте прочерк незаполненным и переходите к следующему по порядку слову. Возвращаться назад и дописывать или исправлять свои записи не разрешается.

Сейчас я раздам вам бланки, которые положу "лицом" вниз. Не заглядывайте в них, так как все должны начать работу одновременно. Работать нужно быстро, на весь список отводится 15 минут. Работать начнёте по команде. Заполнив все прочерки, перевернете бланк "лицом" вниз, чтобы можно было пометить время окончания работы. Нельзя шептать то, что вы пишете, заглядывать к соседу, переговариваться. Всем понятно, как нужно работать? Начинайте работу».

Вполне понятно, что монолингвам дается более краткая инструкция, а в задания билингвам для работы с ограничением языка реакции вносятся соответствующие изменения.

Анализ большого массива экспериментальных данных показывает, что Ии. не всегда правильно понимают инструкцию, а некоторые из них намеренно её не выполняют из стремления показаться «оригинальными», т.е. не давать стереотипные ответы. Однако этот вопрос скорее связан с проблемой обработки материалов ассоциативного эксперимента, при которой приходится решать, по каким показателям тот или иной бланк должен быть исключён из дальнейшего рассмотрения.

¹⁶ О том, что ассоциативный тест может использоваться и как один из методов контроля уровня сформированности навыка во втором языке, см.: [Залевская 1969в].

3.4. Первичная обработка бланков

Полученные от Ии. бланки прежде всего сортируются с учётом соотношения заполненных и пустующих прочерков после исходных слов. Бланки, в которых отсутствуют ассоциации более чем на 10% исходных слов, нами из дальнейшей обработки исключаются.

Следующим этапом работы является ознакомление с каждым заполненным бланком, которое можно условно назвать «вертикальным» анализом опросных листов. Цель такого анализа - установить, следовал ли испытуемый полученной инструкции¹⁷, т.е. действительно ли давались свободные ассоциации на исходные слова. Как уже было отмечено выше, некоторые Ии. не понимают задание; одни из них повторяют в таких случаях исходные слова в предназначенных для реакций прочерках, другие вписывают в прочерки предшествующие исходные слова, третьи многократно повторяют в прочерках одно и то же слово. Так, в группе монолингвов-киргизов наблюдалось стремление ряда Ии. отвечать на все глаголы словом *керек* (надо). Во всех группах Ии. встретились и такие, которые вместо свободных ассоциаций на исходные слова пытались давать перечисление слов по какой-либо теме, например, вписывались названия предметов классного обихода, перечислялись названия дней недели (вне связи с исходными словами) и т.п. Один И. вписал подряд 35 имен собственных. Это трудно объяснить непониманием задания, в этом случае, скорее всего, имеет место желание отвечать «не как все». Такого рода ответы в нашем эксперименте давали преимущественно юноши, а некоторые из них в последующих беседах признавались, что они пытались сопротивляться собственному стремлению давать стереотипные ассоциации. Интересно отметить, что попытка показаться «оригинальным» в условиях ограничения времени выполнения задания обычно выдерживается лишь до того момента, пока не исчерпывается намеренно избранная для перечисления слов тема (довольно редко наблюдается переключение на вторую тему и ни разу нами не зарегистрировано переключение на третью тему подряд). Характерно, что в таких случаях, исчерпав тему, соответствующую его «самоустановке», И. начинает «выдавать» самые типичные свободные ассоциации, хотя по ходу дальнейшей работы с исходным списком он время от времени снова пытается начать перечисление слов по какой-либо теме, подсказанной исходными словами или ассоциативными ответами на них, однако такое перечисление оказывается очень непродолжительным.

Обработка признанных годными бланков ведётся далее путем «горизонтальных срезов», при которых из всех бланков выписываются ассоциативные ответы Ии. на одни и те же исходные слова. После сведения всех

¹⁷ «Вертикальный» анализ заполненных бланков используется мною и для других целей, в частности, для исследования типов Ии. в зависимости от соотношения ассоциативных ответов различного характера (см. также главу 4).

ответов на одно исходное слово на единой карточке подсчитываются частотность каждого ответа и количество разных ответов на данное исходное слово. При этом возникают, по крайней мере, две проблемы: 1) считать ли две грамматические формы одного и того же слова за два разных ответа или объединять их; 2) учитывать ли нулевой ответ (отсутствие ответа) при подсчете количества разных ответов на слово.

И. Курч считала за один ассоциативный ответ все ответы, образованные от одной и той же основы [Kurcz 1966, p. 155], это было оправдано стремлением обеспечить максимальную сопоставимость с американскими экспериментальными данными. Однако при сопоставлении ассоциативных ответов в двух и более языках с развитой системой флексий такое объединение представляется недопустимым, поскольку могут оказаться сведенными вместе случаи, отражающие различные модели отношений между исходным словом и ассоциативными реакциями Ии., ср. польск.: GLODNY (голодный) - *podroznny(ik)* ('дорожный, путевой' или 'путешественник, пассажир') или русск.: СВЕТ - *учение(я)*¹⁸. Что же касается учёта нулевого ответа, то, по-видимому, возможны два решения этого вопроса, каждое из которых получает соответствующее обоснование (например, не учитывать потому, что за более чем одним нулевым ответом кроется неизвестное число разных ответов). Нами нулевой ответ включался в число разных ответов на слово, поскольку представляется важным учитывать сам факт наличия или отсутствия таких ответов при сопоставлении реакций на различные слова или на корреляты слов в разных языках.

После приведения в систему всех полученных показателей сводная карточка приобретает следующий вид. Перед обозначаемым заглавными буквами исходным словом дан его порядковый номер в экспериментальном списке, затем указано количество полученных *разных* ассоциативных ответов (общее количество Ии. не указывается, поскольку известно, что во всех сериях этого эксперимента было по 100 участников). Далее следует полное перечисление ассоциативных ответов (курсивом) в порядке их частотности в проведённом эксперименте (цифра перед ответом показывает, сколько Ии. ответило таким образом на данное исходное слово). Если несколько ответов имеет один и тот же показатель частоты, то порядок их перечисления после приведённой цифры выдерживается в соответствии с внешним и внутренним алфавитом. Сводная карточка включает также указание на количество случаев отсутствия ассоциативных ответов на рассматриваемое исходное слово. В приведённом ниже образце сводной карточки в левом столбце даются пять самых частых ответов, а в правом - все остальные ответы. Это сделано с целью выделить наиболее частые ответы и в то же время расположить материал более или менее компактно,

¹⁸ Примеры на польском языке приводятся всюду по «Ассоциативным нормам польского языка» Иды Курч [Kurcz 1967]; данный пример на русском языке цитируется по «Словарю ассоциативных норм русского языка (пробные статьи)» [1970, с. 135].

62. ЦВЕТ-45

12 голубой	3 жёлтый, радуги, чёрный
11 красный	2 васильковый, лиловый, лица, ответ, яркий
6 зелёный, синий	1 алый, асфальт, вкус, волны, галстук, глаз, загара, какой, кожи, колер, лазурь, моря, необыкновенный, общества, огонь, осенний, платья, прекрасный, прозрачный, ромашка, серый, смеяться, тень, тёплый, холодный, чего, черёмухи, чудесный, цветы, яблони, 0-2
5 любимый, свет	
4 белый	

Несомненно, наиболее удачным в смысле наглядности и самым удобным для дальнейшей работы (особенно при межъязыковых сопоставлениях) является размещение всех ответов в одну колонку, что позволяет в каждом отдельном случае привести дополнительную информацию о характере связи ассоциативного ответа с исходным словом, о степени тесноты этой связи и т.п. Именно такой вид имеют «рабочие» сводные карточки по материалам всех серий нашего эксперимента. Что же касается подготовки сводных материалов для публикации, то весьма удобным и наглядным можно считать порядок представления данных, использованный в польских ассоциативных нормах, исключительно тщательно выполненных И. Курч. Наименее наглядным и малоудобным является перечисление данных сплошным текстом, принятое при публикации пробных статей «Словаря ассоциативных норм русского языка» [1970], однако это обеспечивает самое компактное расположение материала, что в условиях жёсткой лимитированности объёма публикаций оказывается решающим. Последнее соображение определило и вид материалов по результатам нашего ассоциативного теста с монолингвами, приведённых в [Залевская 1971г].

Сводные карточки по результатам ассоциативного эксперимента служат основой для анализа видов связей между исходными словами и ассоциативными ответами на них, для установления тесноты этих связей, для сопоставления глубинных моделей отношений, типичных для отдельных категорий слов или для исследуемых групп Ии., и т.д. Поскольку обобщение материалов эксперимента по одной из его серий или с целью межъязыкового сопоставления показателей должно основываться на результатах анализа отношений между исходными словами и ассоциативными ответами на них, мы прежде всего рассмотрим некоторые проблемы, возникающие в ходе такого анализа.

3.5. Основные этапы анализа характера связи между исходным словом и ассоциативным ответом

Можно установить ряд этапов анализа характера связи между исходным словом и ассоциативными ответами на него. Каждый из этих этапов ведёт к разграничению тех или иных типов или видов связи между компонентами ассоциативной пары слов.

Выше уже было отмечено, что в некоторых случаях Ии. не дают никакого ассоциативного ответа на то или иное исходное слово. Случаи отсутствия реакций остаются и после изъятия бланков, признанных бракованными. Отсюда вытекает первое, наиболее общее, подразделение ассоциативных реакций по признаку их *наличия* или *отсутствия*.

Следует отметить, что анализ фактов отсутствия ответов представляет значительный интерес, поскольку в таких случаях можно выявить те или иные факторы, общие для исходных слов, не вызвавших никаких свободных ассоциаций у ряда Ии. Так, по группе Каз зарегистрированы наибольшие показатели отсутствия ответов на исходные слова ФАНА (только) - 15%, УШПН (для) - 13%, ЭР (каждый) - 13%. Интересен тот факт, что эти слова вызвали большое для данной группы Ии. количество разных ассоциативных ответов (41, 40 и 48 соответственно). По группе Р наибольший показатель отсутствия ответов получен для слова ПАУК - 20%. Слова, обозначающие общие понятия, ЖИВОТНОЕ и ПТИЦА не вызвали ассоциативных реакций в 14% и 11% случаев (количество разных ответов на олово - 50 и 55 соответственно). Третье место по отсутствию ответов по группе Р занимают местоимения: вы - 13%, ОНИ - 10%, ВАШ - 9%, Я - 7%. Межъязыковое сопоставление фактов отсутствия ассоциативных ответов должно, несомненно, оказаться весьма полезным.

Следующим этапом анализа ассоциативных реакций можно считать идентификацию языка, на котором дан ответ. Этот этап особенно важен для тех серий эксперимента, которые проводятся без ограничения языка реакции. Однако и в тех случаях, когда требуется дать ответ только на том языке, на котором предложен исходный список, Ии. все-таки дают некоторый % ответов и на других языках.

Весь последующий анализ ассоциативных ответов ведётся путем тщательного сопоставления их с исходными словами. При этом прежде всего устанавливается, имеется ли между исходным словом и ответом на него смысловая связь или ассоциация вызвана созвучием или совпадением некоторой части графической формы исходного слова и ответа.

В ряде случаев бывает очень трудно разграничить, *что* явилось определяющим ту или иную ассоциативную реакцию: смысловая связь или совпадение формы слов (ср. MOTHER - *father, brother*), звуковая форма или графическое оформление слов (ср. LIGHT - *knight, might*), поэтому далее термин «ответы по созвучию» будет использоваться весьма условно.

Анализ ответов по созвучию позволяет выявить ряд тенденций, общих для всех групп Ии. или специфичных для групп билингвов (по сравнению с монолингвами) или для отдельных групп монолингвов. Так, для всех экспериментальных групп прослеживаются различные степени наличия смысловой и формальной связи между исходным словом и ассоциативной реакцией (от явного преобладания смысловой связи при наличии созвучия, которое может оказаться случайным, через трудно разграничиваемые слу-

чаи к полному отсутствию какой бы то ни было смысловой связи); совпадение звуковой или графической формы исходного слова и реакции также для всех групп может быть более или менее полным (от различия всего на одну букву или звук до совпадения лишь одного слога или графемы). Билингвы обычно дают большее по сравнению с монолингвами число ответов по созвучию (ср. = 1% по группе Р и более 10% по группе AP¹), при этом ассоциации по формальным признакам нередко вызывают незнакомые или редко употребляемые исходные слова или слова из примеров на определённые правила чтения (напр., SHEEP - *ship*) или правописания (COLOUR - *parlour, labour*), из рифмовок (CAT - *pat, sat, mat, rat*) и т.п.

При сопоставлении количественных показателей по различным группам монолингвов следует учитывать, вызвано ли созвучие особенностями образований грамматических форм в исследуемом языке (ср. Каз: БІЗ - *отырмыз*, МЕН - *оқымен*), обусловлен ли групповой показатель вызванной самоустановкой ряда Ии. тенденцией давать ответы преимущественно по созвучию (в таких случаях необходимо сочетание «горизонтального» анализа экспериментальных данных с «вертикальным»).

Наличие в экспериментальном материале ряда ответов типа: ТОЛЬКО - *столько, сколько, Только, полка*; ДОМ - *Том, сом, дым, сам*; СЫН - *тын, клин, свин, сон*; ЛИСИЦА - *не спится, косица, синица, ситца, ящерица* подсказывает мысль о том, что интересно было бы сопоставить слоговое строение и ударение в исходных словах и вызванных ими ассоциативных ответах.

В тех случаях, когда связь между исходным словом и ассоциативным ответом является смысловой, необходимо прежде всего установить, вызван ли рассматриваемый ответ прямым или переносным значением исходного слова. Например, ассоциативные ответы *ты* и *невежа* явно вызваны переносным значением исходного слова СВИНЬЯ. Аналогичная картина прослеживается и при анализе ряда ответов на слово ZIMNY (холодный) в польских ассоциативных нормах: ср.: *człowiek* (человек), *gracz* (игрок), *color* (цвет), *mezczyzna* (мужчина), *chłopiec* (мальчик), *grob* (могила), *pan* (господин), *serce* (сердце).

Ассоциативные ответы, вызванные как прямым, так и переносным значением исходного слова, могут быть либо парадигматическими, либо синтагматическими. Трудности, возникающие при разграничении парадигматических и синтагматических ответов как наиболее общих типов связи между компонентами ассоциативной пары слов, рассматривались мною ранее (см.: [Залевская 1971б]). Однако не менее сложным оказывается подразделение парадигматических и синтагматических ответов по видам их связи с исходным словом.

Так, при анализе парадигматических ответов на слово NOZYCZKI (ножницы) по материалам польских ассоциативных норм были выделены следующие виды связи между исходным словом и ассоциативным ответом.

- **Синонимия**
- **Предмет - часть предмета**
- **Предмет - материал, из которого сделан предмет**
- **Частное - общее**
- **Разновидности предметов, относящихся к одной и той же категории предметов**
- **Разновидности предметов относящихся к одной и той же сфере деятельности.**
- **Орудие деятельности - деятельность**
- **Орудие деятельности - деятель**
- **Орудие деятельности - объект действия**
- **Орудие деятельности - результат действия.**
- **Орудие деятельности - место действия**
- **Предмет - место нахождения предмета)**

Заметим, что некоторые из установленных видов связи можно было бы объединить как отношения координированности, субординации и т.п. В то же время едва ли удастся подвести все отмеченные в этом перечне связи под рубрики, обычно содержащиеся в классификациях ассоциативных ответов (см., например: [Miller 1953]), не сгладив при этом специфики обобщаемых видов связей. Более того, далеко не всегда удастся найти однозначную трактовку возможной связи между исходным словом и полученными на неё ассоциативными реакциями.

При установлении различных видов синтагматических ответов также оказывается полезным не ограничиваться лишь самыми общими случаями, под которые можно было бы подвести большое количество ответов. Сравним, например, следующие ответы на глагол THINK (думать) по группе А: 1) *brain* (мозг); 2) *thought* (мысль); 3) *school* (школа). Если рассматривать второй из этих ответов как существительное (хотя он может представлять собой и форму прошедшего времени исходного глагола), то все три случая описываются отношением Verb - Noun. Однако в первом и втором ответах можно проследить различные направления ассоциативных связей: в одном из них на первый план выступает связь типа «Думать - способность, функция *мозга*» (направление этой связи можно обозначить как Verb«-Noun), а во втором - «Мысль - продукт процесса, обозначаемого глаголом ДУМАТЬ» (т.е. Verb~>Noun). Третий ответ отличается от первых двух тем, что он называет то, *о чем* думают (или *где* думают).

Аналогичные различия в отношениях между исходным глаголом и ассоциативными ответами-существительными мы находим и при анализе материалов по другим группам Ии., ср.: группа Р - ДУМАТЬ -1) *голова*; 2) *мысль*; 3) *о любви*, группа Каз - ОЙЛАУ -1) *ак,ыл* (ум); 2) *ой* (мысль); 3) *бастен* (головой). Можно надеяться, что анализ большого массива экспериментальных данных в различных языках позволит со временем определённым образом систематизировать все возможные виды отношений между ассоциативными парами слов как на парадигматической, так и на синтагматической осях.

Следующим шагом в ходе нашего анализа результатов ассоциативного

теста является сопоставление семантической структуры исходного слова с семантической структурой полученных ассоциативных ответов. Целью этого этапа работы является установление общих для обоих членов ассоциативной пары семантических различительных признаков (дифференторов)¹⁹. Сопоставление семантической структуры исходного слова и ассоциативного ответа производится нами на основе дефиниций, которые содержатся в толковых словарях. Для этого выверяются все зарегистрированные в одноязычных словарях лексико-семантические варианты исходного слова и каждого ответа на него; совпадающие компоненты значения подчёркиваются. Сведения, полученные из одного словаря, по возможности выверяются и дополняются по другому словарю.

В ряде случаев для установления общности компонентов значения исходного слова и ответа на него нами используется подстановка дефиниций, позволяющая выразить значения сопоставляемых слов через одни и те же термины. Например, как указывается в словаре «The Concise Oxford Dictionary of Current English» [1957], слово *smart* (adj.) имеет одно из значений 'showing quick wit', в том же словаре слово *wit* определяется через *intelligence*, которое в свою очередь определяется через *intellect*. Согласно указаниям тезауруса Роже «The Original Roget's Thesaurus of English Words and Phrases» [1966], та же идея может быть передана словом *thought*. Снова обратившись к Оксфордскому словарю, выясняем, что слово *thought* имеет значения: 'process, power of thinking; idea, conception, chain of reasoning, etc., produced by thinking'. Благодаря таким подстановкам мы убеждаемся в том, что слова, на первый взгляд кажущиеся не имеющими ничего общего в их значении, оказываются в определенной мере связанными по смыслу. Большую помощь при этом оказывают словари-тезаурусы, объединяющие в общую группу ряд слов, выражающих одну и ту же идею или близкие идеи. Так, ни Оксфордский словарь, ни словарь «Webster's New World Dictionary» [1965] не дают возможности установить общность значений глаголов *think* и *plan*, однако в словаре Роже они отнесены к одной группе, и глагол *plan* определяется как *think ahead*.

Следующий этап анализа - группировка ответов по общности основания для их связи с исходным словом, обеспечивающая наглядные количественные данные о «весомости» той или иной составляющей семантической структуры исходного слова. Рассмотренный выше порядок анализа ассоциативных ответов можно суммарно представить с помощью табл. 3.3. Каждый из сведённых в табл. 3.3 этапов анализа обеспечивает материал для дальнейших обобщений на различных уровнях - от самого общего подразделения ассоциативных ответов по наличию формальной или смысловой связи с исходным словом до уровня составляющих семантической структуры исследуемых слов.

¹⁹ О семантической структуре слова говорится ниже в 3.7, здесь речь идет лишь о технике анализа, а не об интерпретации его результатов.

Схема анализа	Этап анализа	Цель анализа
	I	Установление факта наличия (+) или отсутствия (-) ассоциативной реакции на исследуемое слово (W).
	II	Идентификация языка (L), на котором дана ассоциативная реакция.
	III	Установление наличия формальной (F), смысловой (M) или сочетанной обоих видов связи между исходным словом и ассоциативным ответом (F/M).
	IVF	Разграничение формальной связи на связь по общности звуковой (F _a) или графической (F _g) формы исходного слова и ассоциативного ответа.
	IVM	Разграничение смысловой связи на связь по прямому (D) или переносному (T) значению исходного слова.
	V	Установление наличия парадигматической (P) или синтагматической (S) связи между исходным словом и ассоциативным ответом.
	VI	Разграничение различных видов парадигматических (P ₁ , P ₂ , ..., P _n) или синтагматических (S ₁ , S ₂ , ..., S _n) ответов.
	VII	Сопоставление семантической структуры исходного слова и ассоциативного ответа для выявления общих для них дифференторов (d).
VIII	Группировка ассоциативных ответов по общности основания для их связи с исходным словом.	

Эти обобщения могут производиться в рамках дистрибуций ассоциативных ответов на одно исходное слово, на определённую группу или категорию слов, на все исходные слова одного экспериментального списка или на корреляты слов в ряде языков.

3.6.Обобщение результатов эксперимента

При обобщении результатов АЭ по одной группе Ии. нами прежде всего устанавливается разброс данных по количеству разных ответов на слово. Для этого показателем по каждому из слов списка сводятся в единый вариационный ряд, из которого видно, сколько раз встретился тот или иной показатель количества разных ответов на слово в данной серии АЭ.

Для большей наглядности можно произвести группировку показателей в интервалах по 5 (пример вариационного ряда дан в табл. 3.4), что облегчает построение соответствующего графика (см. рис. 3.1, где на оси абсцисс отложены показатели количества разных ответов на слово, а на оси ординат отмечено, сколько раз встретился каждый из этих показателей. Ср. кривую, выполненную пунктиром, со сплошной линией, связывающей показатели по результатам группировки в интервалах по 5).

Таблица 3.4

29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	
		3	1	2	1	1		1	3	4	3	3	3	8	4	7	7	5	3	3	
1	7					9					21					25					
50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71
6	5	8	5	5	4	2	1	4	2	1	1	1			1		1			1	
29					13					3					2					1	

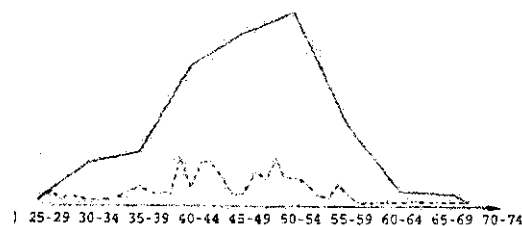

Рис. 3.1

Важность обобщения показателей количества разных ответов на слово становится особенно наглядной, когда мы сопоставляем данные по ряду языков (см., например, рис. 3.2).

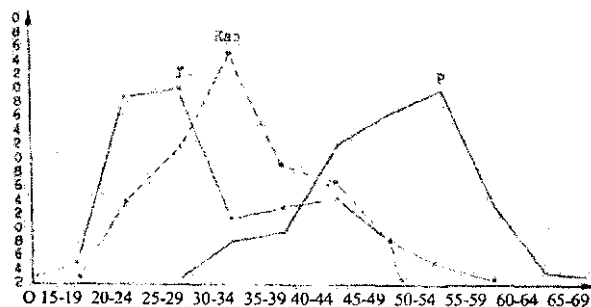

Рис. 3.2

Сводные графики такого рода подсказывают необходимость сопоставления количества разных ответов на корреляты слов в различных языках. В качестве примера можно привести табл. 3.5, в которой сопоставляется количество разных ответов на группу исходных слов в английском, польском, русском и казахском языках.

Таблица 3.5

А (N = 1008)		п (N = 1000)		Р (N = 100)		Каз (N = 100)	
MAN	70	MEZCZYNA	200	МУЖЧИНА	44	ЕР АДАМ	38
WOMAN	87	KOBIETA	236	ЖЕНЩИНА	46	ЭЙЕЛ	36
BOY	72	CLOPIEC	218	МАЛЬЧИК	52	БАЛА	40
GIRL	106	DZIEWCZYNA	236	ДЕВОЧКА	49	КЫЗ	34

Значительные расхождения в количественных показателях по экспериментальным группам, охватывающим сопоставимое число Ии., заставляют сопоставить большее число коррелятов исходных слов с тем, чтобы можно было вывести средние показатели разброса разных ответов на слово по каждой группе (см. табл. 3.6).

Таблица 3.6

Исходное слово	Группа		Исходное слово	Группа		Исходное слово	Группа	
	А	П		А	П		А	П
BLUE	107	146	FOOT	103	156	MAN	70	200
BOY	72	218	HAND	99	194	RED	106	132
BREAD	70	148	HEAVY	122	197	Short	82	176
BUTTER	72	154	HOUSE	143	210	SPIDER	83	174
CITY	92	201	HUNGRY	116	178	SQUARE	126	180
CHAIR	75	151	LAMP	66	139	WHITE	83	177
COLD	79	131	LIGHT	91	145	WOMAN	87	236
GIRL	106	263	LONG	113	213			
Среднее количество разных ответов на слово:							94	179

Данные, сведённые в табл. 3.6, наглядно свидетельствуют о том, что Ии.-поляки дают в среднем вдвое больший разброс количества разных ответов на слово, чем американцы. Однако при этом можно также заметить, что различия между разбросом ответов поляков и американцев на исходные прилагательные обычно меньше, чем на исходные существительные (ср., например, BLUE: 107 - 146, BOY: 72 - 218). Это приводит к необходимости сопоставления показателей не только по экспериментальным группам, но и по отдельным частям речи в рамках исследуемого списка исходных слов (см. табл. 3.7).

Каждая из приведённых таблиц оказывается полезной при анализе результатов АЭ, способствует обязательному для такого анализа установлению уровня стереотипности ассоциативных ответов для отдельных групп

Ии., помогает при поиске причин, объясняющих выявленные различия.

Таблица 3.7

Эксп. группа	Части речи							
	Существительные		Глаголы		Прилагательные		Местоимения	
	Разброс данных	Средн. показат.	Разброс данных	Средн. показат.	Разброс данных	Средн. показат.	Разброс данных	Средн. показат.
Р	31-71	48,4	35-68	50,2	31-54	42,8	29-50	44
Каз	16-45	32,1	22-49	36	23-42	28,7	26-48	37,1
У ²⁰	11-56	31,1	27-58	40,3	14-48	25,4	20-33	24,3

Например, показатели, сведённые в табл. 3.5, заставляют искать то общее для каждой из пар языков, что определяет более высокий уровень стереотипности ассоциативных реакций на английском и казахском языках по сравнению с реакциями на польском и русском языках. Табл. 3.6 подсказывает, что необходим анализ показателей по отдельным частям речи, а на основании табл. 3.7 можно предположить, что различия в уровне стереотипности ответов на исходные слова, принадлежащие к различным грамматическим классам, могут определяться типичными для каждой части речи моделями интервербальных связей, особенностями семантической структуры существительных, глаголов и т.д.

Следующим шагом при обобщении результатов АЭ является установление соотношения парадигматических и синтагматических ответов, типичного для той или иной группы Ии.

Прежде всего оказывается необходимым решить вопрос, устанавливать ли соотношение парадигматических и синтагматических ответов на основе пяти самых частых ассоциативных реакций или брать для этих целей полные дистрибуции ответов на каждое исходное слово. Анализ материалов многосерийного АЭ и сопоставление, ассоциативных реакций, полученных от носителей типологически различающихся языков, приводят к заключению о том, что нельзя согласиться с авторами, полагающими, что лингвистически значимыми в ассоциативных экспериментах оказываются лишь наиболее частые ответы и что следует игнорировать единичные ответы как случайные или индивидуальные ассоциации. Так, пять самых частых ответов на 18 слов из первых 30 исходных слов польского списка составляют менее 50% всех ответов на эти слова. Если же учесть, что в некоторых случаях пять наиболее частых ответов охватывают всего около 30% от общего числа ответов, то окажется, что более 70% ассоциативных реакций должны игнорироваться как малочастотные. Аналогичную картину мы находим и при анализе АЭ с русскими монолингвами. Кроме того, подразделение ас-

²⁰ Здесь и далее показатели по группе У приводятся по расчетам Л. Бакиевой, выполнявшей под моим руководством дипломную работу.

социативных ответов на парадигматические и синтагматические отражает наиболее общие модели отношений между исходными словами и вызванными ими реакциями Ии., а при сопоставлении *моделей* связей важно их соотношение для каждой экспериментальной группы, независимо от частотности каждого отдельного ответа.

Сказанное выше достаточно наглядно убеждает в необходимости устанавливать соотношение парадигматических и синтагматических ответов на основе анализа всей совокупности ассоциативных реакций по той или иной экспериментальной группе. Это соотношение может быть представлено графически с помощью диаграммы (см. пример и его обсуждение: [Залевская 1971в, с.183-184]).

Диаграмма или рисунок могут использоваться также и при сопоставлении соотношения парадигматических и синтагматических ответов на корреляты слов в различных языках, см. рис. 3.3а, 3.3б, где представлены результаты сопоставления ассоциативных ответов на слова НОТ - ГОРЯЧИЙ - ЫССЫК (по группам монолингвов); зачернённый сектор каждого из приведённых на рисунке кругов обозначает % ответов, отнесение которых к числу парадигматических или синтагматических было затруднительным).

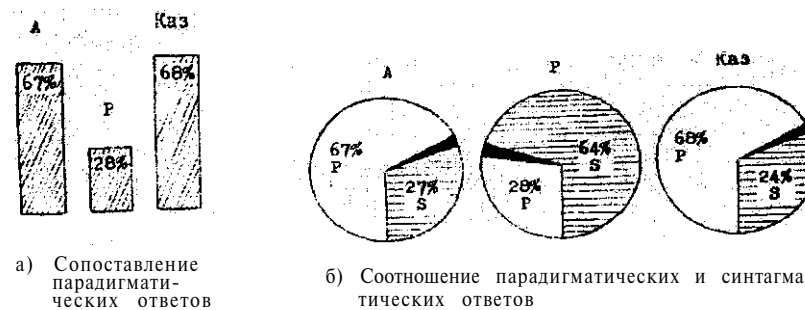

Рис. 3.3

С помощью рисунка можно представить и более детальное подразделение ассоциативных ответов по видам их связи с исходным словом. На рис. 3.4 приводится пример сопоставления синтагматических ответов объектного и адвербиального характера и их соотношения с парадигматическими ответами на слова THINK - ДУМАТЬ - ОЙЛАУ.

Ещё более дробное разграничение ассоциативных ответов при межъязыковых сопоставлениях и группировка по общности их семантической структуры с семантической структурой исходного слова проводится нами с использованием двуязычных словарей. Пример, сопровождаемый сводной таблицей соответствующего типа, описан в работе: [Залевская 1969б]).

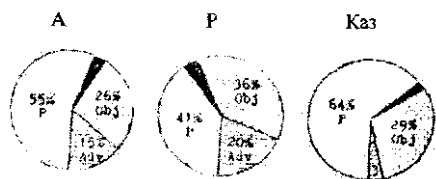

Рис. 3.4

При обобщении результатов эксперимента оказывается также необходимым сделать ряд расчётов для установления степени тесноты связи между словами. Существует ряд работ, в которых рассматриваются довольно многочисленные методики расчёта показателей близости слов и обсуждаются сильные и слабые стороны этих методик (см., например: [Marshall & Cofer 1963; Kiss 1968]). Ниже разбирается пример подсчета коэффициента пересечения общих ответов на группу слов по методике, описанной Дж. Дизом (см. табл. 3.8а и табл. 3.8б).

	GIRL		BOY		WOMAN		MAN	
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
GIRL	1008	704	49	10				
BOY	768	1008	—	41				
WOMAN	88	2	1008	646				
MAN	31	65	767	1008				

	GIRL		BOY		WOMAN		MAN	
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
GIRL								
BOY		0,70	0,07	0,09				
WOMAN			0,05	0,05				
MAN				0,70				

В табл. 3.8а, составленной мною по материалам американских ассоциативных норм, прежде всего было помечено, что все 1008 Ии., участвовавших в эксперименте, дали имплицитный ответ, идентифицирующий исходное слово. Например, слово GIRL всеми Ии. было опознано как именно это слово. Затем в таблице были поставлены числовые данные, показывающие, что на это слово 704 Ии. ответили словом *boy*, 49 - словом *woman*, 10 - словом *man*. Аналогичным путем были внесены в таблицу данные и по другим словам.

Для выведения коэффициента пересечения общих ответов на исследуемые слова на основе табл. 3.8а необходимо последовательно сопоставить показатели I, II, III колонок с показателями каждой колонки и сумму общих ответов на сравниваемые слова разделить на 2N, т.е. на наибольшее возможное число общих ответов. Например, сравним общие ответы на слова GIRL и BOY. В первой строке общее для I и II колонок число ассоциативных ответов - 704, во второй строке - 768, в третьей - 2, в четвертой - 31. Сложив все эти показатели, получаем сумму общих ответов на данные исходные слова: $704 + 768 + 2 + 31 = 1505$.

Поскольку наибольшее возможное число общих ответов составляют $1008 + 1008 = 2016$, нам теперь следует разделить 1505 на 2016, частное от деления этих чисел и дает показатель коэффициента пересечения общих ответов на слова GIRL, BOY, т.е. $= 0,70$. Сопоставив I и III колонки, а затем I и IV, аналогичным путем получаем коэффициент пересечения слова GIRL со словами WOMAN, MAN (0,07 и 0,09 соответственно). Полученные данные проставляются в таблицу 3.8б. Для слова BOY показатели II колонки сравниваются с III и IV колонками, для слова WOMAN - сравниваются показатели III и IV колонок.

Описанная выше методика расчёта основывается на учёте данных о пересечении лишь тех элементов дистрибуции ассоциативных ответов, которые сами выступали в том же эксперименте в качестве исходных слов. Показатель такого рода наглядно отражает связи внутри *группы* слов. Однако при сопоставлении *пар* слов более рациональным представляется учёт всех общих элементов дистрибуций ответов, независимо от включения их в экспериментальный список.

При этом, как и в первом случае, сумма ответов, общих для обеих дистрибуций (в каждом отдельном случае берется меньший показатель из двух), делится на количество общих ответов (т.е. на 2N). Получаемый показатель носит, несомненно, относительный характер, но является достаточным для сопоставления степени тесноты связи между парами слов для той или иной группы Ии. и для сравнения с данными, выведенными по той же методике на материале других языков.

Показатели тесноты связи для групп или пар слов по отдельным сериям АЭ могут затем быть сведены в обобщающие таблицы для межъязыкового сопоставления данных (см., например, табл. 3.9).

Сопоставление сведённых в графики и таблицы количественных показателей должно непременно сопровождаться глубокой и научно обоснованной интерпретацией лежащих за этими количественными данными видов связей и отношений между исходными словами и ассоциативными реакциями, полученными от различных групп Ии. Поэтому обобщение результатов АЭ фактически производится параллельно с анализом материалов, при этом рассмотрение данных по одной серии эксперимента чередуется с межъязыковым сопоставлением показателей; объектами анализа оказываются то отдельные исходные слова и ассоциативные реакции на них, то группы слов, то вся совокупность полученных в эксперименте материалов.

Поскольку порядок дальнейшего обобщения экспериментальных данных и пути интерпретации полученных результатов определяются целями проводимого исследования и соответствующими теоретическими исходными позициями, далее мы кратко рассмотрим специфику использования материалов АЭ при решении различных задач.

Таблица 3.9

Группа испытуемых	Исследуемые слова	Исследуемые слова			
		ДЕВОЧКА	МАЛЬЧИК	ЖЕНЩИНА	МУЖЧИНА
А П Р Каз У	ДЕВОЧКА		0,70 0,16 0,22 0,18 0,43	0,07 0,02 0,01 0,06 0,02	0,09 0,01 0,01 0,06 0,03
А П Р Каз У	МАЛЬЧИК			0,05 0,02 0,01 0,03 -	0,05 0,01 0,01 0,04 -
А П Р Каз У	ЖЕНЩИНА				0,70 0,23 0,31 0,12 0,39
А П Р Каз У	МУЖЧИНА				

3.7. Использование материалов АЭ при сопоставительном исследовании семантической структуры слов-коррелятов в ряде языков

Семантическая структура слова может трактоваться как некоторая совокупность различительных семантических признаков (дифференторов) или их наборов (для полисемантического слова). В последнем случае наборы дифференторов находятся между собой в отношении дизъюнкции, в то время как внутри каждого набора имеет место отношение конъюнкции при наличии хотя бы одного общего для всех наборов дифферентора. В зависимости от актуализации того или иного набора различительных семантических признаков и от их отношений внутри набора слово (в соответствующем его лексико-семантическом варианте) входит в разные парадигматические ряды и вступает в синтагматические связи различных видов. При этом лексико-семантические варианты слова могут рассматриваться как область реализации дифференторов, а парадигматические и синтагматические взаимоотношения вариантов исследуемого слова с другими составляющими лексико-семантической системы - как условия реализации различительных семантических признаков.

Различительные семантические признаки, совокупность которых со-

ставляет семантическую структуру слова в указанном выше понимании, представляют собой односторонние единицы эмического уровня, они недоступны прямому наблюдению; разработка метаязыка для описания таких единиц и для обозначения отношений между ними в составе наборов дифференторов продолжает оставаться одной из сложнейших задач семантических исследований. Поэтому особое значение для выявления семантической структуры слов, не образующих замкнутых семантических систем типа терминов родства, приобретает исследование их лексико-семантических вариантов - двухсторонних единиц, составляющих область реализации дифференторов, в различных условиях их актуализации (т.е. в их парадигматических и синтагматических связях с другими составляющими лексико-семантической системы). Именно в процессе группировки или противопоставления слов по тому или иному семантическому признаку, как и при анализе характера синтагматических связей слова, выявляются основания для разграничения лексико-семантических вариантов и тем самым обеспечивается соответствующая информация о семантической структуре исследуемого слова.

При исследовании семантической структуры слов-коррелятов в ряде языков представляется необходимым сопоставлять не только их лексико-семантические варианты (далее - ЛСВ), но и степень актуальности каждого из этих ЛСВ для носителей того или иного языка. Ни одна из этих задач не может быть в полной мере решена на основании сведений, содержащихся в толковых словарях, нередко содержащих весьма противоречивые сведения. Используемая нами методика сопоставительного исследования семантической структуры слова включает анализ результатов ассоциативного эксперимента в ряде языков в сочетании с использованием различных видов одноязычных и двуязычных словарей.

Основанием для использования ассоциативного эксперимента в качестве метода исследования семантической структуры слова послужила гипотеза о том, что если понимание слова при его восприятии представляет собой перекодирование с естественного языка на смысловой язык [Жинкин 1970, с. 83], то свободные ассоциативные реакции, направление которых не предопределяется ни заданием, ни контекстом, при группировке их по общности основания для их парадигматической или синтагматической связи с исходным словом должны обеспечить наглядный материал для разграничения семантических составляющих исследуемого слова и для количественного определения их «весомости» для обследуемой популяции Ии.

Сочетание анализа результатов ассоциативного эксперимента с использованием словарей обусловлено задачей установления общности основания для связи ассоциативных реакций с исследуемым исходным словом.

При сопоставлении исходных слов и реакций на них в рамках одного языка нами прежде всего выверяются все зарегистрированные в толковых словарях лексико-семантические варианты исходного слова и каждого от-

вета на него, благодаря чему устанавливаются совпадающие компоненты дефиниций. Сведения, полученные из одного словаря, по возможности дополняются по другим словарям. В ряде случаев при этом используется подстановка дефиниций (по методике: [Арнольд 1966]), что позволяет выразить значения сопоставляемых слов через одни и те же термины.

При межъязыковых сопоставлениях нами сочетается работа с одноязычными и двуязычными словарями, благодаря чему удается установить, каким образом передаются те значения исследуемого слова, которые не фиксируются одноязычными словарями для эквивалентов этого слова в том или ином языке. Нередко такой анализ помогает выявить общность значения слов, которые по их дефинициям в толковых словарях не имеют совпадающих компонентов. Большую помощь при установлении общности значения слов оказывают словари-тезаурусы, объединяющие в одну группу ряд слов, выражающих одну и ту же или близкие идеи, и дающие рубрику этих идей, что, в свою очередь, очень важно с точки зрения мета-языка описания семантической структуры слова.

Группировка ассоциативных ответов по общности основания для связи их с исходным словом позволяет получить количественные показатели *степени актуальности* каждого из этих оснований для обследуемой популяции Ии. В процессе анализа оснований для связи ассоциативной пары слов выяснилось также, что материалы ассоциативного эксперимента дают возможность:

1) разграничивать случаи омонимии; например, ассоциативные ответы на слово АРА по группе монолингвов-казахов свидетельствуют об идентификации Ии. трех омонимов: АРА¹ (пчела); АРА² (пила); АРА³ (промежуток). С первым из них соотносятся ответы типа: *шыбын* (муха), *сона* (слепень), *бал* (мед), *маса* (комар), *жэндік* (мелкие животные), со вторым - ответы типа: *пышак* (нож), *балта* (топор), *кол ара* (ножовка), *кескіш* (стамеска), *откір* (острый), *пышкы* (пила), а с третьим - ответы типа: *орта* (средний, середина), *аралык* (промежуток), *аралау* (ходить среди чего-н.) и др.;

2) разграничивать прямое и переносное значения исходного слова (см. примеры, приведённые ранее);

3) разграничивать лексико-семантические варианты исследуемого слова, см. например, следующие группы ответов на слово SQUARE в английском языке: 1) *triangle* (треугольник), *circle* (круг); 2) *парк* (парк), *trees* (деревья), *green* (зелёный); 3) *Madison* (Мэдисон), *street* (улица), *block* (квартал); 4) *mile* (миля);

4) вычленять различительные семантические признаки, например, противопоставление по возрасту: *ага* (старший брат) - *іні* (младший брат) или по признаку удалённости: *солар* (те) - *булар* (эти) в казахском языке.

В ряде случаев тот или иной различительный семантический признак чётко выявляется при сопоставлении исходного слова с ассоциативными реакциями Ии.; чаще вычленению дифференторов предшествует анализ

оснований для разграничения лексико-семантических вариантов исследуемого слова. Имеются также случаи, когда ни анализ ассоциативных ответов, ни использование словарных дефиниций не дают возможности адекватно описать основание для связи между словами и тем самым определять соответствующий дифферентор, хотя факт семантической связи налицо. Это привело нас к необходимости анализа такого рода материала в терминах *смысла* при рабочем определении смысла как того общего, что содержится в исходном слове и в ассоциативном ответе на него при интуитивной идентификации их близости по некоторому параметру.

Межъязыковое сопоставление семантической структуры слов-коррелятов позволяет более чётко разграничивать различительные семантические признаки и устанавливать отношения между ними, остающиеся в тени при исследовании материала в рамках одного языка. Это позволяет надеяться, что анализ большого массива экспериментальных данных окажется полезным для решения ряда проблем, связанных с исследованием семантической структуры слова.

3.8. Сопоставление связей между словами в условиях различных культур

Как уже было отмечено выше, при отборе слов для экспериментального списка учитывалось наличие аналогичных материалов в ряде языков. Благодаря этому сопоставление результатов нашего эксперимента с имеющимися публикациями ассоциативных норм позволяет сделать некоторые предварительные замечания в отношении совпадения или расхождения показателей тесноты связей между словами в условиях различных культур.

Например, устойчивая для английского и французского языков ассоциация SPIDER - *web* не типична ни для русского, ни для казахского языков. Так, русские Ии. на слово ПАУК лишь в 8% случаев дали ответ *паутина*, 31% ответов представляет собой определения к слову ПАУК (например, *мерзкий*, *противный*, *страшный*). 3% Ии. отнесли паука к классу насекомых, а 14% назвали представителей различных видов насекомых, т.е. дали координированные ответы (например, *муха*, *жук*). Для казахов наиболее частым ответом на слово ОРМЕКШІ явилось слово *кумырска* (муравей) - 31%. В сочетании с названиями других насекомых, например, *бууі* (тарантул), *шегіртке* (саранча), *шаян* (скорпион), *каракурт* (каракурт), Ии.-казахи дали 53% координированных ответов, в то время как 12% отнесли паука к мелким животным (*жэндік*). Слово *тор* (паутина) встретилось всего в 4% случаев, 7% ответов связаны с трудом ткача.

В польском языке на слово PAJAK (паук) только 17% Ии. дали ответы со значением 'паутина': *pajeczyna* (паутина), *siec* (сеть, тенета), *nić* (нить). Наиболее частым (26% ответов) оказался ответ *krzyżak* (крестовик), называющий один из видов пауков. Около 7% Ии. отнесли паука к классу насе-

комых (*owad*), 8% дали координированные ответы: *mucha* (муха), *komar* (комар), *robak* (червяк). Следует отметить, что связь типа ПАУК - муха, ПАУК - комар можно рассматривать и как отношение «Деятель - Жертва». Около 13% ответов составили атрибутивные ответы, преимущественно с ярко выраженным отрицательным отношением Ии. к характеризуемому ими объекту: *obrzydlwy* (отвратительный), *wstretny* (омерзительный), *brzydki* (безобразный), *okropny* (ужасный). Некоторые парадигматические ответы оказались по своему значению очень близкими к атрибутивным ответам отрицательного характера, они являются названиями чувств, которые вызывает вид паука: *wstret* (отвращение), *strach* (страх, ужас), *obrzydzenie* (отвращение, омерзение) и т.п.

Преобладание координированных ответов, отмеченное выше для казахского языка, выявляется также при анализе коррелятов ассоциативной пары EAGLE - bird (ОРЕЛ - птица). Ии.-казахи в 14% случаев отнесли орла (БУРКИТ) к классу птиц (*күс*), а в 37% случаев назвали разновидности пернатых, например, *каршыға* (ястреб), *лашын* (ловчая птица из породы ястребов). Русские Ии. в 10% случаев на слово ОРЕЛ дали ответ *птица* и в 15% назвали разных птиц (например, *сокол*, *коргуин*, *воробей*). Ии.-поляки в 16% случаев отнесли орла - ORZEL - к классу птиц, разновидности птиц были названы всего только в 2% случаев: *jastrzab*, *sep* (ястреб), *sokol* (сокол), *golab* (голубь), *berkut* (беркут), *dzieciol* (дятел), *kondor* (кондор), *wrona* (ворона), *nietoperz* (летучая мышь). 36% ответов оказались атрибутивными: *biafy* (белый), *wysoki* (возвышенный), *piqny* (прекрасный), *drapiezny* (хищный) и т.п.). Интересно отметить, что более 20% ответов Ии.-поляков оказалось связано с изображением орла на гербе и монетах: *godlo* (девиз), *reszka* (решка), *czapka* (шапка военная), *herb* (герб), *symbol* (символ), *moneta* (монета), *znak* (знак), *zolnierz* (солдат), *blacha* (бляха), *blaszka* (бляшка), *lach* (поляк, лях), *panstwo* (держава, государство), *zloty* (злотый). При этом можно проследить прямую (*godlo*, *moneta*) или опосредованную связь с этим значением исходного слова (*czapka*, *zolnierz*, *lach*, *reszka*). Можно также предположить, что атрибутивный ответ *polski* (польский) также связан с этим значением. Около 2% ответов соотносятся с исходным словом как часть и целое: *skrzydlo* (крыло), *dzjob* (клюв), *razur* (коготь).

Устойчивая для английского и французского языков ассоциация SCISSORS - cut находит в русском и казахском языках лишь незначительные соответствия. Для русских Ии. слово НОЖНИЦЫ оказалось теснее всего связанным со словами *острые* - 13% и *тупые* - 7% и со словом *нож* - 11% случаев. Всего дано 30% ответов в атрибутивной функции. Глагол *резать* (*режут*), соответствующий самой частой для английского и французского языков ассоциации *cut*, встретился в 11% случаев. 7% составили ответы по аналогии в звучании и написании (например, *ижицы*, *жницы*, *птицы*, *множиться*). В казахском языке для слова КАЙШЫ выявилось наличие двух репрезентативных ответов: 1) *ножницы*, 2) *противоречивый*. 23% ис-

пытующих дали ответы, исходя из второго, переносного значения слова КАЙШЫ. Для остальных Ии. самыми частыми ответами оказались слова *пышац* (нож) - 21% и *кырыктык* (ножницы для стрижки овец) - 9%. Глаголы *кесу* (резать), *кесмлеу* (резать на куски) и *кайшылау* (резать ножницами) составили лишь 7% случаев.

В группе Ии.-поляков на исходное слово NOZYCZKI (ножницы) ответ *ciac*, *kroic* (резать, кроить) встретился в 13% случаев. 20% ответов оказались атрибутивными, например, *ostrzy* (острый), *tepe* (тупые), *male* (маленькие), *stalowe* (стальные) и т.п. Можно также отметить 42% парадигматических ответов, анализ которых позволяет проследить различные виды отношений между ними и исходным словом.

Наиболее частым ответом на слово FRUIT (фрукт) в английском и французском языках оказывается слово *apple* (яблоко). Русские Ии. на стимул ФРУКТ дали ответ *яблоко* в 18% случаев, в то время как 50% ответов являются атрибутивными (например, *красный*, *запретный*, *сладкий*). Кроме яблока в 7% ответов названы такие виды плодов, как *лимон*, *арбуз*, *груша*, *вишня*, но такие ответы являются единичными. Ответ *ягода* дан в 2% случаев, а *овоц* — в 3%. Для казахского языка самым частым ответом на слово ЖЕМИС (фрукт) явилось слово *жидек* (ягода) - 37% случаев. 25% Ии. дали ответ *алма* (яблоко), в 11% ответов назвали другие виды плодов, например, *урюк* (урюк), *жиде* (джиде), *жузгм* (виноград) и др. Только один ответ оказался атрибутивным: *тэтти* (сладкий).

Отмеченная в работе [Lambert & Mooge 1966] устойчивая ассоциативная связь между прилагательными LONG - SHORT находит полную аналогию в казахском языке. Так, выведенному нами на основании американских ассоциативных норм коэффициенту пересечения дистрибуции ответов на эти слова в английском языке как родном (0,55) соответствует показатель 0,54 для прилагательных ҰЗЫН - ҚЫСҚА в казахском языке. Для этих двух языков оказывается близким и соотношение синтагматических ответов, по отношению к которым рассматриваемые прилагательные выступают в атрибутивной функции (для английского языка - 16%, 10%; для казахского - 23%, 19%). Иначе обстоит дело с ответами русских Ии., для которых коэффициент пересечения ответов на прилагательные ДЛИННЫЙ - КОРОТКИЙ имеет показатель 0,32 не за счет высокой частоты взаимопересечения, а благодаря общности слов, к которым каждое из этих прилагательных выступает в качестве определения. Например, для казахского языка взаимопересечение слов ҰЗЫН - ҚЫСҚА выражается через показатели 55% - 44%, а для русского ДЛИННЫЙ - КОРОТКИЙ - 25%, 18%. Но в то же время русские Ии. дали большое количество синтагматических ответов, в которых исходные слова выступают в качестве определений (в 68% и 78% случаев, соответственно), многие из этих ответов совпали, т.е. имело место пересечение дистрибуций ответов, которое и дало коэффициент 0,32. Например, слова *день* и *путь* явились ответами на слово ДЛИННЫЙ в 17% и 18% слу-

чаев, а на слово КОРОТКИЙ - в 19% и в 6% случаев, соответственно.

В ряде случаев ответы, типичные для английского и французского языков, оказываются также самыми частыми в русском и казахском языках, например, NEEDLE - *thread* (ИГЛА - *нитка*, ИНЕ - *жм*). Однако в таких случаях представляет интерес сопоставление следующих по частоте ответов, в результате чего также выявляются определённые различия в соотношениях между словами в разных языках. Так, для американцев самым частым ответом на слово CHAIR является слово *table*, вторым по частоте оказывается глагол *sit*, а ответы по созвучию полностью отсутствуют. Русские Ии. в 29% случаев на слово СТУЛ дали ответ *стол*, следующими по частоте оказались ответы типа *мягкий*, *поломанный*, *деревянный*, *плетеный*, *венский*, такие ответы составили 37% от общего числа ответов. Ответ *сидеть* получен лишь от 5% Ии., которые дали также 7% ответов по созвучию (например, *мул*, *гнул*, *гул*). Ии.-казахи на слово ОРЫНДЫК, дали самый частый ответ *отырғыш* (сиденье) - в 24% случаев, почти таким же частым был ответ *стол* (23%). Глаголом *отыру*, *отыр* (сидеть, сядь) ответили 7% Ии. Ответов атрибутивного характера оказалось только 2%: *улкен* (большой), *биік* (высокий), а по созвучию - 1%: *казың* (кол).

Большой интерес представляет также сопоставление взаимопересечения пар слов в различных языках. Так, в табл. 3.10 приведены данные Дж. Диза о взаимопересечении ряда пар прилагательных в английском языке, а также полученные нами показатели для эквивалентов этих пар в русском и казахском языках. Цифры, приведённые после каждой пары слов, показывают частоту, с которой первое слово вызывает второе в качестве ответа и наоборот. Например, слово ALIVE вызвало ответ *dead* в 44% случаев, а на слово DEAD был получен ответ *alive* в 22% случаев.

Таблица 3.10

А		Р		Каз	
alive - dead	44-22	живой - мёртвый	31-26	тірі - олік	52-
bad - good	43-29	плохой - хороший	24-22	жаман - жақсы	61-30
big - little	14-15	большой - маленький	19-20	улкен - кішкентай	6-46
gold - hot	20-41	холодный - горячий	9-19	суык - ыстық,	18-50
heavy - light	18-5	тяжёлый - лёгкий	22-14	ауыр - жеңіл	60-64
new - old	13-20	новый - старый	26-3	жана - кәрі	0-0
old - young	7-20	старый - молодой	17-20	кәрі - жас	45-52

Даже простое сопоставление количественных показателей, приведённых в табл. 3.10, свидетельствует о значительных различиях в тесноте и направленности связей между рассматриваемыми эквивалентами пар слов в трёх языках. Ещё более наглядным оказывается анализ причин, определяющих данные показатели. Например, отступления от характерного для казахского языка наличия высоких показателей частоты взаимопересече-

ния пар прилагательных наблюдается в парах УЛКЕН - КІШКЕНТАЙ, СУЫК, -ЫСТЫҚ. В первом случае низкий показатель (6) объясняется наличием двух репрезентативных ответов на слово УЛКЕН (со значениями 'большой' и 'старший'), именно поэтому самым частым ответом на это слово явилось слово *кіші* (младший) - в 48% случаев.

Иное объяснение получает сравнительно низкий для казахского языка показатель 18 в паре СУЫК - ИСТЫҚ. Дело в том, что в казахском языке имеет место более тесная связь между словами СУЫК - ЖЫЛЫ (холодный - тёплый). О том, что для казахского языка в этом случае характерно более чёткое деление по степени наличия качества, чем в английском и русском языках, можно судить по данным, приведённым ниже в табл. 3.11. В то же время необходимо подчеркнуть, что показатели связи между соответствующими словами в русском языке (холодный - горячий) определяются типичной для русского языка тенденцией устанавливать атрибутивные отношения между словами. Так, наиболее частыми ответами на слово горячий явились: *чай* (24), *камень* (7), *суп* (6), а на слово холодный - *день* (9), *взгляд* (4).

Таблица 3.11

Исследуемые слова	Исследуемые слова			
	<i>hot</i> <i>горячий</i> <i>ыстық</i>	<i>warm</i> <i>тёплый</i> <i>жылы</i>	<i>cool</i> <i>прохладный</i> <i>салқын</i>	<i>cold</i> <i>холодный</i> <i>суық</i>
НОТ ГОРЯЧИЙ ЫСТЫК		3 4 11	- - 3	62 19 50
COLD ХОЛОДНЫЙ СУЫК	34 9 18	16 6 33	- - 6	

Интересно также сопоставить показатели взаимопересечения пар НОВЫЙ - СТАРЫЙ и СТАРЫЙ - МОЛОДОЙ по трем группам Ии. Выясняется, что отсутствие связи между словами ЖАНА - КӘРІ для группы Каз не случайно. Дело в том, что в русском и английском языках слова «старый» и «old» могут иметь по два репрезентативных ответа, благодаря чему слово «старый» может соотноситься со словами «молодой» и «новый», а слово «old» - со словами «young» и «new», но на слово «кари» в казахском языке возможен только один репрезентативный ответ, поскольку в этом языке имеется отдельное слово «еси» (старый, ветхий, поношенный) и только оно может соотноситься со словом «жана» (новый). Анализ дистрибуций ответов на данные слова показывает, что слова «кари» и «жас» используются в одной плоскости, а «жаца» - в совершенно иной: на стимул КӘРІ получены ответы типа *жас* (молодой), *эже* (бабушка), *адам* (человек), *кәрілік* (старость), *қарт* (старец) и т.д.; слово ЖАС оказалось соотнесён-

ным с *кэрі, адам, карт* (старик), *жастык* (молодость), а на слово ЖАНА даны ответы совсем иного характера: *ескі* (старый, ветхий, поношенный), *жыл* (год), *киім* (одежда), *омір* (жизнь).

Анализ рассмотренных данных приводит к общему выводу о том, что степень тесноты связи должна, очевидно, устанавливаться не вообще, безотносительно к тому или иному языку, а конкретно, с учётом специфики рассматриваемого языка. Только наличие установленных норм тесноты связи между определёнными категориями слов даст возможность судить о степени отклонения от этих норм в данном языке и приведёт к более объективным межязыковым сопоставлениям. В то же время сопоставление количественных показателей тесноты связей между словами должно сопровождаться анализом лежащих за этими показателями моделей отношений между исходными словами и ассоциативными ответами Ии.

Сопоставление тесноты связей между словами в условиях различных культур требует тщательного анализа полученных экспериментальных данных и их обоснованной интерпретации, однако и предварительные результаты такого исследования представляются весьма интересными.

3.9. Исследование ассоциативной структуры памяти

В результате проведённых мною ранее экспериментов было установлено наличие функциональной линейной зависимости между информационной нагрузкой нового иноязычного слова и объемом памяти учащихся [Залевская 1967а]. Высказанное при этом предположение о неправомерности использования двочной единицы для измерения количества информации, содержащейся в воспринимаемом учащимися новом иноязычном слове, подтвердилось дальнейшими исследованиями, показавшими, что: а) поскольку новое иноязычное слово может содержать некоторые знакомые учащимся элементы или быть совершенно для них неизвестным, фактически имеет место сочетание выбора из уже известного алфавита символов с выбором из совершенно неизвестного учащимся алфавита; б) в рассматриваемом случае на первый план выступает ценностный аспект информации. В то же время поиск меры ценности информации требует глубокого и всестороннего изучения всего комплекса факторов, определяющих информационную нагрузку слова [Залевская 1967б]. К числу таких факторов или параметров относится способность нового иноязычного слова или отдельных его компонентов соотноситься с ранее изученным или параллельно воспринимаемым материалом, т.е. возможность включения слова в ассоциативные связи различных типов.

Эксперимент, проведенный с 37 Ии., включал три этапа. Первый этап проводился в виде теста на свободные ассоциации и имел своей целью установление ассоциативной силы входящих в экспериментальный список слов. На II этапе Ии. предлагалось записать на чистом листе бумаги все за-

помненные ими исходные слова, на которые они перед этим дали свободные ассоциации. III этап эксперимента повторял задание II-го этапа, но проводился через 2 недели.

При обработке материалов I этапа эксперимента прежде всего были установлены основные типы свободных ассоциаций и сделана попытка количественного определения различий в ассоциативной силе исследуемых слов. При этом за слова наивысшей ассоциативной силы принимались те, которые в наибольшем количестве случаев вызывали друг друга в качестве ответов Ии. (например, слово *butter* было названо 21 раз в ответ на предъявленное в списке слово BREAD, в то же время слово *bread* 17 раз было дано в ответ на слово BUTTER). Вполне естественно, что в таких случаях имеет место наименьший разброс разных ответов на предъявленное слово (например, 37 Ии. дали 16 разных ответов на слово BUTTER и 18 разных ответов на слово BREAD). За слова с наименьшей ассоциативной силой были приняты те, которые показали большой диапазон различных ответов (например, THINK - 34).

При обработке результатов II и III этапов эксперимента устанавливались количество и характер слов, сохранённых в кратковременной и долговременной памяти Ии., на основе чего рассматривалось соотношение между полученными данными и ассоциативной силой предъявленных слов. При обработке результатов II и III этапов эксперимента прежде всего устанавливалось, какие из записанных Ии. слов действительно соответствовали исходному списку, а какие были даны ошибочно или «дописаны». После этого через отношение числа правильно сохранённых слов к общему числу слов списка высчитывались индивидуальные и средние показатели объёма кратковременной и долговременной памяти.

Особое внимание было уделено детальному анализу характера и порядка записи сохранённых и ошибочно записанных слов в сопоставлении с наиболее частыми ассоциативными ответами и с показателями ассоциативной силы, полученными в результате I серии эксперимента. Это позволило установить определённую зависимость между ассоциативной силой слова и вероятностью его запоминания и сделать ряд выводов в отношении ассоциативной структуры памяти, что в свою очередь помогает объяснить причины «дописывания» слов, а также проследить пути поиска иноязычного слова в памяти. Анализ экспериментальных данных позволяет сделать следующие основные выводы.

I. Объём как кратковременной, так и долговременной памяти зависит от ассоциативной силы предъявляемого материала. Даже не имея установки на запоминание, Ии. сохраняют в памяти слова, имеющие большую ассоциативную силу. В случаях, когда оба компонента пары слов высокой ассоциативной силы включены в список, у Ии. создается иллюзия повторной встречи с теми же самыми словами. Такие слова запоминаются лучше всего и нередко воспроизводятся парами. В случае, когда в списке содержится

лишь один из компонентов ассоциативной пары, количество воспроизведенных слов в кратковременной памяти оказывается низким. Интересно отметить, что на сохранение слова в памяти наибольшее влияние оказывает способность его вступать в прочные ассоциативные связи с рядом слов.

2. Закономерности, лежащие в основе формирования свободных ассоциаций (по материалам I этапа эксперимента), четко прослеживаются и при анализе характера и порядка записи слов, правильно сохраненных или ошибочно записанных испытуемыми на II и III этапах.

3. В памяти кодируется акустическая, графическая, структурная и семантическая информация, один из аспектов которой оказывается наиболее рельефным в зависимости от ассоциативных связей слова и от речевого опыта Ии. Так, в случаях воспроизведения последовательностей слов LIGHT - *bright, sight, right* и YELLOW - *fellow* в памяти сохранился лишь звуковой (или графический) образ слова, с искажениями декодированный на II и III этапах эксперимента (заглавными буквами здесь обозначены слова, действительно встречавшиеся в исходном списке, а курсивом приводятся ошибочно «вспомненные» слова, которые можно квалифицировать как «приписки»). В то же время примеры типа LITTLE - *small*, ROAD - *way, street, path* свидетельствуют о кодировании сем, которые при декодировании увязываются с иными лексическими единицами. Еще один уровень кодирования семантической информации проявляется в случаях типа MOTHER, FATHER - *aunt, grandfather, wife, husband*, когда кодируется лишь признак принадлежности к определенной семантической микросистеме.

4. Запоминаемый материал группируется в памяти в соответствии с теми же принципами, которые лежат в основе формирования свободных ассоциаций. Это выясняется при анализе порядка воспроизведенных единиц и исследовании характера связи между ними. Так, во второй и третьей сериях эксперимента Ии. произвели перегруппировку слов, объединив их по признаку принадлежности к определенной грамматической категории. В приводимых ниже примерах цифры обозначают позицию слова в исходном списке;

1-43, YOU - 49, THEY - 31, WE - 85
OTHER-103, BOTH-23
SIT - 108, STAND - 72
RED - 28, YELLOW - 9, BLUE - 51

Можно также проследить группировку слов по созвучию или правилу чтения (GIRL - 50, BIRD - 37; COW - 54, KNOW - 24), по атрибутивным отношениям (CITY - 95, BIG - 105), по контрасту (FOOT - 81, HAND - 1) и т.п. Частным случаем группировки слов по их форме можно считать объединение слов по первой букве (BOY, BROTHER, BUTTER; READ, RED, ROUND).

5. В процессе воспроизведения слов параллельно активизируются и взаимодействуют различные принципы группировки по ассоциативным признакам. Это можно видеть при анализе последовательности слов, запи-

санных Ии. на II и III этапах эксперимента. Например, в записанной одним из Ии. цепочке слов *people, mother, son, brother, sky, colour, mouse, eagle, go, make, father, bird, find, speak, see, young, old, red* можно проследить следующие тенденции:

- группировка по семантической микросистеме:
people, mother, son, brother, ...father
- атрибутивная связь:
sky, colour, blue; son, brother, ...father, ...young, old
- отнесение к классу: *eagle, bird*
- группировка по грамматической категории:
go, make, ...find, speak, see; young, old, red

Взаимодействие различных принципов группировки слов при их воспроизведении особенно наглядно проявляется в тех случаях, когда имеет место переход от аналогии по звуковой или графической форме к объединению на основе смысловой связи (*read, red, square*) или к группировке по грамматической категории (*gay, day, they, we, I*). Заслуживающими внимания представляются также случаи перехода от одной грамматической категории к другой через устойчивые сочетания слов, например:

sleep, stand, go, on, among, ... (go on)
we, you, I, together, go, round... (go together, go round)

Особенно важны для понимания механизма поиска слова в памяти ассоциативные цепочки типа: *hungry, angry, hungry*, когда испытуемый идет от элементов, общих для формы исходного и ошибочно воспроизведенного слова (ср. *hurry* - HUNGRY) через еще большее совпадение элементов формы (*angry* - HUNGRY) к нужному слову в единстве его формы и значения.

6. Детальное изучение ассоциативной структуры памяти представляет собой необходимым для разработки теории речевой деятельности. На основе понимания принципов группировки слов в памяти и путей воспроизведения лексических единиц в единстве их формы и значения оказывается возможным прогнозировать эффективность запоминания слов при предъявлении их в различных комбинациях и дать определенные рекомендации в отношении введения и тренировки новой лексики в процессе обучения иностранному языку²¹.

Рассмотренные выше пути применения результатов АЭ далеко не исчерпывают возможностей, которые дает полученный нами экспериментальный материал. Широкая программа исследований, рассчитанная на ряд лет, включает прежде всего сопоставление глубинных моделей связей между коррелятами исходных слов в различных языках и ассоциативными

²¹ Раздел статьи, посвященный использованию АЭ в методических целях, здесь не воспроизводится.

ответами на них, а также выявление особенностей реализации этих моделей в условиях монолингвизма, билингвизма и трилингвизма. Одним из этапов реализации этой программы является приведение в систему результатов АЭ по всем экспериментальным группам.

3.10. Выводы

Напоминаю, что приведённый в этой главе текст был написан в 1971 году. После этого круг сопоставляемых мною языков и набор применяемых исследовательских процедур были значительно расширены (см. ниже главу 4).

В частности, было показано, что ассоциативный эксперимент позволяет обнаруживать сдвиги в степени актуальности разных лексико-семантических вариантов полисемантических слов и выявлять новые значения, ещё не регистрируемые словарями [Залевская 1977а].

Было также продолжено обсуждение ряда спорных вопросов, так или иначе связанных с организацией эксперимента, обработкой материалов и интерпретацией полученных данных. Особое внимание уделялось выявлению типичных для носителей разных языков моделей связи между словами и поиску возможного объяснения оснований для сходства или различий, обнаруживаемых при межъязыковом / межкультурном сопоставлении экспериментальных материалов.

Происходило накопление фактов, позволяющих демонстрировать преимущества анализа связей между компонентами ассоциативной пары слов по глубинным основаниям с учётом выхода через слово на образ мира, функционирующий при взаимодействии чувственных образов с амодальными формами хранения знаний о мире как продуктами процессов обобщения и дифференцирования (см., например, [Залевская 1992в, 1994б]).

Аналогично этому были также показаны различия в трактовке близости значения слов с позиций описательной модели языка и с позиций пользующегося языком индивида, переживающего сходство или различия прежде всего между тем, что имеется в его образе мира, а уже затем - между словесными обозначениями.

Следует особо подчеркнуть, что в зависимости от актуальности и сложности рассматривавшихся проблем некоторые из них становились основанием для реализации широкой программы экспериментов с участием аспирантов и докторантов, а также студентов, выполнявших курсовые и дипломные исследования. Так, начатое еще в 1960-е гг. изучение различных аспектов специфики значения слова у пользующегося языком индивида продолжается ныне не только в Твери, но и в ряде других городов под руководством моих учеников, успешно защитивших докторские диссертации и готовящих новое поколение психолингвистов.

К этому вопросу мы вернемся в выводах по следующей главе.

Глава 4

ЭКСПЕРИМЕНТЫ С НОСИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

4.0. Вводные замечания

Структура этой главы отличается от предыдущих глав делением на две части. В первой из них даётся краткая информация по вопросам межъязыковых / межкультурных сопоставлений (по моим экспериментам, описанным в публикациях [Залевская 1979, 1988а, 1990а]), во второй - рассматриваются организация и предварительные итоги проводимого в настоящее время исследования на материале русского языка.

ВОПРОСЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ / МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

4.1. Ассоциативные поля коррелятов слова ЗЕМЛЯ в ряде языков

Межъязыковое сопоставление материалов ассоциативных экспериментов, полученных в условиях владения одним языком, охватывало все источники, перечисленные в табл. 4.1, и велось в соответствии с методикой, описанной в работах [Залевская 1971а, 1979].

Таблица 4.1

Язык	Кол-во Ии.	Публикации
Русский	100	Залевская 1971а
Русский	100	Залевская 1972
Русский	500	Титова 1975
Русский	200-700	САНРЯ 1977
Белорусский	1000	Цітова 1981
Украинский	1000	Бутенко 1979
Польский	1000	Kurcz 1967
Словацкий	240	Marsalova 1974
Английский (в США)	1008	Russell & Jenkins 1954 Jenkins 1970
Английский (в США)	209 145	Rosenberg & Carter 1965 Rosenberg 1965
Английский (в Англии)	100	Kiss et al. 1972
Немецкий	331	Russell 1970
Французский	288	Rosenzweig 1970
Казахский	100	Залевская 1971а
Киргизский	100	Залевская 1971а
Киргизский	1000	Титова 1975
Узбекский	100	Залевская 1971а

Не имея возможности детально обсуждать здесь результаты сопоставления экспериментальных материалов по всем исследуемым группам Ии. и по всем выделенным мною параметрам, ограничусь анализом отдельных примеров, помогающих выявить факты, наиболее существенные с точки зрения специфики единиц лексикона и принципов их организации.

Результаты анализа ассоциативных полей коррелятов слова ЗЕМЛЯ по 10 экспериментальным группам (к сожалению, словацкий коррелят этого слова не исследовался Л. Маршаловой) отражены в табл. 4.2 (в %); в построенном на её основе рис. 4.1 ассоциативные поля русского и киргизско-русского коррелятов базируются на материалах моих экспериментов и «Киргизско-русского ассоциативного словаря» Л.Н. Титовой. Здесь и далее все количественные показатели даются в % от числа фактически анализируемых реакций, а не от общего числа участников эксперимента.

Таблица 4.2

Группа	Исследуемое слово	Общее кол-во реакций	Лексико-семантические варианты				
			'планета'	'почва'	'суша'	'родина'	Прочие
Русские	ЗЕМЛЯ	422	39	27	11	11,5	11,3
Белорусы	ЗЕМЛЯ	983	22	50	5	13	10
Украинцы	ЗЕМЛЯ	989	15	58	3	9	15
Поляки	ZIEMIA	985	27	46	3	11	13
Американцы	EARTH	1000	45	32	14		9
Французы	TERRE	284	28	32	26		20
Немцы	ERDE	323	33	31	21	1	14
Киргизы	ЖЕР	675	16	48	20	1,5	14,5
Казахи	ЖЕР	97	14	24	45	1	16
Узбеки	ЕР	98	16	12	62	-	10

Как можно видеть из табл. 4.2 и рис. 4.1, три основных лексико-семантических варианта исследуемых слов ('планета', 'почва', 'суша') обусловили актуализацию подавляющего большинства полученных на них ассоциатов, а соответствующие им секторы составляют от 75 до 91% площади построенных ассоциативных полей. Однако «весомость» названных секторов для Ии. сопоставляемых групп оказалась различной. Так, секторы, соответствующие ЛСВ 'планета', являются наиболее обширными для групп американцев и русских, а наименьшими - для групп казахов, украинцев, киргизов и узбеков. ЛСВ 'почва' вызвал наибольшее количество ассоциатов у украинцев, белорусов, киргизов и поляков, а наименьшее - у узбеков. В то же время секторы, соответствующие ЛСВ 'суша', занимают наибольшую площадь ассоциативных полей узбекского и казахского коррелятов, а наименьшую - у польского, украинского и белорусского. Примеры распределения ассоциатов по секторам приводятся на рис. 4.2 и 4.3.

Содержащиеся в табл. 4.2 показатели по ряду групп несколько отличаются от приводившихся ранее [Залевская 1979, с. 42-43]. Это про-

изошло потому, что при повторном анализе экспериментального материала была сделана попытка исключить из расчётов спорные случаи, когда один и тот же ассоциат может интерпретироваться как связанный более чем с одним ЛСВ исследуемого слова.

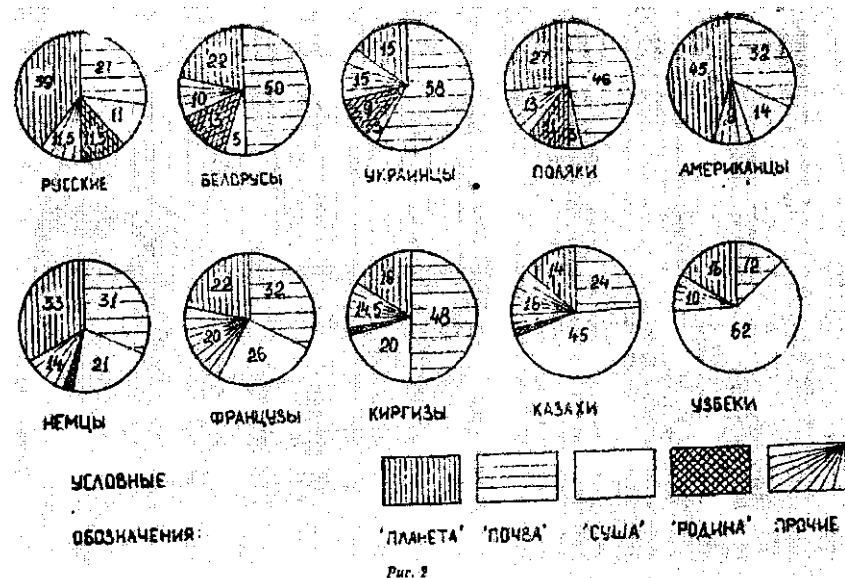

Рис.4.1

Например, реакции со значениями типа 'просторная', 'необозримая', 'наша', 'богатая' трудно однозначно соотнести только с одним ЛСВ слова ЗЕМЛЯ, поэтому они теперь отнесены к разряду «прочие», вследствие чего повысились показатели для этой колонки в табл. 4.2.

Показатель % реакций, соотносимых с ЛСВ 'планета' по группе русских Ии., понизился из-за того, что в разряд «прочих» перенесен ассоциат *люди*: сопоставление с материалами САНРЯ навело на мысль, что связь ЗЕМЛЯ - *люди*, по всей видимости, была вызвана названием популярной радиопередачи «Земля и люди» (реакция *и люди* тоже встретилась и в названном словаре, и в нашем эксперименте).

Если это предположение верно, то исходное слово оказалось включённым в привычный контекст, что могло произойти автоматически и не требовало актуализации ЛСВ, с которым мы первоначально увязывали этот ассоциат (ср. сходный случай: ЗЕМЛЯ - *и воля*, явно навеянный сведениями из школьной программы).

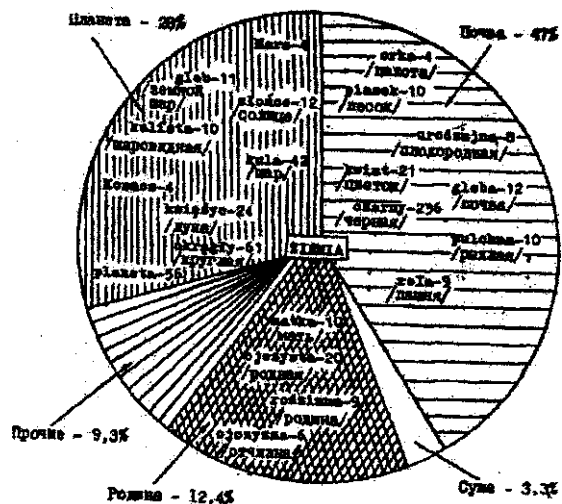

Рис. 4.2

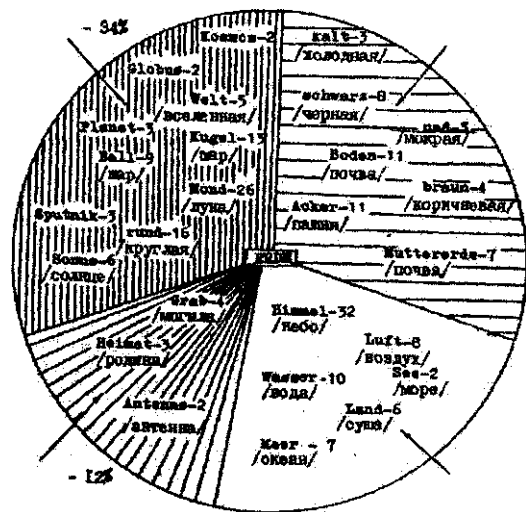

Рис. 4.3

В дополнение к трём основным ЛСВ для групп носителей славянских языков оказался также актуальным ЛСВ 'родина'. Отрадно, что тенденция, в свое время прослеженная мною в материалах экспериментов с русскими и поляками (см.: [Залевская 1977a]), нашла подтверждение и в САНРЯ (где зарегистрировано более 14% ассоциатов типа *родная, русская, матушка, Родина* и т. п.), и в ассоциативных нормах украинского и белорусского языков.

Следует подчеркнуть, что фактически в ассоциативном эксперименте обнаружилась тенденция, пока что не регистрируемая толковыми словарями, которые в лучшем случае называют для слова ЗЕМЛЯ ЛСВ 'страна'. О том, что выделенные нами реакции соотносятся со значением 'родина', можно судить на основании проанализированных ассоциативных связей, хотя возможны некоторые сомнения в отношении ассоциативной связи ЗЕМЛЯ - *мать*, где не исключено более или менее автоматическое включение в состав привычного контекста (ср.: «мать-земля»). ЛСВ 'родина' актуализовался и у немцев, казахов, киргизов, однако в очень ограниченных пределах. Единичные примеры такого рода встретились также у американцев (4 из 1000), однако *модели связей*, реализовавшиеся менее чем в одном проценте от общего числа ассоциатов, едва ли рационально выделять в качестве отдельного сектора ассоциативного поля.

В рубрику «прочие» нами были отнесены многозначные или трудно интерпретируемые реакции, идиомы, цитатные контексты, малочастотные случаи реализации отдельных ЛСВ исследуемых коррелятов и т.п. Так, в эксперименте с американцами имеет место связь EARTH - *heaven*, где реализовалось значение 'этот мир в отличие от небес и ада'. У русских, украинцев, поляков, немцев и французов есть ассоциаты, связанные с похоронами (типа *могила, прах, усопший*); французы дали ряд реакций, связанных с гончарным делом, и т.д.

Сопоставив обитую структуру ассоциативных полей рассматриваемых коррелятов, мы получаем представление о том, какие ЛСВ многозначных слов оказываются наиболее актуальными для носителей того или иного языка. Следует подчеркнуть, что вся эта информация получена в результате предъявления Ии. изолированных исходных слов. В работе [Залевская 1971б, с. 168] показано, что идентификация исходного слова представляет собой включение его в контекст индивидуального и социального опыта человека, при этом осмысление слова оказывается возможным потому и только потому, что оно воспринимается через призму предшествующего опыта. Это хорошо согласуется с выводами Л.В. Сахарного [Сахарный 1972, 1976] о том, что так называемое «внеконтекстное» значение слова на самом деле всегда является социально осознаваемым фактом и увязывается с определёнными типами коммуникативных ситуаций. Результаты моих экспериментов убедительно свидетельствуют о том, что в зависимости от уровня идентификации слова оно немедленно включается в некоторый бо-

лее или менее развёрнутый «контекст» поверхностного или глубинного яруса индивидуального лексикона.

Продолжая сопоставительный анализ структуры рассматриваемых ассоциативных полей, попытаемся проследить некоторые общие черты направления ассоциативного процесса и особенности их реализации носителями исследуемых нами языков.

Ассоциаты, вызванные у разных групп Ии. ЛСВ 'планета', имеют много общего; 9 групп Ии. из 10 указали, что ЗЕМЛЯ - *круглая*, 4 добавили, что она *большая*, 6 утверждают, что ЗЕМЛЯ - *шар*, ещё 6 уточняют, что имеется в виду *земной шар*. Более того, 9 групп Ии. подвели исходное слово под суперординату *планета*, 8 - соотнесли землю с *луной*, 7 - с *солнцем*, 1 - с *Марсом*, 2 - с *галактикой*, а 3 - увязали с понятием *вселенной*, при этом последние два случая представляют собой подведение под суперординаты более высоких ступеней, чем в ассоциативной связи ЗЕМЛЯ - *планета*. Нетрудно заметить, что общность такого рода реакций у носителей разных языков обусловлена сходным уровнем знаний об устройстве окружающего человека мира (что не удивительно, поскольку Ии. всех сопоставляемых групп - студенты). К этому можно добавить, что совокупность ассоциатов, отнесённых к данному сектору отдельного ассоциативного поля, позволяет проследить довольно чёткую логическую структуру знаний человека в обсуждаемой области: одни ассоциаты указывают на более или менее существенные признаки понятия, именуемого идентифицированным исходным словом, другие соотносят его с координированными понятиями, третьи подводят под более общее понятие, четвёртые прослеживают связь с еще более общим понятием и т.д.

Обратившись далее к анализу ассоциатов, вызванных ЛСВ 'почва' и 'суша', мы также обнаружим совпадение ряда реакций для значительной части экспериментальных групп, однако не получим возможности начертить столь же чёткую схему логических связей, как в предшествующем секторе. Так, ЛСВ 'почва' был 9 группами Ии. идентифицирован посредством записи соотносимых друг с другом ассоциатов (ср.: ЗЕМЛЯ - *почва*; EARTH - *soil*; ZIEMIA - *gleba*; ERDE - *Boderi*). Все группы Ии. назвали совпадающие, близкие или различающиеся характеристики именуемого исходным словом объекта (ср.: у 9 групп - *чёрная*, у 6 - *плодородная, урожайная, изобильная*). Названо и то, что произрастает на земле: *хлеб, хлопок, цветок, сад*.

Для ЛСВ 'суша' наиболее типичным оказалось противопоставление: ЗЕМЛЯ - *небо* и ЗЕМЛЯ - *вода*, что прослеживается по всем 10 группам Ии. В дополнение к этому 4 группы дали противопоставление ЗЕМЛЯ - *воздух* и ряд групп реализовал различные варианты противопоставления типа ЗЕМЛЯ - *вода* через ассоциаты *море, океан, река*. В этом секторе поля не отражена типичная для предшествующего сектора атрибутивная связь, отсутствует подведение исходного слова под суперординату.

Рассмотренные факты дают основания для ряда выводов.

1. Исследуемые ЛСВ коррелятов слова ЗЕМЛЯ, по всей видимости, идентифицировались Ии. как отдельные слова, каждое из которых актуализовало специфическую систему связей в индивидуальном лексиконе.

2. В каждом отдельном случае характер такой системы связей определяется, прежде всего, особенностями объекта реальной действительности, именуемого идентифицированным Ии. исходным словом. Это обусловило, с одной стороны, расхождения в направлениях ассоциативного процесса в связи с рассматриваемыми ЛСВ обсуждаемых слов-коррелятов, а с другой - совпадение экспериментальных данных по исследуемым группам Ии. в рамках отдельных секторов ассоциативных полей.

3. Установленные расхождения в характере связей между исследуемым исходным словом и компонентами отдельных секторов ассоциативного поля (ср. относительно чёткую логическую структуру сектора, соответствующего ЛСВ 'планета', с отсутствием таковой у других секторов) свидетельствует о том, что многообразие типов организации ассоциативных полей находит свое проявление не только в разных областях лексикона, где хранятся по-разному взаимосвязанные слова, но и в рамках набора ЛСВ полисемантического слова.

4. Многообразие типов организации ассоциативных полей не исключает наличия ряда общих тенденций в ассоциативном поведении носителей разных языков.

5. Как показывают наши наблюдения, при наличии некоторых общих тенденций в актуализации определённых моделей или видов связей у Ии. разных групп наблюдаются также расхождения в степени актуальности отдельных моделей связей и в лексической наполняемости таких моделей.

Рассмотренные примеры позволяют довольно чётко проследить взаимодействие двух основных факторов, регулирующих направление ассоциативного процесса: с одной стороны, происходит установление места обозначаемого исходным словом объекта в системе знаний индивида об окружающем его мире, а с другой - вступает в действие система ассоциативных привычек и оценок, сложившихся в том или ином социуме и отражающих специфику условий жизни, языка и культуры последнего. Упорядочение знаний индивида об окружающем его мире находит свое отражение в логической структуре ассоциативного поля (см. подробно: [Залевская 1990а, с.103-107; 2005а, с.74-77]).

4.2. Некоторые проявления специфики языка и культуры в материалах ассоциативных экспериментов

В целях выявления принципов организации единиц лексикона индивида было предпринято межязыковое сопоставление материалов ассоциативных экспериментов, проведённых мною и другими авторами с но-

сителями разных языков. В ходе этого исследования обнаружены ассоциативные пары слов, которые могут интерпретироваться как продукты проявления специфики языка и культуры Ии., явно прослеживающиеся на фоне универсальных тенденций актуализации ассоциативных связей между единицами лексикона. Ниже будут приведены некоторые из установленных фактов с использованием материалов свободных ассоциативных экспериментов (см.: [Бутенко 1979; Залевская 1971а; Титова 1975; Цітова 1981; Jenkins 1970; Kiss et al. 1972; Kurcz 1967; Marsalova 1974; Rosenzweig 1970; Russell 1970]). Поскольку не все названные публикации содержат полный массив полученных в эксперименте данных, сопоставление материалов по 12 группам Ии. оказывается возможным лишь по частым ассоциативным реакциям, однако при ограничении числа сопоставляемых групп в анализ включаются и малочастотные, единичные реакции.

Рассмотрим для примера ассоциативные поля четырёх русских цветообозначений БЕЛЫЙ, ЖЁЛТЫЙ, КРАСНЫЙ и СИНИЙ и их коррелятов в белорусском, украинском, словацком, польском, английском (по американским и британским ассоциативным нормам), немецком, французском, казахском, киргизском и узбекском языках.

Анализ сопоставляемых материалов показывает, что подавляющее большинство частых парадигматических реакций на исследуемые исходные слова составляют цветообозначения, однако не все они встречаются одинаково часто. Проведя несложные подсчеты, можно установить, что Ии. разных групп чаще всего использовали цветообозначения *чёрный*, *синий*, *зелёный*, *красный*, *белый* и *жёлтый* (они встречались 40, 30, 30, 30, 28 и 20 раз соответственно). Остальные зарегистрированные в анализируемых материалах цветообозначения фигурируют в них лишь по 1-2 раза. Это позволяет сделать вывод, что в лексиконе носителей каждого из исследуемых языков имеется некоторое «ядро» весьма активных цветообозначений, при этом наиболее активным оказался ассоциат со значением 'чёрный'. Сделанный вывод хорошо согласуется с результатами анализа ядра лексикона носителя английского языка: в числе выделенных нами 75 английских слов, имеющих по данным «Ассоциативного тезауруса английского языка» [Kiss et al. 1972] наибольшее число «входящих» ассоциативных связей с другими единицами лексикона, мы видим цветообозначения *black* (чёрный) - 549 связей, *red* (красный) - 477 связей, *white* (белый) - 450 связей и *green* (зелёный) - 395 связей (подробнее о ядре лексикона и об «Ассоциативном тезаурусе английского языка» см. [Залевская 1981, 1983б; Золотова 1989, 2003, 2005]).

В число парадигматических ассоциативных реакций, не являющихся цветообозначениями, входят ассоциаты *светлый*, *тёмный*, *яркий*, которые, видимо, могут трактоваться как занимающие промежуточное положение между цветообозначениями и прилагательными оценочного характера, типа ассоциата *красивый*, использованного украинцами и словаками в связи с

коррелятами трёх рассматриваемых исходных слов - БЕЛЫЙ, КРАСНЫЙ, СИНИЙ - и белорусами в связи с коррелятом слова СИНИЙ. Большой интерес представляют ассоциаты *чистый*, *честный*, *пьяный*. Первый из них соотнесен с коррелятами слова БЕЛЫЙ шестью группами Ии. (русскими, белорусами, словаками, американцами, англичанами и французами) и может быть вызван актуализацией типичного для представителей соответствующих культур использования понятия белизны в качестве эталона чистоты. Иными причинами вызвано появление ассоциатов *честный* и *пьяный*: корреляты слова БЕЛЫЙ в исследуемых тюркских языках имеют лексико-семантический вариант 'честный', а немецкий коррелят слова СИНИЙ имеет разговорное значение 'пьяный', таким образом, в обоих названных случаях явно прослеживается реализация фактора специфики языка Ии.

Анализ частых синтагматических ассоциативных реакций на исследуемые слова позволяет проследить следующие основные виды связи между исходными словами и ассоциатами, общие для всех рассматриваемых 12 групп: 1) подведение исходного цветообозначения под общее понятие; 2) увязывание исходного слова с некоторым объектом окружающего мира - типичным носителем названного этим словом признака; 3) включение исходного слова в некоторое более или менее устойчивое сочетание слов; 4) символическое переосмысление исходного слова.

Первый из названных видов связи для всех обсуждаемых слов реализуется одинаково: будучи цветообозначениями, все они вызывают суперординату *цвет*. Это заставляет подчеркнуть условность включения рассматриваемого ассоциата в таблицу синтагматически связанных с исходным словом реакций: в данном случае несомненна реализация глубокой парадигматической связи, что свидетельствует о недостаточности традиционного использования формального признака принадлежности исходного слова и ассоциативной реакции к одному и тому же или к разным лексико-грамматическим классам для разграничения парадигматических и синтаксических реакций.

Назрела необходимость психолингвистической трактовки парадигматики и синтагматики с позиций глубинных процессов установления индивидуальности связей между словами в ходе ассоциативного эксперимента (подробнее см.: [Залевская 1979, 1992в, 1994б]). При этом обнаруживаются расхождения в подходах к анализу одних и тех же ассоциативных пар с точки зрения лингвистики и психолингвистики; например, связь СИНИЙ - *цвет* рассматривается как синтагматическая при анализе продукта ассоциативного эксперимента - связанного сочетания двух слов, принадлежащих к разным лексико-грамматическим классам (ср. *синий цвет*), однако при попытке проследить характер процесса, дающего такой продукт, мы обнаружим идентичность значения исходного слова Ии. (т.е. осознание того, что означает слово-стимул) через подведение его под более общее понятие: СИНИЙ - (это) *цвет*. Во втором случае

выявляется также неправомерность прямого перенесения заключений по результатам лингвистического анализа на трактовку материалов психолингвистических экспериментов. Так, по утверждению Дж. Лайонза, для лексем, принадлежащей к одной части речи, не может быть гипонима, который принадлежал бы к другой части речи [Lyons 1977, p. 297], однако в данном случае связь устанавливается на глубинном уровне смыслов, для которого принадлежность к той или иной части речи не является существенной.

Конечно, при универсальности процесса идентификации исходного слова через подведение под более общее понятие нельзя не учитывать проявления фактора специфики языка Ии., вызванного тем, что в ряде исследуемых языков исходные цветообозначения в совокупности с коррелятами слова «цвет» образуют привычные для участников эксперимента словосочетания. Можно полагать, что именно взаимодействие этих двух причин объясняет, почему носители сопоставляемых языков реализуют обсуждаемую ассоциативную связь более или менее активно. Так, все рассматриваемые исходные слова вызвали в числе частых реакций ассоциат *цвет* у русских, белорусов, украинцев, словаков, поляков, американцев и немцев. Тюркоязычные Ии. использовали этот вид связи в ограниченных пределах.

Следует отметить, что различия в использовании суперординатных реакций носителями разных языков давно привлекают внимание исследователей. Более того, при сопоставлении ассоциативных норм, полученных от носителей одного и того же - английского - языка в 1910 и в 1952 гг. обнаружилось, что в начале века реакции такого типа были почти вдвое более частыми, чем в середине века [Jenkins, Russell 1960]. Установлено также, что американские и французские рабочие дали суперординатные реакции почти вдвое чаще, чем студенты - носители тех же языков в тех же странах [Rosenzweig 1964], в то время как каждая из французских экспериментальных групп дала почти вдвое меньше высокочастотных суперординатных реакций, чем соответствующие американские группы [цит. раб.]. Последнее нельзя объяснить фактором языка, поскольку говорящие на французском языке канадцы дали такой же процент суперординатных реакций, какой был получен от американцев и от канадцев, говорящих на английском языке [Lambert, Moore 1966].

Суммируя подобные данные и учитывая результаты проведённого нами анализа ассоциативных полей коррелятов 111 слов в ряде языков, можно сделать следующие выводы:

во-первых, высказанные нами выше соображения относительно роли фактора языка в формировании ассоциативной связи типа СИНИЙ - *цвет* не следует прямо (без соответствующих комментариев) приравнять ко всем другим случаям подведения под суперординату (уточним, что традиционно к числу таких случаев принято относить лишь связи типа ОРЁЛ - *птица*);

во-вторых, нельзя строить гипотезы, объясняющие причины актуализации того или иного типа ассоциативной связи без учета:

- специфики семантической структуры исследуемых слов;
- динамики развития значения слова как в индивидуальном сознании, так и в языке как достоянии общества;
- динамики способов идентификации значения слов, принятых в различных социальных группах в разные периоды их существования.

Представляется важным подчеркнуть, что подведение под более общее понятие составляет лишь один из возможных способов разъяснения самому себе или другим значения того или иного слова; в материалах ассоциативных экспериментов можно проследить идентификацию через пример (ГРЫЗУН - *крыса*) или признак (КРИЧАТЬ - *громко*), через соотнесение с близким по значению или противоположным по значению словом (ЕСТЬ - *кушать* и ЖИЗНЬ - *смерть*) и т.д., подобные способы используются и в повседневном общении (ср. разъяснение через пример в стихотворении В.В. Маяковского «Что такое ХОРОШО и что такое ПЛОХО»).

Следует отметить, что реализация связи исходного цветообозначения с названием некоторого объекта окружающего мира, выступающего в роли типичного носителя соответствующего признака (цвета), занимает основное место среди частых синтагматических реакций по всем исследуемым экспериментальным группам, однако при наличии совпадения модели связи называемые разными группами Ии. объекты совпадают далеко не всегда. Все сопоставляемые группы оказались единодушными только в одном случае, увязав синий цвет с небом. Для 10 групп из 12 носителем белого цвета явился снег; 9 групп из 11 ассоциировали жёлтый цвет с цветком, а 5 групп - с лимоном; для 8 групп из 12 типичными носителями красного цвета являются флаг, знамя, а для 6 групп - кровь; 7 групп из 12 увязали синий цвет с морем, океаном.

Далее можно говорить скорее о расхождении, чем о совпадении объектов, названных Ии. разных экспериментальных групп. Так, для узбеков «эталоном» белого цвета является не снег, а хлопок, для казахов и киргизов - молоко (у последних - наравне со снегом). Интересно отметить, что русские Ии., проживающие в регионе, где возделывается хлопок, также называют его в связи с цветообозначением БЕЛЫЙ. Цветообозначение ЖЁЛТЫЙ у русских, белорусов и украинцев вызывает образ осеннего листа, у русских ассоциируется с одуванчиком, у украинцев - с подсолнухом, у французов - с золотом и с яичным желтком, у американцев, казахов и киргизов - с маслом, а у узбеков - с просом. В одних случаях такие расхождения объясняются особенностями условий жизни и культуры Ии., а в других - спецификой их языка.

Фактор языка проявляется по нескольким направлениям. Это, прежде всего, актуализация ассоциатов, вызванных отдельными ЛСВ коррелятов

исходных слов в разных языках. Так, в казахском, киргизском и узбекском языках слова *квк*, *квк* и *кук* соответствуют по меньшей мере двум цветообозначениям: «синий» и «зеленый». Немецкий коррелят слова СИНИЙ (BLAU) имеет разговорное значение 'пьяный', обусловившее появление реакций, выступивших в роли средств идентификации именно этого значения слова-стимула, ср. идентификацию через синоним *betrunken* и через установление связи типа «следствие - причина» в ассоциативных парах BLAU - *Alkohol* и BLAU - *Bier* (ПЬЯНЫЙ - *алкоголь*; ПЬЯНЫЙ - *пиво*). Одно из значений английского коррелята исходного слова ЖЁЛТЫЙ (YELLOW) - 'трусливый'; это нашло свое отражение в ассоциате *coward* 'трус' по группе американцев. В тюркских языках корреляты цветообозначения ЖЁЛТЫЙ имеют значение 'рыжий', реализовавшееся в реакциях типа *человек, голова* по группам казахов, киргизов, узбеков (САРЫ - *адам*, САРЫ - *киши*, САРИК - *бош*). В английском языке это значение реализуется в связи с коррелятом цветообозначения КРАСНЫЙ (RED), который опознается Ии.-американцами и в значении 'цвет кожи' (ср. малочастотную связь RED - *Indians*). Специфичные для русских Ии. значения слов КРАСНЫЙ и БЕЛЫЙ реализуются через малочастотные ассоциаты *Октябрь, партизан, Деникин*. Корреляты слова БЕЛЫЙ в тюркских языках могут означать 'честный, добрый', что стимулировало парадигматическую связь по группе киргизов АК - *конул* (идентификация через синоним со значением 'честный') и актуализацию словосочетаний с исходным словом по группам киргизов и узбеков: АК - *ниет* 'честное намерение' и ОК - йул! 'Доброго пути!'. В то же время в русской ассоциативной паре БЕЛЫЙ - *арбуз* реализовалось значение исходного слова 'незрелый', а в киргизской ассоциативной паре КЫЗЫЛ - *маттуу* (КРАСНЫЙ - *сладкий*) - значение 'спелый, зрелый'. Вполне очевидно, что в одних из приведённых примеров установление ассоциативной связи шло по линии языковых привычек и могло быть автоматизмом, а в других - по линии идентификации значения слова на базе знаний о мире.

Реализацию фактора языка можно также проследить в киргизской ассоциативной паре КЫЗЫЛ - *тазыл*, где совокупность исходного слова и ассоциата означает 'разнородные красные предметы'; в то же время следует подчеркнуть, что парные слова такого типа характерны для тюркских языков, они могут актуализоваться автоматически. Специфичные для разных языков деривационные возможности и привычные словосочетания проявляются в таких ассоциативных парах, как нем. WEIß - *Weißkraut* (БЕЛЫЙ - *капустка*), каз. АК - *акпан* (БЕЛЫЙ - *январь*), узб. КУК - *куклам* (ЗЕЛЕНЫЙ - *весна*) или каз. САРЫ - *май* (сарымай - 'масло'), узб. КУК - *чай* 'зеленый чай'. Конечно, было бы ошибочным объяснять подобные случаи исключительно проявлением фактора языка; первичным, очевидно, было выделение носителями соответствующей культуры того или иного существенного для них признака называемого объекта, далее закрепившегося в языке с возможной утратой первоначальной мотивированности, ср. наличие се-

мантических признаков 'белый' и 'зелёный' в приведённых выше казахском и узбекском названиях зимы и весны. Заметим, в частности, что самая частая ассоциативная реакция на киргизский коррелят слова ЖЁЛТЫЙ скорее всего не осознается Ии. как имеющая значение 'деревянное ведро', поскольку сочетание исходного слова с ассоциатом САРЫ - *Челек* представляет собой топоним [Титова 1975, с. 42].

Пересечение факторов языка и культуры прослеживается и в ассоциативных парах типа WHITE - *house* (БЕЛЫЙ - *дом*) у американцев и в цитатных ассоциациях типа CZERWONY - *Kapturek* (КРАСНЫЙ - *Шапочка*) у поляков. В этой связи представляется важным в межкультурных исследованиях широко привлекать результаты научных изысканий, так или иначе проливающих свет на закрепляемые в языке именованная и увязываемые с ними образы и эмоционально-оценочные переживания (см., например, [Голикова 2010; Шаймерденова, Авакова 2008; Шаймерденова и др. 2010]).

При анализе примеров символического переосмысления исходных слов опять-таки трудно разграничивать случаи реализации факторов языка и культуры Ии. Белый цвет у русских, белорусов, украинцев, поляков, американцев, немцев и французов связан с представлениями о чистоте, невинности, свадьбе, а также о больнице и смерти (для сравнения отметим, что для носителей исследуемых нами тюркских языков этот цвет связан лишь с чистотой). Американцы, немцы и французы ассоциировали белый цвет с представлениями об ангеле, душе; украинцы - с верностью и честностью, а поляки - со спокойствием. Специфичной для американцев (а также и для англичан оказалась связь WHITE - *Christmas* (БЕЛЫЙ - *Рождество*). Жёлтый цвет у русских, белорусов, украинцев, поляков, немцев и французов символизирует измену, разлуку, у немцев он связан с ненавистью, завистью, фальшью, у поляков - со злостью, у американцев - с трусостью, у белорусов, украинцев, поляков - с болезнью и смертью; для русских, поляков, американцев и немцев этот цвет также связан с предупреждением об опасности. Красный цвет у всех рассматриваемых групп символизирует революцию, коммунизм (при несомненных различиях в коннотациях) и воспринимается как сигнал опасности (в том числе - в связи с уличным движением); пять групп из семи вспомнили о корриде; у украинцев, американцев и французов красный цвет также связан с представлением о гневе, а у русских, украинцев, немцев и французов - с любовью, страстью. Синий цвет для русских, американцев и французов связан с надеждой, мечтой, для поляков - с нежностью, для немцев - с верностью; поляки, американцы, немцы и французы актуализуют также представления об униформе моряков и летчиков.

Сопоставление ассоциативных реакций, зарегистрированных в экспериментальных материалах в связи с коррелятами слов БЕЛЫЙ и ЖЁЛТЫЙ, наводит на мысль, что первые из этих коррелятов вызывают у Ии. рассматриваемых групп преимущественно положительные, а вторые - отри-

цательные эмоции. Наибольшее количество реакций оценочного характера встретилось в материалах эксперимента с группой немцев, давших преимущественно отрицательную оценку жёлтому цвету и преимущественно положительную - синему. Интересно для сравнения указать, что у тюркоязычных Ии. корреляты слова ЖЁЛТЫЙ отрицательных эмоций не вызвали; возможно, это объясняется, с одной стороны, наличием сильной ассоциативной связи типа ЖЁЛТЫЙ - *цветок*, ЖЁЛТЫЙ - *тюльпан*, а с другой - отсутствием предрассудков, которые связаны с жёлтым цветом у других исследуемых нами групп (ср. хотя бы связь: ЖЁЛТЫЙ - *разлука* у украинцев и белорусов).

В свое время нами был проведен эксперимент со студентами, которым предлагалось оценить по 7-балльной шкале (от «очень хороший» до «очень плохой») набор русских цветообозначений. Наивысшую положительную оценку получил в этом случае красный цвет, а чёрный был отнесен к числу самых плохих. Между ними в следующем порядке расположились остальные исследовавшиеся цветообозначения: *красный, зелёный, синий, белый, жёлтый, коричневый, серый, чёрный*. В свободном ассоциативном эксперименте, где не дается установка высказать свое отношение к обозначаемым исходными словами объектам (или к словам - разграничить это в эксперименте практически невозможно), Ии. дают подобную оценку произвольно.

Подчеркну, что, воспринимая исходные слова вне ситуации и вне контекста в его традиционной трактовке, Ии. немедленно (и произвольно) включают эти слова в контекст своего предшествующего эмоционального опыта, взаимодействующего с принятой в соответствующем социуме системой норм и оценок. Отсюда становится понятным, почему в материалах ассоциативных экспериментов так хорошо проявляются расхождения в реакциях оценочного типа у представителей разных культур.

Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций особенно наглядно прослеживается при целенаправленном сопоставлении названных Ии. носителей того или иного признака, объектов некоторого действия и т.п. Например, Ии. восьми из исследуемых нами языковых групп ассоциируют корреляты слова КИСЛЫЙ с лимоном, пять экспериментальных групп называют уксус, однако для русских, белорусов и украинцев актуальным в таком случае оказывается борщ и квас, а для киргизов - айран и кумыс. При этом необходимо тщательно анализировать и редкие ассоциативные реакции. Так, одним из носителей жёлтого цвета для белорусов, украинцев и поляков является зрелый колос (ср. белорусск. *колас, авёс*, укр. *злак, зерно*; польск. *zboze*). Чрезвычайно интересны результаты сопоставления ассоциативных полей, полученных от проживающих в одном и том же регионе носителей разных языков, что даёт единый природно-географический фон и позволяет ярче выявить особенности языка и культуры. Так, совмещение значений 'кислый' и 'горький' в слове АЧУУ объ-

ясняет, почему киргизы ассоциируют это слово, в частности, с водкой и луком. В то же время некоторые расхождения в ассоциациях могут быть отнесены именно на счёт специфики традиционного уклада жизни носителей отдельных языков. Ср. русск. КАРАУЛИТЬ - *дом, магазин, склад, сад*, но кирг. КАЙТАРУУ - *кой 'овца', мал 'скот', жылкы 'лошадь'*; русск. ЧЁРНЫЙ - *кот, ворон*, но кирг. КАРА - *кой (ЧЁРНЫЙ - овца)*.

Представляют интерес и результаты сопоставительного анализа ассоциативных реакций, полученных на корреляты исходного слова ОРЁЛ, вызвавшего у различных групп Ии. следующие четыре направления поиска ассоциатов: а) отнесение орла к классу птиц (суперординатный ответ); б) соотнесение орла с другими видами птиц (координированные ответы); в) описание обозначаемого исходным словом объекта (атрибутивные ответы); г) увязывание реакции с символическим изображением орла. Однако для разных экспериментальных групп соотношение этих видов реакций оказалось различным.

Так, суперординатный ответ *птица* дали 55% Ии.-американцев, 42,5% словаков, 20,6% немцев, 18,4% белорусов, 16% поляков, 16% французов, 15,8% русских, 14% казахов, 11,5% украинцев, 9% киргизов и лишь 7% узбеков.

Наибольшее количество координированных ответов - 37% - дали казахи, назвавшие в этом числе ловчих птиц, традиционно используемых наряду с орлом при степной охоте. Объекты охоты с беркутом (например, *лисица, заяц*), а также термины, связанные с такого рода охотой, названы казахами еще в 12% случаев.

Интересно отметить, что атрибутивные реакции в этом ассоциативном поле также связаны с одним из наиболее ценных качеств ловчей птицы (11% Ии. дали ответ со значением 'хваткий'). Еще чаще - в 23% случаев - это качество орла подчеркнули киргизы, ср.: *алгыр* (хваткий), *кыраан* (ловкий, хваткий). Наибольшее количество атрибутивных реакций дали украинцы - 51%, белорусы - 33% и поляки - 30%.

В то же время поляки дали наибольшее - более 24% - количество реакций, связанных с символическим изображением орла, например, *godlo* (девиз), *herb* (герб), *symbol* (символ) и т.п. В материалах других экспериментальных групп ответы такого рода занимают незначительное место, ср. 7 реакций из 1000 у белорусов, 4 из 983 у украинцев, однако обнаруживается иное по своему характеру символическое осмысление идентифицируемого слова или называемого этим словом объекта: все группы Ии., включая и поляков, в той или иной мере увязывают образ орла с представлением о силе, благородстве, гордости, независимости. Выражаемые по этой причине положительные эмоции Ии., которые прослеживаются через ассоциаты к слову ОРЁЛ и его коррелятам в исследуемых нами языках, контрастируют с отрицательными оценками, которые даются в связи с коррелятами исходного слова ПАУК, ср.: русск. ОРЁЛ - *гордый, величие*; ПАУК - *мерзкий, гад-*

кий; белорусск. АРОЛ - *гордасць* (гордость), *свободны, сую*; ПАВУК - *страшны, гады*; укр. ОРЁЛ - *вільний* (свободный), *мужетсть* (мужество); ПАВУК - *гидкий* (гадкий), *противний, брудний* (грязный); польск. ORZEL - *wolność* (воля, независимость), *potęga* (мощь), *sila* (сила); РАЖАК - *obrzydliwy* (отвратительный), *wstrętny* (омерзительный), *brzydki* (безобразный); словац. ОРОЛ - *vyska* (высота), *sila* (сила); ПАВУК - *odpor* (отвращение), *hnus* (отвращение), *fuj* (фу) и т.п.

Можно надеяться, что в недалеком будущем появится возможность широкого охвата экспериментальных данных, полученных от носителей различных языков и культур в одних и тех же и в дистантно расположенных регионах. Думается, настала пора перехода от исследований описательного типа к объяснению установленных фактов с учетом специфики процессов категоризации окружающего мира и доступа к продуктам этого процесса через слово, особенностей хранения знаний о мире, взаимодействия языковых и энциклопедических знаний и преломления их через призму вырабатываемой в социуме системы норм и оценок и эмоционального опыта индивида. Только при этом условии анализ национально-культурной специфики вербальных ассоциаций перестанет быть самоцелью и окажется неотъемлемым звеном широкой программы исследований, направленных на решение актуальной проблемы взаимоотношения языка, мышления и культуры.

4.3. Связи имплицитивного типа в ассоциативном поле

Следует заметить, что наличие в ассоциативном поле слова ЖЫЛКЫ (ЛОШАДЬ) таких ассоциатов, как *кымыз* (*кумыс*), *азоо* (необъезженная) и т.п., побуждает затронуть проблему семантических импликаций. В. Порциг [Porzig 1957] в свое время указал, что определённые лексические единицы имплицитно содержатся в других единицах и что сущность таких отношений составляют синтагматические импликации между словами (в частности, Порциг противопоставил выделенные им поля парадигматическим полям И. Трира). По мнению Порцига, ядром элементарного семантического поля рассматриваемого типа всегда оказывается либо глагол, либо прилагательное, а сама по себе импликация не является обратимой. Признавая идею семантической импликации весьма плодотворной, можно в то же время поставить под сомнение правомерность некоторых ограничений, накладываемых Порцигом на условия реализации таких связей.

Например, отвлечемся от порядка следования элементов в ассоциативных парах ЖЫЛКЫ - *кымыз*, ЖЫЛКЫ - *азоо* и рассмотрим отдельно взятые ассоциаты. Тогда обнаружится, что слово «кумыс» в такой же мере вызывает представление о кобыле, в какой слова «ржёт» и «необъезженная» подразумевают наличие лошади (слово «ржёт» понимается здесь в прямом смысле). Однако в первом из этих случаев связь между словами является парадигматической.

Детальный анализ экспериментальных материалов позволяет выявить более сложный, чем указывает Порциг, характер отношений между компонентами элементарного семантического поля рассматриваемого им типа, а также обнаружить ряд факторов, оказывающих влияние на степень имплицитивности одного слова другим. К числу таких факторов, в частности, относится полисемантность одного (или обоих) компонентов пары, наличие омонимов исследуемых слов, способность этих слов актуализовать представление о предмете, а также отражаемая ими степень генерализации. Мы сможем затронуть здесь лишь некоторые из названных моментов, взяв для примера ассоциативную пару НОЖНИЦЫ - *резать*. Выбор этой пары объясняется тем, что корреляты слова НОЖНИЦЫ в ряде языков вызывают аналогичную высокочастотную реакцию; ср. англ. SCISSORS - *cut* - 67%, словац. NOZNIGE - *strihat'* - 41%, русск. НОЖНИЦЫ - *резать* - 34%, франц. CISEAUX - *couper* - 22,5%, кирг. КАИЧЫ - *кесуу* - 19%, нем. SCHERE - *schneiden* - 14,5%, укр. НОЖНИЦІ - *різати* - 11,5%, однако эта аналогия является довольно условной из-за различий в объеме значения приведенных ассоциатов. Так, англ. и франц. ассоциаты означают 'резать', 'стричь', 'кроить'; нем. - 'резать', 'стричь'; словац. - 'стричь', 'кроить', а русск., укр. и кирг. - только 'резать'.

Здесь мы сталкиваемся со случаем, когда становится очевидной зависимость характера связей между единицами лексикона от специфичной для того или иного языка системы значений и от способов реализации этих значений на поверхностном уровне. Отсюда следует, что при межязыковых сопоставлениях делать заключения о том, какие связи коррелятов исследуемого исходного слова актуализовались у разных групп Ии., можно только по результатам анализа полных дистрибуций ассоциативных реакций с группировкой ассоциатов по общности основания для их связи со словом-стимулом. Следует, однако, подчеркнуть, что логическая структура ассоциативного поля, выявляемая через анализ полного набора связей по материалам рассматриваемых экспериментов, оказывается единой независимо от специфики ассоциатов, отражающих разные ступени процессов дифференцирования и интегрирования.

Напрямую связанный с исходным словом ассоциат *резать* отражает довольно высокую степень генерализации, во всяком случае, он имеет более общее значение, чем глаголы *стричь*, *разрезать*, *кроить*, т.е., по терминологии Э. Косериу [1969], представляет собой архилексему. Однако именно через посредство глаголов более частного значения осуществляется переход к имплицитивным значениям этих глаголов существительным (ср.: *стричь* —> *шерсть*, *волосы*; *кроить* —> *ткань*), а совокупность такого глагола и имплицитивного им существительного в свою очередь дает основания для актуализации импликанта последующей ступени (ср.: *настух*; *парикмахер*; *портной*). То или иное направление актуализации ассоциатов определялось соответствующим представлением о

некоторой разновидности ножниц (возможно, возникал зрительный образ того или иного объекта). На поверхностном уровне последний вид связи мог реализоваться посредством отдельной единицы; ср. каз. КАИШЫ - *кырыцтыц* (ножницы для стрижки овец), или через имплицирование исходного слова в составе ассоциативной реакции; ср. укр. НОЖНИЦІ - *кравецьм* (портняжные), *манікюрш* (маникюрные), *медичт* (медицинские), *канцелярсьм* (канцелярские), *ковальськ!* (кузнечные). Сочетание повтора исходного слова (т.е. репрезентативного ответа) и ассоциата является в таком случае парадигматически связанным со стимулом, ср. НОЖНИЦЫ - (ножницы) *канцелярские*.

Общая картина связей по-разному конкретизируется в материалах отдельных экспериментов. Для тюркоязычных Ии. специфичны реакции типа каз. *малшы* (пастух); узб. *куй* (овца), *подачи* (пастух); кирг. *уйчу* (пастух). Для других групп оказались актуальными ассоциаты, прямо или косвенно увязывающие названный исходным словом объект с трудом портного или парикмахера; ср. русск. *портной, иголка, материал, платье*; словац. *krajclr* (портной), *latka* (ткань), *holic* (парикмахер); укр. *кроблу* (кроить), *стрижка*; франц. *couture* (шитье), *taille* (стрижка); нем. *Nadel* (игла), *Faden* (нитка); польск. *krawiec* (портной), *material* (материя), *szycie* (шитье) и т. п.

На основании рассмотренных примеров представляется возможным сделать следующие выводы:

- многоступенчатость импликаций значительно расширяет границы элементарного поля;
- одним из следствий такой многоступенчатости оказывается синтагматико-парадигматический характер импликаций;
- выпадение промежуточных ступеней может приводить к парадигматическим связям типа НОЖНИЦЫ - *ткань*, НОЖНИЦЫ - *портной*.

Можно полагать, что именно цепи опосредствующих импликаций лежат в основе упорядоченности знаний человека об окружающем мире в индивидуальном информационном тезаурусе; в поверхностном ярусе лексикона нередко хранятся начальные и конечные элементы таких цепей, в то время как восстановление промежуточных звеньев требует обращения к глубинному ярусу и может привести к актуализации широкого круга связей разных степеней опосредованности.

Отсюда вытекает представление о концентрическом строении ассоциативного поля того или иного слова, интегрирующего (прямо или с разными степенями опосредованности) значения всех слов, входящих в разного рода связи с рассматриваемым словом. Сказанное выше объясняет трудности разграничения семантических солидарностей и импликаций, основанных на знании реальной действительности (ср. упрек Косериу [1969, с. 94] в адрес Порцига, не проводящего чёткой грани между этими двумя явлениями).

Наглядно прослеживающаяся роль импликаций в организации энциклопедических и языковых знаний человека побудила меня исследовать этот феномен более детально (см.: [Залевская 1979, с. 53-64]).

Заметим, что на важность чёткого различения лексического и семантического аспектов проблемы соединения слов указывает Н.Д. Арутюнова [1976, с. 93, 112], усматривающая разницу между этими аспектами в том, что первый из них реализуется за счёт поверхностных, а второй - за счёт глубинных структур. Обоснованность такого подхода полностью подтверждается результатами анализа экспериментального материала, рассматриваемого с учетом специфики механизмов вербальных ассоциаций. Дело в том, что выполняя задание дать свободные ассоциативные реакции, испытуемый должен прежде всего опознать (идентифицировать) предъявленное ему исходное слово; в зависимости от того, какие параметры слова-стимула попадают в фокус его внимания или подсознания, актуализуются различные типы ассоциативных связей и продуцируются соответствующие ассоциаты. При этом первый этап ассоциативного процесса, фактически определяющий конечный результат (или продукт) этого процесса, может реализоваться на разных уровнях: а) через идентификацию словоформы или б) через актуализацию связи между воспринимаемой словоформой и некоторой единицей глубинного яруса идиолексикона испытуемого. В зависимости от этого исходное слово, предъявленное в эксперименте в изолированном виде, т.е. вне контекста в его традиционной трактовке, оказывается включенным в соответствующий уровню идентификации этого слова контекст поверхностного или глубинного яруса индивидуального лексикона. Такое разграничение двух типов контекстов идентификации исходных слов явилось базой для подразделения отобранных из «Ассоциативного тезауруса английского языка» [Kiss et al. 1972] (далее - АТ) случаев связи имплицитивного типа на две группы:

I - импликации на уровне поверхностного яруса лексикона, или лексические импликации;

II - импликации на уровне глубинного яруса лексикона, или семантические импликации.

К разряду лексических импликаций на этом основании оказались отнесёнными всевозможные случаи автоматизированного включения исходного слова в состав производного или сложного слова, в состав устойчивого сочетания и т.п.; см. примеры 1-8 в табл. 4.3, куда для сопоставления включены как двунаправленные, так и однонаправленные связи.

Примеры группы (I) отражают крайний случай механического продуцирования вторых компонентов парных слов, составные части которых могут вообще не иметь самостоятельного значения или утратить его. Случаи типа (2) интересны тем, что ассоциаты актуализуются автоматически, подобно парным словам, хотя компоненты некоторых из таких ассоциативных пар используются в речи не контактно, а дистантно (ср.: either ...

ог). Примеры (3) показательны в том отношении, что сложное слово, образуемое совокупностью стимула и ассоциата, может быть получено посредством актуализации как правого, так и левого контекста (в последнем случае слово-стимул фактически повторно фигурирует после ассоциата, что иногда регистрируется в материалах эксперимента).

Таблица 4.3

№	Ассоциативные пары и их перевод	
1	DING - 88 dong HONG - 85 Kong PING - 85 pong	ДИН - дои) (ГОН - конг) (ПИН - понг)
2	EITHER - 78 or (15) NEITHER - 68 nor (42) ACCORDING - 66 to	(ИЛИ - или) (НИ - ни) (В СООТВЕТСТВИИ - с)
3	TROVE - 82 treasure (29) STARK - 79 naked (4) SILL - 78 window (11)	Ср.: treasure-trove (найденный в земле клад) Ср.: stark-naked (совершенно голый) Ср.: windowsill (подоконник)
4	MORTEM - 61 post SAPIENS - 60 homo	Ср.: Lat post mortem Ср.: Lat. homo sapiens
5	NOAH - 71 ark (69) JESUS - 65 Christ	Ср.: Noah's ark (Ноев ковчег) Ср.: (Иисус Христос)
6	JUGULAR - 78 vein DUODENAL - 71 ulcer	Ср.: jugular vein (яремная вена) Ср.: duodenal ulcer (язва двенадцатиперстной кишки)
7	OUTBOARD - 86 motor EJECTOR - 69 seat (1)	Ср.: outboard motor (подвесной мотор) Ср.: ejector seat (катапультируемое сидение)
8	CORNEED - 64 beef (1) DEVALUED - 53 pound PUSSY - 78 cat (1)	Ср.: corned beef (солонина) Ср.: devalued pound (девальвированный фунт стерлингов) Ср.: pussy cat (кошечка)
9	MACKEREL - 79 fish THRUSH - 59 bird (2) ELM - 78 tree (11)	(СКУМБРИЯ - рыба) X (is a) Y (ДРОЗД - птица) X (есть) Y (ВЯЗ - дерево)
10	UDDER - 69 cow (4) MANE - 52 horse (1)	(ВЫМЯ - корова) (ГРИВА - лошадь) X (принадлежит) Y
11	RUNGS - 82 ladder PLEATS - 57 skirt	(СТУПЕНЬКИ - лестница) X (makes) Y (СКЛАДКИ - юбка) X (составляет) Y
12	HOLSTER - 83 gun (1) RESERVOIR - 75 water PURSE - 71 money (1)	(КОБУРА - ружье) X (is for) Y (РЕЗЕРВУАР - вода) X (предназначается для) Y (КОШЕЛЁК - деньги) ^
13	ASSIST - 72 help SHOVE - 72 push (18) INQUIRE - 62 ask	(ПОМОГАТЬ, СОДЕЙСТВОВАТЬ - помогать) (ПИХАТЬ - толкать) (СПРАШИВАТЬ - спрашивать)
14	NOURISHMENT - 75 food UNTRUTH - 73 lie DIN - 61 noise (4)	(ПИТАНИЕ, ПИЩА - пища) (НЕПРАВДА - ложь) (НАЗОЙЛИВЫЙ ШУМ - шум)
15	UNWELL - 60 ill STINGY - 58 mean ARCHAIC - 50 old	(НЕЗДОРОВЫЙ - больной) (СКАРЕДНЫЙ - скупой) (УСТАРЕЛЫЙ - старый)
16	CONTEMPLATE - 54 think (-) MEDITATE - 51 think (-)	(РАЗМЫШЛЯТЬ - думать) (РАЗМЫШЛЯТЬ - думать)

	PONDER - 50 think (2)	(ОБДУМЫВАТЬ - думать)
17	FILTH - 60 dirt (15) GRIME - 53 dirt (2)	(ГРЯЗЬ, МЕРЗОСТЬ - грязь) (ВЪЕВШАЯСЯ ГРЯЗЬ - грязь)
18	WEARY - 72 tired (8) EXHAUSTED - 59 tired (4) FATIGUED - 70 tired (2)	(ИЗМУЧЕННЫЙ - усталый) (УТОМЛЕННЫЙ - усталый) (УСТАЛЫЙ - усталый)
19	PLAICE - 67 fish (4) STARLING - 68 bird (2)	(КАМБАЛА - рыба) (СКВОРЕЦ - птица)
20	FIREARM - 64 gun (-) RODENT - 55 rat (1) VEHICLE - 79 car (3)	(ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ - ружье) (ГРЫЗУН - крыса) (СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ - автомобиль)
21	PERSPIRE - 67 sweat (6) SPLASH - 61 water	(ПОТЕТЬ - пот) (ПЛЕСКАТЬ - вода)
22	FLOCK - 76 sheep (5) LEASH - 61 dog (1)	(ОТАРА овец - овца) (СВОРА собак - собака)
23	MOO - 70 cow (3) CROAK - 51 frog (6)	(МЫЧАТЬ - корова) (КВАКАТЬ - лягушка)
24	LOAF - 77 bread (5) LOBE - 91 ear (5)	Ср.: loaf of bread (буханка хлеба) Ср.: lobe of the ear (мочка уха)
25	HUSBAND - 85 wife (46) BOY - 78 girl (60)	(МУЖ - жена) (МАЛЬЧИК - девочка)
26	GOOD - 78 bad (55) WRONG - 71 right (42) LOW - 67 high (59)	(ХОРОШИЙ - плохой) (ОШИБОЧНЫЙ - правильный) (НИЗКИЙ - высокий)
27	SELL - 53 buy (42) BORROW - 51 lend (43)	(ПРОДАВАТЬ - покупать) (ЗАНИМАТЬ - давать взаймы)

Левый контекст всплывает и в примерах (4), представляющих собой латинские словосочетания, которые и в речи используются без отдельного осознания значения составляющих их элементов. Аналогичным образом актуализуются, по всей видимости, библейские имена и словосочетания (5), медицинские и технические термины (6) и (7), а также широко распространенные в обиходе привычные словосочетания типа примеров (8).

Многие авторы справедливо отмечают, что один и тот же ассоциат может быть получен в результате использования различных ассоциативных стратегий (см., например, [Ромметвейт 1972, с. 66; Клименко 1974, с. 51]; этот вопрос неоднократно обсуждался и нами). Поэтому не исключены возражения против предложенной интерпретации некоторых из приведённых выше примеров. Так, можно проследить семантическую связь между компонентами ассоциативной пары DEVALUED - *pound*. Несомненно, такая связь осмысливается при первых встречах носителя языка со словосочетаниями, которые далее включаются в лексикон в целом, без разграничения составляющих их элементов. Этот вывод, неоднократно делавшийся нами ранее (см., например, [Залевская 1979, с. 56]), получил подтверждение в исследовании Дж. Мэндлера [Mandler 1980, с. 176], показавшего, что при усвоении нового факта первоначально осознаётся его связь с другими, ранее известными фактами, но по мере закрепления такой связи формиру-

ется новая единица памяти, которая воспринимается в целом. Механизмы подобных переходов от глубинных связей к поверхностным могут, как нам представляется, рассматриваться с позиций перехода динамических временных связей в замыкательные (см.: [Бойко 1976], а также обсуждение этого вопроса в работе: [Залевская 1979, с. 56-57]).

Можно полагать, что несмотря на некоторые различия между группами примеров (1) - (8) в табл. 4.3 общим для них является воспроизведение привычной последовательности слов: на основе предшествующего опыта индивида у него актуализуется наиболее вероятный (или единственный возможный) минимальный контекст поверхностного яруса лексикона. Достаточно сравнить, например, вероятность актуализации правого и левого контекстов числительных ONE - 63 *two* (7), где показатели частоты ассоциатов, зарегистрированных в АТ, вполне согласуются с привычным порядком счета (от меньшего к большему: 1, 2 и т. д.). О том, что связи такого рода играют в памяти человека значительную роль, свидетельствуют широко распространённые в коммуникативной практике носителей языка примеры автоматического всплывания в памяти речевых штампов, цитатных контекстов и т.п. Механический характер актуализации таких связей обнаруживается в случаях рассогласования между «встречным контекстом» у слушающего и тем контекстом, в который слово включено говорящим, а также при автокоррекции оговорок при производстве речи.

При объяснении лексических импликаций срабатыванием механизма вероятностного прогнозирования (см.: [Залевская 1979, с. 57]) учитывалось, что вероятностные характеристики актуальны для всех уровней работы живого механизма и, в частности, для языкового механизма человека. Автоматизированное всплывание в памяти привычного контекста может обуславливаться превалированием вероятностной оценки совместной встречаемости слов над любыми другими характеристиками исходного слова и вызванного им ассоциата.

В связи со сказанным выше необходимо, однако, подчеркнуть, что в ассоциативном эксперименте, как и в реальной ситуации общения, находит свое отражение не только вероятностная оценка, складывающаяся на основании всего предшествующего речевого опыта носителя языка (её можно условно назвать «абсолютной вероятностной оценкой»). На ход идентификации или поиска слова оказывают влияние специфические для того или иного индивида или обусловленные недавними жизненными или коммуникативными ситуациями и потому наиболее яркие впечатления, определяющие своеобразную «относительную вероятностную оценку», которая может выдвигать на первый план единицы, менее актуальные для общеречевого использования (см. более подробное обсуждение этого вопроса в работе: [Залевская 1975а, с. 61]).

В отличие от рассмотренных лексических импликаций, увязанных с работой механизма вероятностного прогнозирования и описываемых в

общей форме моделью ХУ, примеры (9)—(12) в табл. 4.3 могут быть квалифицированы как семантические импликации, обусловленные работой механизма глубинной предикации и описываемые через ряд типовых моделей (см. соответствующий раздел таблицы), которые далеко не исчерпывают возможные виды семантических отношений между словом-стимулом и ассоциатом. Отметим, что примеры группы (9) могут также интерпретироваться как соответствующие модели ХУ, поскольку в этих случаях ассоциативная связь реализуется и под воздействием речевого навыка; ср.: *thrush, bird, elm, tree*.

Не ставя перед собой задачи привести полный перечень и интерпретацию подобных моделей, воспользуемся некоторыми из них для обсуждения вопросов, связанных с проблемой семантической импликации в целом. Так, среди анализируемых ассоциативных пар значительное место занимают случаи типа примеров (13)—(15) в табл. 4.3. Если следовать указанию В. Порцига на то, что при существенных смысловых связях определённые лексические единицы имплицитно содержатся в других единицах (см. [Porzig 1957, S. 123]), то здесь имеет место явление именно такого рода, что подтверждается включением высокочастотного ассоциата в дефиницию исходного слова (по данным толковых словарей). Например, дефиниция слова *shove* включает *to push roughly* [Webster's Dictionary 1965, p. 501]; значение слова *din* объясняется как *distracting noise* [The Concise Oxford Dictionary 1957, p. 337]; ср. с соответствующими ассоциативными парами в примерах (13), (14) табл. 4.3. В то же время выверка по «Тезаурусу» Роже показывает, что высокочастотные ассоциаты, как правило, выступают там в роли ключевых слов к статьям, в которые входят исследуемые нами исходные слова. Как указывается в предисловии к этому «Тезаурусу», ключевыми словами в нем являются слова с наиболее общим значением [The Original Roget's Thesaurus 1966, p. XIII]. Наличие отношений такого рода между компонентами парадигматически связанных пар слов опровергает утверждение В. Порцига (а за ним и Э. Косериу [1969]) об обязательной синтагматичности семантических импликаций (или лексических солидарностей). О синтагматике здесь можно говорить в ином, чем у Порцига и Косериу, смысле: в основе связи между компонентами рассматриваемых пар лежит глубинная предикация, что еще раз подтверждает правомерность гипотезы о наличии цепей синтагматико-парадигматических импликаций как одним из наиболее общих принципов организации лексикона.

В работе [Залевская 1979: 60-61] отмечается, что прослеживаемая в экспериментальном материале экспликация обращения носителей языка к знаниям о мире и к языковым знаниям помогает обнаружить основания для пересечения понятий семантической импликации и лексической пресуппозиции: эти два термина фактически описывают одно и то же явление, однако первый из них концентрирует внимание на характере процесса от-

сылки к информационному тезаурусу человека (т.е. на имплицитности обращения к глубинному ярусу лексикона), а второй - на продукте этого процесса (т.е. на обязательности учета информации, получаемой в итоге такого обращения к фонду знаний при оперировании той или иной лексической единицей). Не случайно идентичная аргументация и сходные примеры приводятся одними авторами в качестве базы для трактовки специфики импликаций или квазиимпликаций, а другими - для разграничения пресуппозиций и утверждаемого при семантическом анализе слов и высказываний.

Следует также отметить, что особую роль в установлении глубинных связей имплицитивного типа, несомненно, играют признаки и признаки признаков именованных вещей (в широком смысле).

Проверка правомерности высказанных предположений на материале других языков составит задачу дальнейших исследований.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ

4.4. Рабочая гипотеза исследования

Известно, что толковые словари по вполне известным причинам не могут отражать в своих дефинициях изменения в значении слова настолько скоро, насколько такие изменения ощущаются в обществе говорящих на том или ином языке. Поскольку речь идет об изменениях, которые первоначально происходят в *психологической структуре значения слова*, т.е. в том, что лежит за словом у пользующегося языком человека, для регистрации подобных изменений оказываются необходимыми специальные «инструменты», в роли которых могут выступать различные экспериментальные процедуры, требующие прямого обращения к носителям языка. Использование определённого набора таких процедур, квалифицированное мною как «психолингвистическое портретирование», было описано в серии статей (см.: [Васильева, Залевская 1995; Залевская 1994а, 1995б, 2010б, 2010в, 2010г, 2010д, 2011в]).

В задачи этой части главы входит изложение проверявшейся в названном исследовании рабочей гипотезы, обсуждение вопросов выбора слов для исследования и установления необходимого и достаточного набора экспериментальных процедур, информация об основных этапах обработки и анализа полученных материалов, а также подведение предварительных итогов промежуточного этапа работы и сообщение о перспективах дальнейшей работы, которая будет продолжена в последующие годы.

Рабочая гипотеза этого исследования была сформулирована в 90-е годы XX столетия, т.е. в весьма сложный период в развитии российского общества. Наряду с трудной политической и экономической ситуацией, едва ли требующей пояснений, на россиян обрушился шквал новых поня-

тий и незнакомых слов, а главное - ситуаций, требующих переоценки привычных ценностей, что в совокупности не могло не отразиться на функционировании лексики - привычной, но переосмысленной, или только входящей в обиход и далеко не всегда понятной, в том числе из-за отсутствия возможности опоры на внутреннюю форму заимствованного слова и на представление о том, что лежит за новым словом в плане энциклопедического знания.

Подобные критические периоды в жизни общества предоставляют большие возможности для исследования жизни слова как достояния пользующегося им человека, т.е. для выявления того, как люди понимают слова, какие представления и эмоционально-оценочные переживания с ними связывают. Задача выявления того, как слово действительно «живет», благодаря чему оно переживается как понятное, может решаться только через обращение к пользующемуся словом человеку, т.е. через эксперимент.

Основанием для формулирования рабочей гипотезы исследования явилась психолингвистическая теория слова, согласно которой слово для индивида выступает в качестве средства познания и общения; значение слова формируется как продукт «своеобразной переработки речевого опыта» и опыта познания окружающего мира при взаимодействии сложенного ансамбля психических процессов, но под контролем социума (культуры); пользование словом обеспечивается «выходом» на определённый сегмент индивидуального образа мира во всем богатстве его связей и отношений при обязательной «помеченности» в плане эмоционально-оценочных переживаний, что подразумевает наличие перцептивно-когнитивно-аффективной природы того, что лежит за словом у индивида, к тому же выступающего как личность, включённая в определённое естественное и социальное окружение.

Рабочая гипотеза исследования связана с тем, что изменения в естественном и социальном окружении человека в критические периоды жизни общества оказывают существенное влияние на функционирование языка у пользующегося им индивида, поэтому возникают особые условия, позволяющие выявлять специфику психологической структуры значения слова, проследить ее динамику, обнаружить пути «вращивания» новых слов и значений в речевой обиход носителей языка.

В работе [Залевская 1994а] было высказано предположение, что «в таких случаях на первый план выступает не то, что принято называть денотативным значением слова, а увязываемые со словом "верования" и переживания, формирующие "поле" представлений и оценок, которое позволяет носителю языка успешно оперировать словом даже при отсутствии сформированного понятия. Такое поле должно поддаваться описанию и "измерению" с применением тех или иных экспериментальных процедур» [цит. раб., с. 12]. Для проверки этой части нашей рабочей гипотезы был организован эксперимент, проводившийся в 1993 году.

Чтобы проследить происходящие изменения в психологической структуре значения слова, включая динамику увязываемых со словом эмоционально-оценочных переживаний, надо снова (с некоторым временным интервалом) исследовать те же слова с применением тех же экспериментальных процедур. Для проверки этой части гипотезы был организован эксперимент 2010 года. По ходу работы проверялся также ряд других гипотез, некоторые из них будут затронуты ниже.

4.6. Вопросы отбора слов для исследования

Отбор слов для подобного исследования оказывается довольно трудной задачей, поскольку, с одной стороны, взятые в качестве материала для эксперимента слова должны быть достаточно удачными для проверки высказанных предположений, т.е. позволяющими делать те или иные выводы; с другой стороны, количество слов должно быть весьма ограниченным с учётом условий проведения эксперимента без какой-либо административной и финансовой поддержки. Наиболее оправданным в такой ситуации представлялось обращение непосредственно к носителям русского языка для выявления круга слов, наиболее популярных в соответствующий период времени. С этой целью в конце октября 1993 года сорока двум носителям русского языка была предложена анкета со следующими заданиями.

«Запишите, пожалуйста:

- а) десять или более популярных ныне слов русского и/или иностранного языка, вошедших в употребление в последние годы;
- б) десять или более русских или заимствованных слов, которые, по Вашему мнению, являются «ключевыми» для нашей действительности;
- в) несколько слов, которые, по Вашему мнению, в последние годы используются не в том (или не совсем в том) значении, которое было привычным ранее, или вызывает иные эмоционально-оценочные переживания».

Анкета сопровождалась следующим примечанием: «Эта просьба выполняется анонимно, но для статистики важно указать: 1) Ваш возраст; 2) социальный статус». Согласно полученным данным, на этом этапе работы были опрошены: 21 студент в возрасте 17-20 лет (из них 19 девушек) и 21 представитель других возрастных групп, в том числе: 6 - до 40 лет, 5 - до 50 лет, 3 - до 60 лет и 7 - до 70 лет (из них 16 женщин). «Взрослые» респонденты являются преимущественно преподавателями университета, четверо из них - доктора наук.

При обработке заполненных бланков на каждое слово была заведена карточка с соответствующими выполненным заданиям рубриками «а», «б» и «в», в которых помечалось, сколько носителей языка назвали то или иное слово при выполнении определённого задания. Первоначально были обработаны данные, полученные от «взрослых» респондентов; слова, дополнительно появившиеся при обработке ответов студентов, регистрировались

не только на карточках, но и в специальных списках, что позволило сделать некоторые выводы об особенностях записанных студентами слов.

Наиболее ярко выраженным для группы студентов явилось непосредственное переживание респондентом сущности того, на что указывало выполняемое задание, или проявление отношения к тому, о чем говорится. Так, студентка (17 л.) сделала следующую завись в связи с пунктом «б» анкеты (требовалось назвать «ключевые» для того периода времени слова):

Деньги, доходы, коммерческая деятельность, богатство (наряду с бедностью), суматоха, несчастные одинокие старики, жадные богатые бизнесмены.

Для опрашиваемых задание, ориентированное на работу со СЛОВАМИ, уходило на второй план, «заслонялось» стремлением выразить свое мироощущение, отношение к происходящему. Подобное в отдельных случаях встретилось и у «взрослых» респондентов, хотя и в несколько иных вариантах. Сравним для примера записи, сделанные двумя женщинами, одна из которых чётко отобразила особенности своей профессиональной деятельности, в то время как другая проявила социальную озабоченность, характерную для определённой части общества в обсуждаемый период.

Позвонить, поговорить, встретиться, расписание, посещаемость, дисциплина, опоздание, конкурс, экзамен (47 лет, преподаватель).

Беспредел, свобода, мафия, «намели», несправедливость, информированность, озлобление, бескультурье, нечистоплотность, открытость (30 лет, служащая).

Следует отметить, что в полученных ответах многие слова не согласуются с заданиями записать наиболее популярные слова или записать слова, изменившие свои значения или эмоционально-оценочные характеристики. В качестве наиболее общих характеристик полученных записей можно отметить следующие.

Во-первых, не все могут правильно записать некоторые слова, часто звучащие в повседневной жизни. Некоторые респонденты сомневаются в предлагаемом ими написании слова, делают исправления, зачеркивая или исправляя написанное; иногда делаются пометы в скобках, оправдывающие запись, и т.п. Например:

Бизнесмэн - бизнесмен (у некоторых - исправлено)

Бизнес - бизнесмон

Видак - видик (с поставленными ударениями)

Дивиденты - дивиденды - девидентты

Комерсант - коммерсант

Компьютер - компьютер

*Коррупция (очевидно, имела место самопроверка через слово *коррупированный*)*

Консенсус - концеисус - консенсунс - консенсунз (записи разных лиц)

Менеджер - меиенджер («н» вставлено сверху)

Мэрия - мерия (делаются исправления в обоих направлениях)

Сексанил - сексота (дано примечание в скобках; написание из газет и журналов)

Во-вторых, нередко были сделаны уточнения значения записанного

слова через его сочетаемость, сферу применения, стилевую принадлежность, комментирование. Например:

Андеграунд (течение в литературе и музыке)
Бизнес, бизнесмен (называют спекулянтов, «челноков», палаточников)
Боевик (у нагрюнал-социалистов)
Голубой (секс, меньшинство)
Демократия (абсолютно извращено истинное значение)
Деревянный (рубль)
Крутой (человек)
Коммунизм, патриотизм, капитализм, религия - вызывают иные эмоционально-оценочные переживания
Оппозиция (совершенно не в том значении, что в демократических странах)
Порнуха (порнография - в самом широком и многозначном смысле)
Шоколадка (о негритянке)

В-третьих, на характер записанных респондентами слов могли оказать влияние формулировки заданий «а» и «б», где речь шла о русских и/или иностранных (заимствованных) словах: в некоторых бланках приводятся исключительно интернациональная лексика, например:

Маркетинг, эксклюзивный, хит, инфляция, статус, меморандум, импичмент, консенсус (19 лет)
Менеджер, маклер, брокер, спикер, эстеблишмент, менталитет, волонтер, рейнджер, уик-энд, бодибилдинг, сипп/(19 лет)

В-четвертых, на запись слов при выполнении заданий определённое влияние оказали общие закономерности процессов ассоциирования, что выразилось в последовательной актуализации у респондентов пар, троек и более длинных рядов слов, сходных по звуковой и/или графической форме, по морфологической структуре, по близости значения, сочетаемости, ситуативной обусловленности и т.д. Это хорошо видно на последнем из приведённых выше примеров (*Менеджер, маклер, брокер, спикер...*), ср. также:

Секс, сейф (совпадает начало слов, общее количество звуков)
Бизнесмен, феномен
Приватизация, коммерция
Экономика - развал; перевыборы - президент, зарплата - цены
Конференция, симпозиум, наука, доклад
Президент, парламент, дискуссия
Бизнес, торговля, реклама
Биржа, валюта, деревянный, баксы, иномарка, мэр
Коммунисты, демократы, съезды, депутаты, партক্রаты -
Дилер, офис, клерк, менеджер, маркетинг
Нищета, бомж, безработица
Бизнес, торговля, деньги, рынок, зарплата

Всего от 42 опрошенных носителей русского языка при выполнении трёх задания получено 369 слов с частотой записи от 1 до 30 раз. По этому признаку было выделено 4 группы слов: с частотой записи 1-2, 3-4, 5-9, 10 и более раз. Привожу списки слов, вошедших в три последние группы.

Записаны 3-4 раза: *анархия, валюта, деловой, джинсы, дилер, доллар, зарплата, индексация, капитализм, коммерсант, коммерческий, компьютер, конверсия, кризис, кусок, легитимность, лидер, мэр, оппозиция, паблицити, перестройка, политика, распад, революция, референдум, реформа, свобода, суверенитет, тачка, торчать, фирма, хаос, частная собственность, элита (34 слова).*

Записаны 5-9 раз: *акция, бакс(ы), безработица, биржа, брокер, видео, выборы, демократия, деньги, депутат, дивиденды, инвестиция, коммунисты, коррупция, менеджер, менталитет, правительство, предприниматель, путч, спекуляция, спонсор, стабилизация, съезд, фермер, цены (26 слов).*

Записаны 10 и более раз: *бизнес (23), бизнесмен (16), ваучер (29), инфляция (14), коммерция (И), комок (10), консенсус (10), крутой (10), маркетинг (15), мафия (15), менеджмент (12), парламент (16), президент (25), приватизация (30), реклама (13), рынок (21), экономика (12). Эти слова могут также быть упорядоченными по убыванию показателей частоты их записи: приватизация, ваучер, президент, бизнес, рынок, бизнесмен, парламент, маркетинг, мафия, инфляция, реклама, менеджмент, экономика, коммерция, комок, консенсус, крутой (всего 17 слов).*

При отборе слов для дальнейшего исследования была сделана попытка учесть не только частоту их записи респондентами, но и другие показатели, а также некоторые характеристики зарегистрированных в анкетах слов.

Так, сортировка слов по их связи с выполнявшимися заданиями позволила особо выделить список «Б» - слова, которые, по мнению участников опроса, являлись «ключевыми» для нашей действительности того времени, и список «В» - слова, используемые не в том (или не совсем в том) значении, которое было привычным ранее. В список «А» вошли слова, фигурировавшие при выполнении всех трёх заданий, поэтому перечисляемые ниже слова сопровождаются тройным показателем (например: 2-4-1 означает, что данное слово было дважды записано в связи с заданием «а», четыре - с заданием «б» и один раз - с заданием «в»), после чего в скобках дается суммарный показатель записи слов по всем трем заданиям во всех заполненных бланках (для приведённого примера такой показатель - 7). В список «А» вошло 31 слово, в список «Б» - 160 слов, в список «В» - 132 слова. Первый из этих списков приводится ниже (см. табл. 4.4).

Многосторонний анализ полученных списков по отдельности и в их сопоставлении привёл к выводу, что ни один из критериев сопоставления этих списков не может учитываться как основной, решающий для включения того или иного слова в число слов, предназначенных для детального изучения в последующих экспериментах.

Конечно, проще всего было бы механически отобрать для дальнейшей работы все слова, зарегистрированные в анкетах с показателями выше некоторого порога, однако это могло бы оставить за рамками эксперимента ряд весьма интересных для исследования слов. Поэтому было решено вернуться к этому вопросу после комплексного рассмотрения особенностей записанных респондентами слов и возможностей применения тех или иных экспериментальных процедур для решения задач предпринимаемого исследования.

Таблица 4.4

Исследуемое слово	Показатели		Исследуемое слово	Показатели	
	по заданиям	суммарный		по заданиям	суммарный
Безработица	3-4-1	8	Менталитет	4-1-1	6
Бизнес	11-5-7	23	Оппозиция	1-1-1	3
Бизнесмен	7-2-7	16	Парламент	8-6-2	16
Ваучер	21-7-1	29	Перестройка	1-2-1	4
Демократия	4-1-3	8	Предприниматель	3-1-1	5
Депутат	3-2-1	6	Президент	11-13-1	25
Доллар	1-1-1	3	Приватизация	18-11-1	30
Инфляция	6-7-1	14	Путч	3-4-1	8
Коммерция	5-4-2	11	Реклама	6-4-3	13
Комок	5-3-2	10	Рынок	6-9-6	21
Коррупция	2-3-1	6	Съезд	2-2-1	5
Крутой	5-1-4	10	Тачка	2-1-1	4
Кусок	1-1-1	3	Торчать	1-1-1	3
Маркетинг	10-4-1	15	Фермер	2-1-2	5
Мафия	8-5-2	15	Элита	1-1-1	3
Менеджмент	10-1-1	12			

4.7. Вопросы выбора экспериментальных процедур

Анализ особенностей полученного корпуса исходного материала с точки зрения возможностей использования тех или иных слов для решения наших исследовательских задач с применением определённых экспериментальных процедур привел к следующим основным выводам.

Во-первых, ряд слов, зарегистрированных с относительно высокой частотой, мог фигурировать в анкетах за счёт того, что эти слова то и дело слышались по радио, телевидению и т.д., хотя они остаются «пустыми» для большей части носителей языка, которые в лучшем случае понимают, к какой области жизни относится называемый словом объект (действие и т.д.). Это слова типа *дилер*, *брокер*, *легитимность*, *консенсус*, *маркетинг*, *менеджмент*, *менталитет* и т.п. Было высказано предположение, что носители языка скорее всего откажутся дать дефиниции значения таких слов или попытки дать дефиниции окажутся не очень удачными, однако свободный ассоциативный эксперимент будет подходящей процедурой для очерчивания общей сферы жизни и/или деятельности человека, т.е. ситуации, с которой так или иначе может быть увязано некоторое слово.

Во-вторых, некоторые из высокочастотных для этого опроса слов, даже упомянутых при выполнении всех трёх заданий анкеты, оказываются малоинтересными для экспериментального исследования, поскольку основания для их записи вполне очевидны, а вызываемые ими эмоционально-оценочные переживания могут прогнозироваться с большой степенью вероятности (например: *безработица*, *коррупция*, *мафия*).

В-третьих, в число малочастотных слов списков «Б» и «В» вошел ряд

весьма интересных для исследования слов, которые на период проведения опроса стали использоваться в новых сочетаниях или приобрели новые значения, например: *комок* - 'коммерческий магазин', 'комиссионный магазин', 'ларек'; *развал* - 'развал экономики', 'барахолка', 'торговля на улице' (значения приведены по материалам обсуждаемого эксперимента). Слова такого типа представляются важными для наших целей, поскольку они могут дать интересный материал для проверки гипотезы относительно динамичности психологической структуры значения слова с перенесением на второй (а возможно - и на более «глубокий») уровень основного, исходного значения при вхождении в речевой обиход нового, актуального в текущий момент значения, вызывающего яркие образы и эмоциональные переживания. Подходящими для этой цели могут быть задания типа: «назовите слова, с которыми может сочетаться данное слово» (т.е. направленный ассоциативный эксперимент), «назовите два или более значений слова» (вариант процедуры дефинирования).

В-четвертых, несомненно необходима необходимость включения в экспериментальный список хотя бы части слов, которые, независимо от частоты их регистрации, вошли в список «В» и получили там пометы респондентов «совсем не в том значении», «вызывает иные эмоционально-оценочные переживания» и т.п., например: *демократия*, *боевик*, *бизнесмен*. Слова такого типа могут исследоваться с применением процедур субъективного шкалирования (см. ниже) и дефинирования.

Таким образом, было установлено, что для целей нашего исследования подходят свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, субъективное шкалирование и различные варианты процедуры дефинирования.

Поскольку эксперимент должен был проводиться за одну встречу с его участниками, занимать ограниченное время и давать материал, поддающийся обработке в обозримые сроки, в окончательный список было включено 61 слово. В бланке № 1, использовавшемся в экспериментах 1993 и 2010 гг., некоторые из этих слов фигурировали при выполнении только одного задания, в то время как другие слова проходили по двум или трем заданиям из пяти, приведенным ниже. В анкете исследуемые слова перечисляются в столбиках под заданиями, оставлено место для требуемых записей (в бланке № 2 при тех же заданиях фигурируют другие слова).

1. Запишите, пожалуйста, слова, которые первыми придут Вам в голову в связи со словами: МЕНЕДЖМЕНТ, ОППОЗИЦИЯ, БИРЖА, ПАТРИОТИЗМ, СПЕКУЛЯЦИЯ, ОТЕЧЕСТВО, ФЕРМЕР, РУБЛЬ, ДЕМОКРАТИЯ, ЭКОНОМИКА, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, КОММЕРСАНТ, ЛИМОН, ПРИВАТИЗАЦИЯ, МОЧАЛКА, БРОКЕР.
2. Запишите, пожалуйста, слова, которые могут сочетаться со словами: РЫНОК, СВОБОДА, НИЗКИЙ, ДЕПУТАТ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ, ПАРТИЯ, РАЗВАЛ, ДОСТАВКА, ВЫСОКИЙ, БАНК, ПРЕДПРИЯТИЕ, РАСПАД, ДИРЕКТОР, НАМЕСТНИК, СУБЪЕКТ, АУКЦИОН.

Таблица 4.5

Город, год	Вуз	Организаторы работы	Кол-во Ии.
Алматы 1993	Казахский ун-т международных отношений и мировых языков им. Абылай хана	Васильева Е.Н.	40
Алматы 2010	Казахский ун-т международных отношений и мировых языков им. Абылай хана	Кузнецова Т.Д.	75
Брянск 2011	Брянский государственный ун-т	Чугунова С.Л.	100
Киев 2010	Ин-т филологии Киевского национального ун-та им. Тараса Шевченко; Ин-т иностранной филологии Национального педагогического ун-та им. М.П. Драгоманова	Кудрявцева Л.А. Давидюк Л.В.	50
Киров 2011	Вятский гос. гуманитарный ун-т	Рублева О.С.	68
Курск 2010	Курский государственный технический ун-т; Курский ин-т государственной и муниципальной службы	Кремнева А.В. Попадинец Р.В. Харитонов В.И.	164
Курск 2011	Курский государственный технический ун-т; Курский ин-т государственной и муниципальной службы	Кремнева А.В. Попадинец Р.В. Харитонов В.Л.	130
Тверь 1993	Тверской государственный ун-т	Залевская А.А.	106
Тверь 2010	Тверской государственный ун-т	Залевская А.А. Золотова Н.О.	104
Тверь 2011	Тверской государственный ун-т	Залевская А.А.	106
Улан-Удэ 2010	Бурятский государственный ун-т	Дашинимаева П.П. Залевская А.А.	100
Уфа 2010	Уфимский государственный авиационный технический ун-т	Рогожникова Т.М.	50
Шымкент 2011	Южно-Казахстанский государственный педагогический институт	Дмитрюк Н.В.	70
Всего:			1163

3. Пользуясь шкалой от -3 (очень плохо) до +3 (очень хорошо), пометьте тем или иным баллом эмоционально-оценочные переживания, которые вызывают у Вас слова: БИЗНЕС, ДЕМОКРАТИЯ, КАПИТАЛИЗМ, МЕНТАЛИТЕТ, СПЕКУЛЯЦИЯ, ВЕТЕРАН, ГЕНСЕК, КОММЕРЦИЯ, ЛИБЕРАЛЬНЫЙ, НУВОРИШ, МАРКЕТИНГ, РОССИЯ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, ИНТЕЛЛИГЕНТ, РУБЛЬ, КОНСЕНСУС, МЕНЕДЖМЕНТ, ЛЕГИТИМНОСТЬ, РЕКЛАМА, ОППОЗИЦИЯ, АУКЦИОН, ДЕЛОВОЙ, ДЕПУТАТ, БРОКЕР, ПРИВАТИЗАЦИЯ, БИЗНЕСМЕН, КОММУНИСТ, ДЕНЬГИ, ПАРЛАМЕНТ, РЫНОК.
4. Что означают слова: КОНСЕНСУС, МЕНЕДЖМЕНТ, БРОКЕР, МЕНТАЛИТЕТ, БИРЖА, ЛЕГИТИМНОСТЬ, КОММЕРСАНТ, НУВОРИШ, ФЕРМЕР, МАРКЕТИНГ? (Можно дать синоним).
5. Назовите, пожалуйста, два и более значения слова: БИЗНЕСМЕН, РЫНОК, БОЕВИК, ДЕМОКРАТИЯ, ДЕРЕВЯННЫЙ, КУСОК, АКЦИЯ, ТАЧКА, КРУТОЙ, РАЗВАЛ, ДЕЛОВОЙ, КРУТИТЬСЯ, ПУХОВИК, ОППОЗИЦИЯ.

Для расширения исследовательских возможностей нашей работы в 2011 году те же слова были по-иному распределены по заданиям, чтобы каждое слово сводного списка в общей сложности фигурировало при выполнении ряда заданий. В результате этого на текущий момент на 54 слова списка уже получены экспериментальные данные 2010-2011 гг. по трём методикам, 6 слов прошли по двум исследовательским процедурам. По всем словам получены результаты субъективного шкалирования.

4.8. У частники экспериментов

В эксперименте, проведённом в ноябре 1993 года, участвовало 106 студентов Тверского государственного университета. Параллельно с этим по таким же бланкам Е.Н. Васильевой был проведён эксперимент в г. Алматы (Республика Казахстан) с 40 студентами русского отделения факультета английского языка Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана.

При организации следующей серии экспериментов ставилась задача расширить перечень территорий, на которых функционирует русский язык. Предполагалось в то же время проследить возможное влияние на ответы Ии. со стороны имеющих место контактов носителей русского языка с носителями иных языков и культур. Поэтому в 2010 г. эксперимент охватил российские города Курск, Тверь (Центральный федеральный округ), Улан-Удэ (Республика Бурятия), Уфу (Республика Башкортостан) и две территории за пределами России: г. Алматы (Республика Казахстан) и Киев (Украина). В 2011 году добавились еще два российских города (Брянск, Киров), один казахстанский (Шымкент); собраны также дополнительные данные в г. Курске и Твери (с использованием второго бланка).

Общая информация о проведённых экспериментах содержится в сводной таблице (см. табл. 4.5).

В табл. 4.5 названы лица, которым я приношу сердечную благодарность за общую организацию и проведение эксперимента в своем вузе.

Поскольку сама я провела эксперимент только в гг. Твери и Улан-Удэ, хочу поблагодарить тех, кто вместе с организаторами эксперимента работал с Ии. в других городах, это: Головчун А.А., Усербаева М.М., Брекалова Т.В. (г. Алматы); Подшивайлова А.М. (Институт филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко); Атакишева И.В., Занина О.Н., Левченко Г.В., Михайлова Н.Н., Мяснянкина Е.А., Найденова Н.В., Наумова Р.И., Рейнгардт Н.В. (Курский государственный технический университет); Богословская И.В., Волошенко О.В., Закорко С.В., Яковлева Р.В. (Уфа).

Выражаю также признательность всем участникам эксперимента в названных выше городах.

Более 98% Ии. являются студентами в возрасте от 19 до 22 лет (в некоторых случаях привлекались магистранты и отдельные преподаватели); сведения о количестве мужчин и женщин даются в тех случаях, когда учёт тендерного принципа был значимым или входил в цели анализа данных.

Наряду с гуманитариями из Алматы, Киева, Твери в эксперименте участвовали студенты, обучающиеся по техническим специальностям. Так, в Курском государственном техническом университете Ии. являются студентами факультетов инноваций и управления, технологий и дизайна, информатики и вычислительной техники, строительства и архитектуры, юридического и экономического факультетов; в Курском институте государственной и муниципальной службы - обучающиеся по специальностям «государственное и муниципальное управление», «таможенное дело», а также будут экономистами; в Бурятском государственном университете в эксперименте приняли участие студенты физического факультета и факультета иностранных языков; в Уфимском государственном авиационном техническом университете эксперимент проводился с будущими специалистами в области прикладной математики (в том числе - в информатике, экономике), технологии машиностроения, управления качеством, налогов, физики металлов, математических исследований в экономике, организации работы с молодежью и т.д. Таким образом, общая картина участников эксперимента представляется достаточно широкой, с одной стороны, для сопоставления «гуманитариев» и «естественников», а с другой - для обобщений на основе полного корпуса собранных фактов.

Задания выполнялись группами студентов, время работы не ограничивалось, разрешалось оставлять пропуски в случаях затруднений. Отдельные Ии. оставили слишком много пропусков, их бланки не обрабатывались.

4.9. Первичная обработка бланков и проблема количества Ии.

При организации эксперимента всегда возникает проблема необходимого и достаточного количества Ии. Попытаемся подойти к рассмотрению этой проблемы через призму первичной обработки экспериментальных бланков.

На предварительном этапе работы важно просмотреть каждый экспериментальный бланк «по вертикали» - с точки зрения степени его заполненности, поскольку некоторые Ии. оставляют много пропусков. Следует решить, в каких случаях бланки признаются непригодными для дальнейшей обработки, т.е. какой уровень наличия пропусков признается допустимым. При наличии нескольких заданий в одном бланке бывает необходимым учитывать записи Ии. только по отдельным, в достаточной мере выполненным, заданиям, поэтому общее количество участников эксперимента может различаться для тех или иных исследовательских процедур.

Признанные пригодными для полного использования бланки обрабатываются «по горизонтали», т.е. для сведения воедино ассоциативных реакций, оценок при шкалировании слов или дефиниций, полученных на каждое исследуемое слово от всех Ии., и для дальнейшего нового рассмотрения «по вертикали» в двух направлениях: а) для получения сводных данных по исследуемому списку слов; б) для дополнительного анализа используемых отдельными Ии. стратегий ассоциирования, шкалирования или дефинирования, что может потребоваться для построения гипотез относительно оснований для сделанных Ии. записей в экспериментальных бланках и для решения попутно возникающих вопросов технического и содержательного характера.

Таким образом, работа с экспериментальными бланками продолжается вплоть до итоговой интерпретации полученных результатов. В этой связи считаю важным подчеркнуть, что экспериментатор должен сам проходить все этапы работы с исходными материалами, не перекладывая даже первоначальную обработку на каких-либо помощников.

Дальнейшее обсуждение хода обработки экспериментальных бланков представляется рациональным проводить на базе следующей группировки использованных исследовательских процедур: сходные вопросы приходилось решать в связи с двумя видами ассоциативных экспериментов (свободного и направленного) и с двумя вариантами заданий на дефинирование, поэтому ниже речь пойдет о трех подразделах, соответственно связанных с ассоциированием, шкалированием и дефинированием.

Два вида ассоциативных экспериментов

В рассматриваемом экспериментальном исследовании были, в частности, использованы следующие два вида заданий: записать слова, которые первыми придут в голову в связи с предъявляемыми словами; записать слова, которые могут сочетаться с предъявляемыми словами. Первое из этих заданий отвечает процедуре свободного ассоциативного эксперимента с записью первой реакции и будет далее обозначаться через сокращение САЭ, второе - процедуре направленного ассоциативного эксперимента (далее - НАЭ).

При организации ассоциативных экспериментов всегда возникает вопрос необходимого и достаточного количества Ии. с учетом, во-первых, трудностей привлечения большого количества Ии., а во-вторых - возможностей обработки получаемого массива данных, что особенно существенно в условиях отсутствия целенаправленного финансирования научного изыскания, загруженности исследователя учебной работой и т.д. Одним из возможных путей поиска ответа на этот вопрос может быть постепенное добавление все новых бланков при их первичной обработке для учета количества добавляющихся *разных* реакций.

Подробное обсуждение того, как добавляется то или иное количество разных ассоциативных реакций в ходе обработки бланков «по горизонтали» по мере увеличения количества обрабатываемых экспериментальных бланков, содержится в статье [Залевская 1972], где приводятся таблицы с демонстрацией хода приращения количества разных слов, начиная с 50 бланков и по мере добавления каждого последующего десятка бланков (до 100). В настоящее время имеется возможность проследить, какое количество разных реакций добавлялось с увеличением количества обрабатываемых бланков, полученных от 10 до 20, 35, 50, 100, 150, 200, 350 и 520 Ии. по результатам эксперимента 2010 года.

Не имея возможности привести здесь сводные таблицы, наглядно иллюстрирующие прирост количества разных реакций по САЭ и НАЭ, ограничусь следующими общими выводами.

- Наиболее частые свободные и направленные ассоциативные реакции проявляются уже при наличии 50 Ии.
- Прирост единичных реакций по мере увеличения числа Ии. до 500 может продолжаться в зависимости от специфики значения слова и возможностей его сочетаемости, увязывания с теми или иными ситуациями, включения в разнообразные контексты и т.д.; возможны и личностные предпочтения Ии., так или иначе связанные с индивидуальным опытом познания и общения при определённых социальных (в том числе - межкультурных) контактах и взаимодействиях.
- Региональные особенности идентификации исследуемых слов и включения их в типовые контексты могут проявляться при небольшом (до 50) количестве Ии.
- Национально-культурная специфика ассоциативных реакций может проявляться как в частых, так и в единичных ответах уже при 50 Ии.
- Убедительные результаты исследования можно получить при наличии не менее 100 Ии. при условии анализа *полных ассоциативных полей* исследуемых слов *с учетом всех единичных реакций*.
- Анализ ассоциативных полей исследуемых слов следует проводить по *моделям связей* между словом-стимулом и полученными ассоциативными реакциями, что существенно как для внутриязыковых, так и для межъязыковых/межкультурных сопоставительных исследований разной целевой направленности.
- Анализ полных ассоциативных полей по моделям связей между исходными словами и полученными на них реакциями должен сочетаться с выявлением *типовых стратегий ассоциирования*, характерных для определенных категорий Ии. в условиях взаимодействия *ряда внешних и внутренних факторов*.

В настоящий момент полученная по результатам САЭ и НАЭ база дан-

ных включает сводные материалы по каждому исследуемому слову раздельно по 50, 100, 150, 200, 250, 520 Ии., а также таблицы, обобщающие данные по отдельным словам, полученные на разных территориях функционирования русского языка, таблицы по сопоставлению реакций с учетом тендерных различий между Ии. и т.д. В качестве примеров ниже приводится табл. 4.6 и табл. 4.7.

Таблица 4.6

РУБЛЬ (по 50 Ии. в каждой группе)				
Тверь 14/0/6	Курск 17/0/13	Уфа 15/0/7	Алматы 21/0/15	Киев 22/1/19
деньги 10, копейка 10, доллар 6, монета 6, деревянный 3, евро 3, Россия 3, валюта 2	деньги 31, валюта 2, доллар 2, монета 2	деньги 16, монета 9, доллар 7, копейка 3, валюта 2, денежная единица 2, деревянный 2, орел 2	деньги 17, Россия 5, валюта 4, копейка 4, СССР 3, тенге 2	деньги 19, Россия 6, гривна 5,
девальвация, денежная единица, круглый, мелочь, нишета, экономика	бумага, валюта в России, денежная монета, деревянный, «железная валюта», курс к доллару, мелочь, металл, отдых, Россия, сила, тысяча, 1/1000	бизнес, девальвация, железный, золото, кругляшка, много, советский	валюта РФ, в России, деньга, купюра, курс к тенге, Ленин, мало, металлическая монета, Москва, российские деньги, российский, сила. Советский Союз, старый, старый денежный эквивалент	бюджет, валюта, взятка, в России, двуглавый орел, деревянный, дорог, евро лучше, копейка, курс, мелочь, монетка, мороженое, обменник, Руть, самолет, СССР, товар, царь

Табл. 4.6 позволяет проследить факты сходства и различий между частыми и единичными реакциями на слово РУБЛЬ. По техническим причинам в этой таблице не представлена шестая территория (г. Улан-Удэ, Бурятия), а также снят столбец со сводными данными по всем исследуемым территориям. Цифры под названиями городов (например: Тверь 14/0/6) обозначают общее количество полученных разных реакций (в данном случае - 14), затем идёт количество нулевых реакций (отказов от реакции на это слово); последняя приводимая цифра указывает на количество единичных реакций (в этом случае их было 6). Таблица разделена на два сегмента, чтобы отделить единичные реакции от более частых, что особенно важно для разного рода внутриязыковых и межъязыковых сопоставлений.

Табл. 4.7 демонстрирует факты сходства и различий между реакциями 100 женщин (ж) и 100 мужчин (м) на слово СПЕКУЛЯЦИЯ. Полностью совпавшие частые реакции объединены в строку 1а; строка 1б отделяет не

совпавшие частые реакции, в то время как по такому же принципу разграничены единичные реакции в строках 2а и 2б. Курсивом выделены реакции, не совпадающие по форме слов; курсив в сочетании с выделением полужирно сигнализирует о расхождениях между совпадающими по форме слов частыми и единичными реакциями.

Таблица 4.7

СПЕКУЛЯЦИЯ		
	100ж 50/3/37	100м 51/7/35
1а	деньги 17, обман 17, мошенничество 3, рынок 3, спекулянт 3, мошенник 2	обман 16, деньги 4, рынок 4, мошенничество 3, спекулянт 2, мошенник 2
1б	махинации 3, газета 2, гос. дума 2, зло 2, нечестный способ 2, продажа 2, <i>товар</i> 2	продажа 7, барыга 4, бизнес 2, биржа 2, вне закона 2, перепродажа 2, плохо 2, продавец 2, торговля 2, чиновники 2
2а	афера, нарушение закона, фильм	афера, нарушение закона, фильм
2б	акции, банк, везде, воровство, грязь, закон, знание, <i>коммерция</i> , контрафакция, коррупция, легкие деньги, мафия, нажива, наживаться, независимость, облигация, обсуждение, овуляция, палатка на улице, переговоры, политики, размышление, Советский Союз, СССР, стены, странно, тайна, торговля, тупик, узурпирование, фальшивый, часы, человек, шулер	бабло, барыш, вещей, вранье, вымогательство, гадкое дело, денежный обман, <i>деньгами</i> , джинсы, жульничество, <i>коммерсант</i> , людей, митинг, мухлёр, незаконная деятельность, незаконная продажа, незаконная торговля, нелегальность, однородные слова, отвратительное явление, перекуп, плохое качество, предприниматели, преступление, распространенное, скрытый, статья из УК, <i>товар</i> , умение, фарцовщики, черный рынок, 1990 год

На самом деле полученный банк данных по результатам САЭ и НАЭ может служить интересным материалом для разностороннего анализа по ряду количественных и качественных параметров с учётом взаимодействия тех или иных факторов. При этом важно всегда помнить, что анализ таких материалов должен проводиться на уровне *глубинных связей*, которые далеко не всегда отвечают системности и нормативности языковых явлений на поверхностном уровне.

В частности, речь должна идти о глубинной парадигматике и синтагматике, о чем уже говорилось в предшествующих главах. Более того, необходимо принимать во внимание социальный контекст проведения исследования, особенности текущего момента в жизни страны и т.д., а также соотносить результаты применения одной из исследовательских процедур с другими материалами того же исследования или исследований других авторов. В данном случае следует учитывать специфику оценки слова СПЕКУЛЯЦИЯ при субъективном шкалировании.

Субъективное шкалирование

Речь идет о шкалировании 30 русских слов по 7-балльной шкале со значениями от «-3» («очень плохой») до «+3» («очень хороший») при по-

казателе «0» в качестве центральной позиции шкалы. Обработка экспериментальных материалов проводилась поэтапно с последовательным добавлением бланков; сопоставлялись результаты шкалирования по территориальным группам, а также по группам мужчин и женщин; получены также обобщающие сводные данные без учета тендерного фактора

Следует отметить, что уже при предварительном просмотре бланков одного из этапов эксперимента, материалы которого обрабатывались первыми, стало очевидным, что Ии. по-разному вели себя в ходе выполнения названного задания, а это побудило обратить особое внимание на анализ каждого отдельного бланка с целью выявления типовых стратегий оценивания в ходе субъективного шкалирования для обсуждения ряда вопросов организации дальнейшей работы, в том числе - оснований для принятия решений относительно пригодности / непригодности того или иного бланка, последовательности анализа бланков по разным параметрам, установления необходимого количества Ии. и т.д. Поэтому дальнейшая обработка экспериментальных бланков включала следующие этапы.

Этап 1. На предварительном этапе каждый отдельный бланк просматривался для установления степени его заполненности для изъятия из дальнейшего анализа бланков с большим количеством пропущенных позиций; это можно назвать *первичной обработкой «по вертикали»*.

Этап 2. Далее для каждого исследуемого слова сводились количественные показатели по всем экспериментальным бланкам и выводился общий суммарный показатель, что можно квалифицировать как *обработку «по горизонтали»*.

Этап 3. На следующем этапе составлялись *ранжированные таблицы*, суммирующие количественные данные предшествующего этапа по всему списку исследуемых слов, что составило материал для анализа с разными целями.

Этап 4. Полученные таким образом таблицы использовались при разного рода сопоставлениях (по отдельным словам и по списку в целом, по ряду групп, по годам проведения эксперимента и т.д.) с привлечением процедуры вычисления коэффициентов ранговой корреляции для рассматриваемых рядов показателей.

Этап 5. Поиск ответов на возникающие вопросы мог потребовать снова вернуться к отдельным бланкам для их более детального анализа «по вертикали», что в частности дает возможность строить определённые гипотезы относительно стратегий оценивания, преобладающих у того или иного участника эксперимента и/или у некоторой группы Ии. В ряде случаев для выявления вероятных оснований для выбора некоторой стратегии оценивания применялся просмотр записей отдельных Ии. при выполнении ими других заданий с теми же словами (например, это позволяло уточнить, знакомо ли испытуемому воспринимаемое им слово, в каком значении опознано исследуемое слово и т.д.).

В настоящее время проведена первичная обработка части материалов субъективного шкалирования, составлены разнообразие таблицы, в том числе суммирующие сводные данные по разным этапам обработки количественных показателей по процедуре шкалирования 30 слов: по группам из 15, 35, 50, 100 и 200 Ии.; последняя сводная группа объединяет результаты шкалирования по 350 Ии. Цель такого сопоставления - установить дина-

мику расхождений между ранговыми показателями результатов шкалирования в зависимости от привлекаемого количества Ии., а также от влияния тендерного и регионального факторов. Вычислены данные по 6 группам Ии. и коэффициенты ранговой корреляции между показателями оценок, полученных на исследуемых территориях функционирования русского языка, и между показателями 1993 и 2010 гг.

К числу наиболее интересных уже полученных результатов можно отнести возможность выявления типовых стратегий оценивания на небольшом количестве экспериментальных бланков. В качестве примера рассмотрим распределение количественных показателей в 15 бланках, заполненных мужчинами - студентами технического вуза в возрасте от 19 лет до 21 года (см. табл. 4.8). Уточню, что в данном случае (при обсуждении проблемы стратегий оценивания как таковых) для нас важны не значения шкалируемых слов (достаточно знать, что слов было 30), а именно *тенденции в приоритетности выбора тех или иных позиций на шкале*, в том числе: использование максимальных количественных показателей («+3» и/или «-3») или избегание обращения к таким позициям; концентрирование выставленных оценок на отрезках шкалы с положительными или отрицательными значениями или равномерное распределение оценок по обеим сторонам от нуля; количество выставленных нулевых оценок и т.д.

Таблица 4.8

№ бланка	Позиции на шкале						
	+3	+2	+1	0	-1	-2	-3
1	17	6	4	2	-	-	1
2	14	3	8	1	1	-	3
3	11	3	2	6	2	1	5
4	11	4	3	7	2	2	1
5	11	3	2	3	2	3	6
6	8	4	9	6	1	-	2
7	3	2	8	5	3	7	2
8	2	4	7	9	-	5	3
9	2	6	6	8	3	3	2
10	1	10	9	5	2	3	-
11	1	6	8	9	5	1	-
12	1	4	7	6	5	6	1
13	-	3	10	13	4	-	-
14	14	-	-	16	-	-	-
15	3	4	2	20	1	-	-

В этой таблице обсуждаемые бланки уже некоторым образом упорядочены. Так, вполне очевидно убывание количественных показателей для значения шкалы «+3» (за исключением двух последних бланков) и увеличение показателей для позиции «0». В целом представляется возможным сделать хотя бы условную группировку этих бланков в зависимости от преобладающих тенденций выбора Ии. тех или иных оценок.

К группе заполненных *максималистами-оптимистами* можно отнести первые шесть бланков, в которых дано наибольшее количество оценок «+3» (причина, по которой сюда не может войти бланк № 14 с очень высоким количественным показателем по этому параметру, будет обсуждаться ниже). Обратим внимание на то, что общая сумма положительных оценок («+3», «+2», «+1») в этих бланках значительно превышает сумму отрицательных оценок: из 30 слов в бланке № 1 оценены положительно 27, в бланке № 2 - 25, в бланке № 3 - 16 и т.д. Даже в бланке № 6, где только 8 оценок «+3», положительно оценено 21 слово из 30. Следует также подчеркнуть, что предложенная в эксперименте шкала начиналась с отрицательных показателей, т.е. ориентировала на оценки от «-3» («очень плохой») до «+3» («очень хороший»), однако это не повлияло на выбор крайнего положительного показателя на шкале.

Следующая группа бланков (№№ 7-9) скорее всего заполнена *рационалистами*, для которых характерно обращение к разным позициям на шкале оценок; можно отметить относительную *сбалансированность* положительных и отрицательных оценок. Именованная применённой в подобных случаях стратегии составляет значительную трудность и требует дальнейших раздумий.

Бланки №№ 10-12 заполнены *более осторожными* (или *менее решительными*) людьми, старающимися избегать крайних оценок (как положительных, так и отрицательных), хотя в бланке № 10 за счет высокого показателя по позиции «+2» в общей сложности 20 слов из 30 оказались оцененными положительно.

Особый интерес представляют в этой таблице бланки №№ 13-15.

Так, бланк № 13 заполнял явный *минималист*, который отважился дать оценки типа «+1», «-1» и почти половине слов приписал оценку «0».

Бланк № 14 уникален в том отношении, что в нем фигурируют либо «+3», либо «0»; поскольку единственная выставленная оценка является наивысшей положительной, это скорее всего *максималист-оптимист-редукционист*.

В то же время бланк № 15 отличается максимальным количеством оценок «0», которую получили 2/3 шкалируемых слов (20 из 30), что заставляет задуматься о том, что подобные бланки вообще должны исключаться из обработки, как, впрочем, и бланк № 14. Полагаю, что этот вопрос заслуживает дальнейшего обсуждения в рамках принятия решений относительно предварительного отбора бланков для анализа, когда речь идёт о признании некоторых бланков испорченными по той или иной причине.

Вполне естественно, что названные выше группы бланков и стратегий Ии. выделены весьма условно, а их рабочее именование может вызывать обоснованную критику, в том числе по поводу недостаточной четкости того, что именуется: типы бланков, виды стратегий или типы личностей, работавших с предложенной им шкалой.

В поисках ответов на вопросы типа: является ли выделенный перечень стратегий достаточным и подтвердится ли этот перечень при анализе более обширного корпуса бланков, к тому же заполненных не мужчинами, а женщинами, и т.п., был сначала предпринят анализ аналогичных бланков, которые заполнили 35 студенток того же возраста и того же вуза при тех же или сходных специальностях, после чего были сопоставлены результаты шкалирования, полученные от 100 мужчин и 100 женщин. Это привело к следующим важным выводам.

1.Применяемая исследовательская процедура позволяет получить полезные данные относительно характера эмоционально-оценочных переживаний, которые увязываются Ии. с тем, что стоит за шкалируемым словом.

2.Проведённый эксперимент позволил проследить определённые сдвиги в оценках, зарегистрированных в 1993-2010 гг.

3.Тенденции в оценках, приписываемых Ии. тем или иным словам, проявляются уже при наличии 50 Ии.

4.Основные стратегии шкалирования видны при наличии 15 Ии.

5.Ранжирование исследуемого списка слов по убыванию количественных показателей позволяет наглядно представить преференции по каждой группе Ии., а также установить факты сходства и различий между разными группами, сопоставляемыми по тем или иным параметрам (в том числе – по тендерному принципу, территории проживания и т.д.).

Два варианта дефинирования

В описываемом эксперименте давались два задания, непосредственно связанные с описанием значения того или иного слова: записать, что означают предъявленные слова (разрешалось ограничиться синонимом), и назвать два и более значения предъявленного слова.

Следует отметить, что оба этих задания, с одной стороны, вызвали наибольшее количество отказов от их выполнения, а с другой – проявили тенденцию Ии. активно использовать ответы тех же типов, которые фигурируют в качестве свободных или направленных ассоциативных реакций. Это представляет особый интерес в условиях преднамеренного упорядочения экспериментальных процедур по линии нарастания метаязыковой активности Ии.: от минимальной в свободном ассоциативном эксперименте до максимальной при выполнении последнего задания назвать два и более значения предъявленного слова. Представляется очевидным, что ассоциативные и дефиниционные процедуры выявляют одни и те же базовые процессы идентификации слова, которые проявляются через использование носителями языка определённых стратегий и опор, обеспечивающих реализацию потребностей познания и общения в естественных ситуациях.

Значительное сходство между стратегиями ассоциирования и стратегиями дефинирования можно объяснить выведением на вербальный уровень того самого имплицитного ответа, посредством которого человек при

встрече со словом подтверждает (прежде всего – самому себе), что он понял это слово так, а не иначе. Анализ результатов выполнения Ии. заданий такого типа позволяет выявить специфику идентификации значения слова «для себя» (через ассоциации) и «для других» (через дефиниции).

Особую значимость результатов выполнения заданий по дефинированию я вижу в том, что они помогают проследить особенности процессов вхождения в индивидуальный лексикон новых заимствованных слов параллельно с освоением увязываемых с этими словами представлений, ситуаций, контекстов. Более того, сопоставление материалов дефинирования, полученных с интервалом в 17 лет, даёт возможность обнаружить определённую динамику степени актуальности тех или иных значений рассматриваемых слов, выявить факты угасания актуальности некоторых значений и появление новых путей интерпретации того, что лежит за исследуемым словом у носителей русского языка. В отдельных случаях появилась возможность прогнозировать некоторые пути дальнейшего развития значения слова с изменением политической и экономической ситуации функционирования русского языка на рассматриваемых территориях.

Подробное обсуждение примеров реализации стратегий ассоциирования и дефинирования заслуживает отдельной публикации и составит главу в монографии, посвященной детальному рассмотрению всех аспектов многоэтапного экспериментального исследования.

4.10.Предварительные результаты исследования

Представляется достаточным ограничиться здесь рассмотрением наиболее общих тенденций, наблюдаемых при двух видах анализа результатов выполнения Ии. заданий по психолингвистическому портретированию лексики: *горизонтальном* (т.е. «в пространстве» – по совокупности материалов, полученных на разных территориях функционирования русского языка либо в 1993, либо в 2010 гг., по определённому временному «срезу») и *вертикальном* (т.е. «во времени» – через сопоставление материалов двух временных «срезов» 1993 и 2010 гг.).

Следует прежде всего отметить, что по всему корпусу полученных данных (независимо от характера выполняемого задания) прослеживаются случаи неверной идентификации предъявлявшихся в эксперименте слов.

В табл. 4.9 приводятся примеры ошибочной идентификации некоторых слов и возможные основания для ошибок, допущенных Ии. при выполнении разных заданий. Обратим внимание на то, что участники эксперимента не смогли правильно опознать слова русского языка, с которыми они наверняка неоднократно встречались. Приведённые примеры иллюстрируют разные причины ошибочной идентификации слов, в принципе отражающие общие тенденции поиска опор в ментальном лексиконе в реальных ситуациях, что становится особенно очевидным при встрече человека со сло-

вом, плохо ему знакомым или редко фигурирующим в его речевом обиходе: в памяти всплывает сходное по каким-то параметрам более привычное слово, выступающее в качестве медиатора последующего ответа. При этом сам человек может не заметить подмену, если на неё не указывает ситуация, реакция собеседника и т.п.

Таблица 4.9

Исследуемое слово	Записанный ответ	Основание для ошибки
БРОКЕР	<i>курица, цыплята, ферма</i>	(бройлер)
МЕНТАЛИТЕТ	<i>независимость</i>	(суверенитет)
КОНСЕНСУС	<i>достаточно народа, чтобы голосовать</i>	(кворум)
НАМЕСТНИК	<i>престола, статский</i>	(наследник) (советник)
БОЕВИК	<i>военная машина для боевых действий</i>	(броневик)

Подмена типа БРОКЕР/бройлер - это скорее всего результат взаимодействия близких графических образов и ритмических моделей двух слов; возможная стратегия идентификации — опора на целостный образ слова при игнорировании различающих эти два слова элементов. По-видимому, в подобных случаях вступает в действие поиск по ряду параметров, по которым упорядочиваются слова в ментальном лексиконе: оба слова являются заимствованными; у них совпадают первые буквы (бро), суффикс (*ер*), ритмический рисунок (бро-кер, брой-лер), при этом на уровне бессознательного контроля не учитывается различие между центральными элементами конкурирующих слов («к» и «йл»), что и приводит к семантической нелепости в рассматриваемом нами случае.

Слова типа МЕНТАЛИТЕТ/суверенитет больше отличаются одно от другого, тем не менее для человека, не пользующегося ими активно, они «на одно лицо»: оба заимствованные, имеют совпадающую конечную часть (*итет*), оба длинные и не очень понятные, но одно из них (менталитет) появилось в общеречевом обиходе только в 90-е гг. прошлого века, т.е. в период проведения этого эксперимента, оно было подавлено сходным, более привычным, понятным и поддающимся идентификации словом.

Подмена типа НАМЕСТНИК/наследник может быть вызвана недостаточной внимательностью испытуемого или спровоцирована полным совпадением начальных и конечных элементов, количественным равенством элементов основы, функционированием по единой модели сочетаемости: «наместник кого-то» - «наследник кого-то»; при этом оба слова не являются заимствованными. Представляется важным подчеркнуть, во-первых, важность совпадения не просто букв начала и конца обсуждаемых слов, а именно семантики этих значимых элементов слова, во-вторых - вероятность взаимодействия всех перечисленных параметров, по которым устанавливаются связи между единицами лексикона человека.

Иным представляется случай БОЕВИК/броневик. Здесь сочетаются, с одной стороны, слово, активно входящее в речевой обиход, а с другой - слово устаревшее, для которого еще сохраняется связь с представлением о некотором объекте при отсутствии полной уверенности в том, как именно оно следует называть.

Рассмотренные примеры могут быть объединены на основе вероятности использования Ии. стратегии «схватывания» целого слова в противовес применению другими Ии. стратегии членения плохо знакомого или вообще незнакомого слова на части для выделения некоторых значимых опорных элементов, в той или иной мере помогающих догадке о том, на что указывает воспринимаемое слово. Результат такого поиска может оказаться не очень удачным и даже далеко уводящим от предмета поиска. Примером подобного членения воспринимаемого Ии. слова может служить случай ЛЕГИТИМНОСТЬ - *легальная интимность*, встретившийся при выполнении задания дать дефиницию значения этого слова.

Заметим, что незнание значения слова могло в отдельных случаях оказывать влияние на характер оценок при выполнении задания по шкалированию слов. Так, приведенное выше слово ЛЕГИТИМНОСТЬ получило значительный процент отрицательных оценок, что в то же время может быть объяснено через неприятие некоторыми носителями русского языка заимствованного слова при наличии более привычного слова «законность», однако просмотр бланков, заполненных разными Ии., давшими этому слову отрицательную оценку разной значимости, показал, что при выполнении других заданий с этим словом либо был оставлен прочерк (т.е. имел место отказ от выполнения задания), либо сделанная запись свидетельствовала о незнании или неверном толковании значения слова.

К числу наиболее общих тенденций при идентификации воспринимаемых в ходе эксперимента слов можно также отнести следующие.

Как правило, при идентификации широко распространенных, но не очень понятных слов Ии. попытаются разъяснить значения таких слов через более привычные слова (заимствованное слово нередко заменяется его «переводом» на близкое по значению русское слово) или хотя бы обозначить сферы функционирования объектов, называемых такими словами. Примерами «перевода» могут служить самые частые свободные ассоциативные реакции на слова типа МЕНЕДЖМЕНТ - *управление*; КОНСЕНСУС - *согласие*; ОППОЗИЦИЯ - *противостояние, противопоставление*. Если это не удавалось сделать, Ии. прибегали к указанию на нечто смежное, позволяющее хотя бы обозначить область жизни или деятельности, с которой так или иначе связан называемый исходным словом объект (МЕНЕДЖМЕНТ - *бизнес, экономика*; БРОКЕР - *биржа*).

Тенденция разъяснять значение идентифицируемого слова через его сочетаемость с другим словом (типа БИРЖА - *труда*) объясняет случаи совпадения некоторых результатов выполнения Ии. заданий на свободные

и направленные ассоциативные реакции. В то же время в ходе направленного ассоциативного эксперимента Ии. нередко отклонялись от задания записать слова, которые могут сочетаться с предложенными им словами, и пытались эксплицировать для себя значение воспринимаемого слова. Так, наиболее частым ответом на слово АУКЦИОН явилось слово *распродажа*, в то время как в остальных случаях в связи с этим исходным словом даются уточнения того, что именно распродается, т.е. скорее всего именно *распродажа* выступает в качестве имплицитного промежуточного звена - медиатора связи между рассматриваемым исходным словом и ответами типа *картин, товаров, антиквариата* и т.п.

В ходе записи дефиниций, т.е. при выполнении двух последних заданий, проявилась склонность Ии., во-первых, использовать те же стратегии, которые были типичными для установления ассоциативных связей и фактически отображают актуализацию имплицитного («репрезентативного») ответа как разъяснения значения идентифицируемого исходного слова «для самого себя»; во-вторых, - тенденция ограничиваться определениями по принципу «замкнутого круга» типа КОММЕРСАНТ - *человек, занимающийся коммерцией*; БРОКЕР - *человек, работающий на бирже*. Ответы такого рода не могут свидетельствовать о правильном понимании значения исследуемого слова, хотя они в ряде случаев фактически совпадают с дефинициями, фигурирующими в толковых словарях.

Дальнейшее изложение предварительных результатов исследования представляется рациональным вести по линиям обобщения тенденций, выявленных сначала при горизонтальном, а затем при вертикальном анализе экспериментальных материалов, полученных при обоих срезах.

А.Сходство и расхождения «в пространстве»: анализ «по горизонтали»

Речь в данном случае идёт о рассмотрении экспериментальных материалов при функционировании русского языка на разных территориях - в России и за ее пределами.

Прежде всего следует подчеркнуть, что общее «в пространстве» проявилось по вполне ожидаемым направлениям, к числу которых относятся следующие:

- стратегии ассоциирования;
- стратегии шкалирования;
- стратегии дефинирования;
- выход на образ мира;
- выход на обыденное знание;
- проявление эмоционально-оценочных переживаний.

Это вполне согласуется с моими представлениями о том, что используемые экспериментальные процедуры выявляют некоторые универсаль-

ные особенности процесса идентификации слов как такового. Мой опыт межъязыковых / межкультурных сопоставлений показывает, что обычно варьируется уровень актуальности использования той или иной стратегии носителями определённой лингвокультуры (это касается первых трёх приведённых выше положений), в то время как остальные три положения носят аксиоматический характер: они являются обязательными условиями естественного семиозиса. Другое дело - лексическое наполнение типовых моделей связей между словами: диапазон вариативности и межкультурных расхождений зависит от взаимодействия комплекса факторов - как языковых, так и экстралингвистических.

Так, вполне ожидаемыми и предсказуемыми были расхождения «в пространстве» при анализе «по горизонтали» материалов, полученных от носителей русского языка в разных регионах России, в Украине и Казахстане при работе Ии. со следующими словами:

ДЕПУТАТ: *Государственной Думы, Думы, Верховной Рады, Мажичиса, народного Хурала;*

ПАРТИЯ: *Единая Россия, Регионов, Украины, Нур Отан, Алаш, Казахстана;*

ДЕНЬГИ: *рубль, гривна, тенге.*

Представляет определённый интерес сопоставление полученных на разных территориях результатов шкалирования одних и тех же слов. Проявилось совпадение самых высоких показателей отрицательных оценок на следующие слова (они приводятся в порядке «по убывающей»): полностью совпала самая высокая отрицательная оценка для слова СПЕКУЛЯЦИЯ; слова ДЕПУТАТ, КОММУНИСТ, НУВОРИШ, ГЕНСЕК С некоторыми вариациями в последовательности заняли следующие порядковые места. В качестве дополнительных в эту группу слов попали также слово ПАРЛАМЕНТ в Киеве и слово КАПИТАЛИЗМ в Алматы. Соотношение самых высоких показателей положительных оценок (по убывающей) можно проследить по следующим перечням:

Алматы: ДЕНЬГИ, ИНТЕЛЛИГЕНТ, БИЗНЕС, БИЗНЕСМЕН, ВЕТЕРАН
Киев: ИНТЕЛЛИГЕНТ, ВЕТЕРАН, ДЕНЬГИ, ДЕМОКРАТИЯ, МЕНТАЛИТЕТ
Тверь: ВЕТЕРАН, РОССИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНТ, ДЕНЬГИ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Предсказуемыми являются и расхождения в оценках таких слов, как

РОССИЯ: 2-я позиция у россиян
6-я позиция у киевлян
11-я позиция у алматинцев
РУБЛЬ: 6-я позиция у россиян
17-я позиция у киевлян
19-я у позиция у алматинцев

Наиболее очевидными, чётко проявляющимися общими тенденциями, зарегистрированными в материалах эксперимента с носителями русского языка на исследуемых территориях, являются следующие:

- отказ от ответа по незнанию или плохому пониманию слова;
- смешение слов по различным основаниям (в том числе близких по звучанию / написанию, сочетаемости);
- увязывание значения слова с некоторой ситуацией;
- фокусирование внимания на отдельном признаке именуемого объекта (действия, качества);
- актуализация наиболее популярного в текущее время значения слова или привычного контекста.

В качестве примеров рассмотрим дефиниции, полученные на слова НУВОРИШ и БРОКЕР.

В незнании первого из названных слов Ии. не стесняются признаться открыто, но если и не отказываются от ответа, то всё равно в подавляющем большинстве случаев проявляют не очень удачные попытки хоть как-то объяснить, кто такой нувориш.

Слово БРОКЕР является более привычным, но всё же не очень-то понятным, поэтому его легко спутать с такими же не очень понятными словами; ясно только, что брокер как-то связан с биржей, акциями, и вообще - спекулянт какой-то... Ср.:

НУВОРИШ

- отказ от дефиниции (до 62% в группе Ии.);
- *без понятия, чёрт его знает, восточный начальник, член какой-то религиозной секты, язык или нация, диссидент, какое-то шоссе около Москвы;*
- *начинающий коммерсант (мелкий); молодой, неопытный предприниматель; внедряющий новое, несущий в себе черты чего-то нового и т.п.;*
- *богач, очень богатый, новый русский.*

БРОКЕР

- *человек, работающий на бирже (биржа, акции, деньги);*
- *посредник;*
- *маклер, дилер, риэлтор (квартира, недвижимость);*
- *коммивояжер;*
- *спекулянт.*

Б. Расхождения «во времени»: анализ «по вертикали»

Анализ экспериментальных материалов, полученных при двух срезах - в 1993 и 2010 гг., наглядно выявил влияние экстралингвистических факторов на динамику функционирования значения слова как обывденного знания. Вполне понятен выход на первый план в 1993 году ставших популярными новых значений таких давно употреблявшихся слов, как РУБЛЬ - *деревянный*; ЛИМОН - *миллион*. Признаки формировавшихся в 90-е гг. XX века представлений о сущности складывавшихся в те годы экономических отношений и связанных с ними понятий прослеживается в случаях: ФЕРМЕР - *колхозник*; КОММЕСАНТ - *спекулянт*; СПЕКУЛЯЦИЯ - *торговля, коммерция* и т.п. При этом проявляется эмоционально-оценочное отноше-

ние к называемым объектам: к тому, что лежит за словом для индивида - знание или смутное представление о том, на что это слово указывает в имеющемся опыте.

При организации нашего исследования предполагалось, что *направленный ассоциативный эксперимент* поможет выявить сдвиги в сочетаемости слов и тем самым проследить динамику организации слов в лексиконе человека, позволит проследить реализацию разных значений исследуемых слов. Прогнозировалось, что на первый план могут выйти не первичные, базовые значения, а те, которые стали или становятся популярными в период проведения эксперимента. Эта гипотеза в принципе подтвердилась.

Динамику трактовки носителями русского языка значений ряда слов можно проследить по следующим примерам.

Слово АКЦИЯ стало в 1993 году популярным в значении 'ценная бумага'. Эксперимент 2010 года выявил наряду с этим значения:

- форма владения частью предприятия;
- политическое мероприятие (*акция протеста*);
- торговое мероприятие (*скидки, распродажа, уценка, специальное предложение*);
- рекламный ход с разными целями.

Слово БОЕВИК в 1993 году идентифицировалось через ответы: *наемный убийца, террорист, снайпер, парень-вышибала, член банды головорезов, сердитый человек, фильм*; в 2010 году разграничиваются значения:

- острозюжетный фильм с драками, убийствами;
- террорист (шахид, вооруженный бандит, преступник, экстремист);
- участник боевых действий
- криминальное событие.

Слово ДЕРЕВЯННЫЙ в 1993 году приобрело значение 'дешевый', которое разъяснялось через сочетаемость: *дешёвый (рубль)*. В 2010 году зарегистрированы значения:

- сделанный из дерева;
- о человеке (*глупый, тупой, неумный, бестолковый, бесчувственный, не меняющийся, упрямый*);
- дешевый (рубль), невыгодный;
- твердый (хлеб);
- потерявший чувствительность (рука).

Представляется возможным прогнозировать дальнейшее развитие значения этого слова: 'подлинный, из натуральных материалов, поэтому дорогой'.

В качестве примеров, иллюстрирующих динамику увязываемых со словом эмоционально-оценочных переживаний, можно привести слова БИЗНЕСМЕН, ДЕЛОВОЙ.

В 1993 году слово БИЗНЕСМЕН вызывало преимущественно отрицательные характеристики именуемого этим словом человека: *спекулянт, делец, вор, бездельник; пронырливый человек, делающий деньги из воздуха*. В 2010 году отрицательную окраску имеют только отдельные ответы Ии., выстраивается такая последовательность идентифицированных Ии. значений этого слова :

- предприниматель;
- деловой человек;
- владелец бизнеса;
- человек дела;
- торгаш.

Аналогичную картину можно наблюдать с идентификацией значения слова ДЕЛОВОЙ: 1993 - *наглый, крутой; высовывающийся, где не просят*; 2010:

- связанный с делом;
- занятой;
- связанный с предпринимательством;
- предприимчивый, хваткий, пробивной, знающий свое дело;
- строящий из себя слишком умного человека, нахальный, наглый, самодовольный, выделяющийся, высокомерный, амбициозный;
- важный;
- официальный (центр, костюм, документ).

Совокупный анализ полученных материалов по всем предлагавшимся Ии. заданиям дал основания для следующих основных предварительных выводов.

1. Психолингвистическое портретирование лексики с применением батареи экспериментальных процедур обеспечивает ценный фактический материал, позволяющий проверять рабочие гипотезы относительно особенностей функционирования слов в критический период развития общества и способствующий дальнейшему развитию концепции слова как единицы индивидуального лексикона, достояния пользующегося языком человека.

2. Экспериментальные методики позволяют через непосредственное обращение к носителю языка и культуры фиксировать текущие сдвиги в значении слов, с большим опозданием регистрируемые в толковых словарях, а также определять степень актуальности того или иного лексико-семантического варианта слова, выявлять и измерять специфику увязываемых со словом эмоционально-оценочных переживаний и т.д.

3. Для обеспечения высокой объяснительной силы научного изыскания весь цикл экспериментального исследования - от формулирования рабочей гипотезы до интерпретации полученных данных - должен направляться психолингвистической теорией слова как достояния индивида.

4. Для прослеживания динамики изменений в том, что лежит за словом для носителей языка и культуры, как и для межкультурных изысканий, следует повторять эксперименты через определённые промежутки времени, дополняя «горизонтальный» принцип организации работы (в единый промежуток времени, но с территориальными различиями) «вертикальным» (для сопоставления данных, полученных там же, но через ряд лет).

5. Психолингвистическое портретирование лексики отвечает задачам межязыковых/межкультурных коллективных исследований, организованных по единым требованиям (см. подробно: [Залевская 1996а]).

Рассмотренные во второй части книги вопросы теории и практики исследования значения как достояния индивида нашли отражение и дальнейшее развитие в научных изысканиях моих учеников и учеников моих учеников (т.е. моих «научных внуков») в разных городах, в том числе в Алматы, Брянске, Кирове, Курске, Твери, Уфе и т.д.

Так, начатые в 1960-1970-е гг. исследования в области двуязычия успешно продолжает в г. Алматы проф. Т.Д. Кузнецова [1982]); её аспирантка [Мукушева 2001] предложила вариант дальнейшего развития моей спиралевидной модели идентификации слова В Твери эту модель представила в ином виде М.Л. Корытная [1996], в то время как исследования на материале лексики иностранного языка продолжили И.Л. Медведева [1999а, 1999б] и её аспиранты [Зайцева 2005; Иванова 2004], а также [Соловьёва М.В. 2006; Ишук 2009; Корниевская 2010]. Широкая программа исследований в области развития значения слова и ассоциативных полей слов реализуется ныне в Уфе под руководством Т.М. Рогожниковой [1986, 1989, 2000а, 2000б]), её ученики названы в коллективной монографии [Галерея ассоциативных портретов 2009], см. также: [Салихова 1999, 2002, 2007].

В течение многих лет ведётся изучение различных аспектов того, что лежит за словом у индивида: чувственных основ значения (см., например: [Колодкина 1987; Соловьёва Н.В. 1989; Мягкова 1990, 2000а, 2000б; Бардовская 2005; Карасева 2007; Воскресенская 2007]), особенностей идентификации слов и связанных с этим процессов и опор [Маскадыня 1989; Тогоева 1989, 2000; Барсук 1991; Лачина 1993; Сазонова 1993, 2000а, 2000б; Родионова 1994; Шумилина 1997; Туркова-Зарайская 2002; Михайлова 2003; Галкина 2004; Хватова 2004; Саркисова 2010]). Основания для установления связей между словами исследовали: по степени близости значений [Медведева 1981; 1989; Лебедева 1991, 2002а, 2002б; Новичихина 1995], по вхождению в смысловое поле [Каминская 1996, 1998], по роли признака в установлении связей [Шмелева 1988; Дмитриева 2000; Соломаха 2003] и т.д. Особое внимание уделялось роли слова в понимании текста (например: [Рафикова 1994; Мохамед/Рафикова 2000]), механизм разрешения неоднозначности или преодоления коммуникативных затруднений [Бревдо 1999; Поймёнова 1999; Воскресенский 2007]. Роль единиц ядра ментального лексикона как естественного метаязыка обосновала Н.О. Золотова [1989, 2005а, 2005б], её аспиранты, как и мои непосредственные ученики, продолжают разрабатывать концепцию живого знания (например: [Швец 2005; Федурко 2008; Чернышова 2010]. Специфику образа времени у носителей разных культур рассмотрела С.А. Чугунова [2009].

Не имея возможности назвать здесь всех моих учеников и коллег, хочу выразить им глубокую признательность за нашу совместную работу и пожелать больших успехов в дальнейших научных изысканиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель этой книги - не обеспечить перечень рецептов, связанных с экспериментальным исследованием значения слова, а лишь показать, при каких условиях такое исследование может быть успешным, и поделиться опытом своих раздумий по ходу подготовки и проведения эксперимента, главное - по поводу анализа и интерпретации полученных материалов с позиций определённой теории с фокусированием внимания на том, что избранная теория должна отвечать специфике рассматриваемого объекта.

Следует подчеркнуть, что в книге также не ставилась цель дать обзор имеющихся публикаций экспериментальных исследований значения слова: чтобы убедиться, что таких работ великое множество (в том числе преимущественно по материалам ассоциативных экспериментов), достаточно пролистать журнал «Вопросы психолингвистики», тезисы симпозиумов по психолингвистике и конференций разных уровней. Вместо такого обзора представляется более полезным кратко остановиться на некоторых тенденциях современного развития теории и практики исследований значения слова через призму эксперимента.

Во-первых, лингвистический эксперимент продолжает оставаться важным средством проверки фактов системности и нормативности лексики (см., например, [Апресян 2008]); в то же время системность значений успешно изучается с привлечением психолингвистического эксперимента, что в значительной мере расширяет объяснительную и прогностическую силу такого исследования (см., например, [Лукашевич 2002, 2003]).

Во-вторых, в число психолингвистических экспериментов, наряду с бесчисленным множеством случаев рассмотрения отдельных «концептов» при теоретическом обосновании через смещение идей и терминов разных наук (с наивной верой в то, что исследуется «когниция», предпринимается «концептуальный анализ» и т.п.), входят целенаправленные экспериментальные исследования, проводимые авторскими коллективами на базе определенных теоретических установок.

В этой связи следует прежде всего назвать реализацию обширной программы экспериментов по созданию «Русского ассоциативного словаря» [1994-1998], «Ассоциативных норм испанского и русского языков» [2001], «Русского ассоциативного словаря информационных технологий» [2002], «Славянского ассоциативного словаря» [2004], «Ассоциативных норм русского и немецкого языков» [2004], «Ассоциативного фразеологического словаря русского языка» [1994] и т.д. с целью исследования специфики языкового сознания носителей соответствующих языков. Продуктом экспериментов пермского коллектива авторов явились два словаря ассоциаций детей [Береснева и др. 1995; Овчинникова и др. 2000]. Коллектив саратовских авторов работает над «Ассоциативным словарем школьников Саратова и Саратовской области» [Гольдин и др. 2004; Гольдин, Слобнова

2008]. Коллективная монография «Галерея ассоциативных портретов» [2009] подготовлена девятью авторами из Уфы.

Обратим внимание на то, что названные выше авторские коллективы образовались в соответствующих местах не случайно: имеет место определённая преемственность в развитии отечественной психолингвистики. Так, в первом случае координация из Москвы работы по подготовке ряда ассоциативных словарей предворяется опытом разработки «Словаря ассоциативных норм русского языка» [1977], проводившейся по инициативе и под руководством А.А. Леонтьева (хотя следовало бы уточнить, как и в какой мере понятие «языкового сознания» соотносимо с идеями Алексея Алексеевича); пермский коллектив работает в русле теоретический представлений, в свое время сформировавшихся у Л.В. Сахарного и А.С. Штерн; в Саратове до своей кончины работал И.Н. Горелов, уфимским коллективом авторов руководит моя ученица Т.М. Рогожникова.

В-третьих, имеет место накопление ассоциативных словарей, подготовленных отдельными авторами на материале разных языков. Например, к ранее имевшимся словарям [Бутенко 1979, 1989; Титова 1975; Цітова 1981; Ульянов 1988] добавились, словари: [Голикова 2004; Гуц 2004; Дмитрюк 1998; Палкин 2004; Соколова Т.В. 1996] (см. также: [Дебренн 2006]).

В-четвёртых, наряду с повальным увлечением анализом ассоциативных полей по линии языкового сознания, имеют место и целенаправленные программы исследований, ориентированных, например, на изучение специфики ассоциативных связей у разных возрастных групп и психотипов Ии., в условиях нормы и патологии [Галерея ассоциативных портретов 2009], при владении одним и более языками [Лешенко 2005; Салихова 1999, 2002, 2007]; выявляются основания для межэтнической напряженности [Голикова 2005а, 2005б]; делаются попытки объяснить основания для тех или иных ответов Ии. в ходе эксперимента [Доценко 2005] и т.д.

В-пятых, происходит переход на новый уровень технической подготовки ассоциативных словарей, которые выполняются в формате электронных баз данных с разработкой соответствующих компьютерных программ, обеспечивающих быстрый доступ к результатам эксперимента и возможность анализа данных по ряду параметров (см., например, [Черкасова 2010]). Однако следует особо подчеркнуть, что наличие электронной базы данных и быстрого доступа к ней мало что меняет, если не используется теория, отвечающая специфике исследуемого материала: это объясняет, почему подавляющее большинство публикаций по материалам «Русского ассоциативного словаря» [1994-1998], «Славянского ассоциативного словаря» [2004] и т.п. остаются на прежнем уровне анализа, являются чисто описательными и не ставят задач объяснения глубинных оснований для обнаруживаемых фактов, фокусируются исключительно на регистрируемых в экспериментальных материалах конечных продуктах выполнения заданий, не затрагивая приводящих к таким продуктам процессов и опор.

В-шестых, для выхода за эти рамки важна не только последовательная опора на психолингвистическую теорию слова как достояния человека (т.е. живого знания): необходимо также владеть приёмами моделирования процессов выхода на то, что лежит за словом у пользующегося им индивида, а для этого нужно знать, что делается в этой области в мировой науке. В качестве полезного примера такого экспериментального исследования можно назвать научное изыскание А.Г. Сони́на (см.: [Сонин 2005, 2006]).

В-седьмых, за рубежом наблюдается всплеск интереса к подготовке электронных баз данных по результатам разнообразных (не только ассоциативных) экспериментов на материале многих языков, что значительно расширяет базу для межкультурных сопоставлений и для дальнейшего исследования фундаментальных теоретических проблем.

Так, к числу ранее существовавших ассоциативных норм английского, французского, немецкого, польского и словацкого языков, таких как: [Entwisle 1966; Gerrow & Pollio 1965; Kent & Rosanoff 1910; Kiss et al. 1972; Kurcz 1967; Jenkins 1952; Jenkins & Russell 1960; Marsalova 1972, 1974; Postman & Keppel 1970; Rosenberg 1965; Rosenberg & Carter 1965; Rosenzweig 1957, 1964; Russell 1970; Russell & Jenkins 1954; Russell & Meseck 1959], добавились ассоциативные нормы британского английского, американского английского, немецкого, французского, испанского, датского, венгерского и других языков (см., например: [De Deyne & Storms 2008a; De Groot 1980; de la Hays 2003; Fernandez et al. 2004; Ferrand & Alario 1998; Guida & Lenci 2007; Hirsh & Tree 2001; Magyar verbalis asszociaciok 1 1983; Magyar verbalis asszociaciok 2 1985; Melinger & Weber http; Moss & Older http; Nelson et al. 1998; Novak 1988; Perez & Navalon 2005]); имеется также информация о подготовке ассоциативных норм японского языка, о составлении базы данных по балканским языкам, европейской сети данных и о возможностях извлечения полезной информации о слове из глобальных сетей данных (см., например: [Hamp & Feldweg 1997; Joyce 2005; Lahl et al. 2009; Stamou et al. 2002; Vossen 1998]).

Скопилось также значительное количество результатов экспериментов по шкалированию слов разных языков по ряду параметров. Такая работа была начата еще в 1960-е годы в США (см.: [Battig & Montague 1969; Brown & Ure 1969; Paivio et al. 1968; Togliа & Battig 1978; Ashcraft 1978]). После значительного перерыва и с расширением возможностей компьютерной обработки данных добавились разнообразные «нормы», полученные от носителей английского, итальянского, датского, испанского, португальского, немецкого и других языков (например: [Altarriba et al. 1999; Balota et al. 2001; Balota et al. 2002; Barca et al. 2002; Bellezza et al. 1986; Bradley & Lang 1999; Clark & Paivio 2004; Cortese & Fuggett 2004; Friendly et al. 1982; Izura et al. 2005; Gilhooly & Logie 1980; Kerr & Johnson 1991; McEvoy & Nelson 1982; McRae et al. 2005; Ruts et al. 2004; Snodgrass & Vanderwart 1980; Stevenson et al. 2007; Storms 2001; Twilley et al. 1994; Vinson & Vg-

liocco 2008; Vo et al. 2006; Wollen et al. 1980]). К сожалению, из публикаций подобных материалов на материале русского языка могу назвать только статью [Петренко, Нистратов 1981], нормативные данные для 50 субстантивных категорий [Маскадыня 1987], с согласия автора использовавшиеся зарубежными исследователями для межъязыковых / межкультурных сопоставлений, а также опубликованные результаты шкалирования 215 русских существительных по параметрам конкретности, образности и эмоциональности [Колодкина 1985]; результаты предпринятого мною шкалирования русских прилагательных и глаголов (по тем же параметрам) полностью опубликованы не были.

При сборе разного рода норм особое внимание обращается на возраст носителей языка. Первым исследованием такого типа был эксперимент, описанный в статье [Carroll & White 1973]; в настоящее время можно назвать следующие публикации по этому вопросу: [Bird et al. 2001; Burke et al. 1987; Ghyselinck et al. 2000; Ghyselinck et al. 2003; Howard 1980; Marques et al. 2007; Morrison et al. 1997; Stadthagen-Gonzales & Davis 2006] (для сопоставления имеется ряд словарей, полученных от русских детей).

В-восьмых, такой обширный перечень результатов экспериментальных исследований на базе многих языков, к тому же существующих в электронном формате и в большинстве случаев доступных для сопоставления, приведён здесь для того, чтобы показать неоправданность приверженности отечественных авторов к использованию почти исключительно ассоциативных экспериментов: расширение состава «батарей» исследовательских процедур, как и вовлечение в межъязыковые / межкультурные сопоставления типологически различающихся языков, требуется для проверки рабочих гипотез в целях выявления как универсальных, так и специфичных для представителей отдельных лингвокультур стратегий и опор выхода на образ мира индивида через посредство социально признанного и описанного в словарях значения слова.

В-девятых, задачи подобного рода должны решаться авторскими коллективами, включающими носителей сопоставляемых языков и культур при взаимодействии специалистов - представителей разных наук (в их число должны входить занимающийся исследованием когнитивных процессов психолог, а также программист) и с привлечением широкого круга материалов, позволяющих обнаруживать стратегии и опоры, имеющие свои корни в истоках культуры этноса, в его истории, межкультурных контактах и взаимодействиях, как и в новейшей истории, предопределяющей те или иные предпочтения и эмоционально-оценочные переживания.

Завершая на этом свою книгу, могу сделать следующий общий вывод: творческие коллективы и отдельные экспериментаторы сталкиваются со многими из задач, опыт решения которых я попыталась изложить выше. Надеюсь, что это будет полезным хотя бы для начинающих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике* / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. - Помовский и партнеры, 1996. - 656 с.
- Апресян Ю.Д.* О проекте активного словаря (АС) русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по мат-лам ежегодн. междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4-8 июня 2008 г.). Вып. 7(14). - М.: РПГУ, 2008. - С.23-31.
- Арнольд Н.В.* Семантическая структура слова в английском языке // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. - Л., 1966. - Т. 295.
- Арнольд Н.В.* Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. - М.: Высш. шк., 1991.-140 с.
- Артемова Е.Ю.* О некоторых проблемах использования математических методов в психологии // Психология и математика. - М., 1976.
- Арутюнова И.Д.* Предложение и его смысл. - М., 1976.
- Ассоциативные нормы испанского и русского языков* / М. Санчес Пунг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова. - М.; Мадрид, 2001.
- Ассоциативные нормы русского и немецкого языков* / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт, В.И. Милехина, В.М. Топорова. - М.-Воронеж: Изд-во ИСТОКИ, 2004. -130 с.
- Ассоциативный фразеологический словарь русского языка* / Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов. - М.: Помовский и партнеры, 1994. - 116 с.
- Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения / пер. с англ. - М.: Прогресс, 1980.-528 с.
- Бардовская АМ.* Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2005.- 19 с.
- Барсук Л.В.* Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1991. - 16 с.
- Беляева А.В., Самойленко Е.С.* Проблема выделения признака в связи с коммуникативными задачами вербализации образа восприятия // Психологические исследования общения. - М., 1985. - С. 159-178.
- Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова ИТ., Пенягина Е.Б.* Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. - 256 с.
- Бериштейн Н.А.* Физиология движений и активность. - М.: Наука, 1990. - 495 с.
- Бериштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений : избр. психол. тр. - 3-е изд., стер. - М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. - 688 с. (Серия «Психологи России»).
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - Т.1. -С.47-77.
- Бойко Е.И.* Механизмы умственной деятельности: динамические временные связи. - М. Педагогика, 1976. - 247 с.
- Большой психологический словарь* / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. - СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. - 672 с.
- Бредо И.Ф.* Механизмы разрешения неоднозначности в шутке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 1999. — 18 с.
- Брудный А.А.* Пути и методы экспериментальных семантических исследований // Теория речевой деятельности.-М.: Наука, 1968.-С. 158-164.

- Брунер Дж.* Психология познания: За пределами непосредственной информации / пер. с англ. - М.: Прогресс, 1977.-412 с.
- Бутенко Н.П.* Словник асоциативних норм українськоУ мови. - Львів: Вища школа, 1979.-120 с.
- Бутенко Н.П.* Словник асоциативних означень (менникш в українськш мови. - Львів: Вища школа; Вид-во при Львчв. ун-тк, 1989. - 328 с.
- Василюк Ф.Е.* Структура образа// Вопросы психологии-1993- № 5.-С.5-19.
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. - М. : МГППУ; Смысл, 2003. - 140 с.
- Виноградова Т.Е.* Экспериментальное исследование субъективной оценки близости значения слов // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : сб. ст. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1981. - С. 12-16.
- Войцилло Е.К.* Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. - 238 с.
- Волошинов В.И.* Марксизм и философия языка. - 2-е изд. - М., 1930.
- Воскресенская СЮ.* Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2007. — 15 с.
- Воскресенский ИВ.* Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2007. - 19 с.
- Выготский Л.С.* К вопросу о развитии научных понятий в школьном возрасте // *Шиф Ж.И.* Развитие научных понятий у школьника. - М.; Л.: Учпедгиз, 1935. - С.3-17.
- Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. В 6-и т. - М.: Педагогика, 1984. - Т. 6. - С. 5-90.
- Галерея ассоциативных портретов* : коллективная монография / Т.М. Рогожникова и др.; под общ. ред. Т.М. Рогожниковой. - Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2009. - 448 с.
- Галкина О.В.* Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2004. - 18 с.
- Глезерман Т.Б.* Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии. Афазия и интеллект. - М.: Наука, 1986. - 230 с.
- Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии / пер. с англ. - СПб.: Речь, 2001.-1247 с.
- Голикова Т.А.* Алтайско-русский ассоциативный словарь. - М.: Изд-во ОЛСИБ, 2004.-380 с.
- Голикова Т.А.* Этнопсихолингвистическое исследование языкового сознания (на материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента) : монография. - М.: Ин-т языкознания РАН, 2005а. - 322 с.
- Голикова Т.А.* Психолингвистическая концепция исследования этнического сознания: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. - М., 2005б. - 50 с.
- Голикова Т.А.* Концепт «аргамак» в русской и тюркской картинах мира // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : мат-лы междунар. шк.-семинара (VI Березинские чтения). - М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. - Вып. 16.-С. 41-49.
- Головин В.Н.* Введение в языкознание. - 2-е изд. - М., 1978.
- Гольдин В.Е., Мартянов А.О., Сдобнова А.П.* Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. - М.: Ин-т языкознания РАН; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. - С.215-226.
- Гольдин В.Е., Сдобнова А.П.* Русская ассоциативная лексикография : учеб. пособие. - Саратов: Научная книга, 2008.-77 с.

Горошко Е.М. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. - Харьков; М.: Изд. группа «РА - Каравелла», 2001а. - 320 с.

Горошко Е.И. Языковое сознание: Ассоциативная парадигма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 2001б. - 41 с.

Готсданкер Г. Основы психологического эксперимента / пер. с англ. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982. - 463 с.

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. - Омск: Изд-во «Вариант-Сибирь», 2004. - 156 с.

Гуц Е.Н. К проблеме лексикографической обработки результатов семантического эксперимента // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты : мат-лы междунар. шк.-семинара (VI Березинские чтения). М.: ИНИОН РАН; АСОУ, 2010. - С. 49-53.

Дашинимаева П.Л. Теория значения как основа психонейролингвистической концепции непереводимости: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. - Иркутск, 2010а. - 46 с.

Дашинимаева П.П. Философия языка и теория значения : монография. - Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010б. - 248 с.

Дебени М. Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология : монография. - Новосибирск: Изд-во Новосибирск, гос. ун-та, 2006. - 386 с.

Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. - М.: Изд-во восточной литературы, 1962. - 607 с.

Дмитриева Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2000. - 131 с.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. - Шымкент: «Мирас»; М.: ИЯРАН, 1998. - 245 с.

Дмитрюк Н.В. Языковое сознание в неомогенной лингвокультурной среде: попытка теоретического истолкования : монография - Шымкент: «Мирас», 2000а. - 130 с.

Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в неомогенной лингвокультурной среде : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 2000б. - 60 с.

Доценко Т.Н. Экстрасигнальные ассоциативные связи как структурная основа коммуникативно-семантического пространства // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст.- Пермь: Перм. ун-т, 2005. - Вып. 7: Динамика языковых ситуаций - С. 192-197.

Доценко Т.Н. Ассоциативный эксперимент и речевое поведение информанта в экспериментальной ситуации // ... СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ: Памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. - Пермь: Перм. ун-т, 2006. - С. 149-158.

Дридзе Т.М. Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании // Семантическая структура слова. - М.: Наука, 1971. - С. 169-178.

Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. - М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2006. - 560 с.

Жинкин Н.И. Грамматика и смысл // Язык и человек. - М.: Изд-во МГУ, 1970. - С. 63-85 (см. также: // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество : избр. тр. - М.: Лабиринт, 1998. - С. 53-73).

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. - М.: Наука, 1982. - 157 с.

Забродин Ю.М., Носуленко В.Н. Психофизическое измерение в исследовании познавательных процессов // Психологические исследования познавательных процессов и личности. - М.: Наука, 1983. - С. 19-25.

Зайдель А.Н. Элементарные оценки ошибок измерений. - 2-е изд., испр. и доп. - Л.: Наука, 1967. - 88 с.

Зайцева Е.А. Слово в индивидуальном сознании: степень освоенности слов носителем языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2005. = 18 с.

Залевская А.А. К вопросу о путях и возможностях использования некоторых кибернетических понятий в целях рационализации процесса обучения иностранному языку // Вопросы теории и практики программированного обучения. - Алма-Ата, 1966а. - Вып. 3 : Программированное обучение иностранному языку. - С. 26-37.

Залевская А.А. К вопросу определения трудности материала и установления величины шага при программированном обучении иностранному языку : доклад на 1 Всесоюз. конф. по программ. обучению (Москва, 1966). - Алма-Ата: Науч.-метод. совет МВССО КазССР. Секция программ. обучения, 1966б. - 29 с.

Залевская А.А. О восприятии новой иноязычной лексики с различной информационной нагрузкой // Вопросы психологии. - 1967а. - № 1. - С. 127-134.

Залевская А.А. О возможности и характере учёта количественных критериев в психологических исследованиях // Иностранный язык : сб. ст. аспирантов и соискателей - Алма-Ата, 1967б. - Вып. III. - С. 156-159.

Залевская А.А. Ассоциативный эксперимент в условиях билингвизма и трилингвизма // Материалы второго симпозиума по психолингвистике (Москва, 4-6 июня 1968г.). - М., 1968а. - С. 73-74.

Залевская А.А. Физиолого-психологические основы опоры на прошлый опыт // Иностранный язык : сб. ст. аспирантов и соискателей. - Алма-Ата, 1968б. - Вып. IV. - С. 203-212.

Залевская А.А. Экспериментальное исследование ассоциативной структуры памяти // Педагогика и психология : сб. ст. по педагогике, психологии и частным методикам. - Алма-Ата: Каз. гос. пед. ин-т, 1969а. - Вып. 1. - С. 58-69.

Залевская А.А. Из опыта экспериментального сопоставительного исследования семантической структуры слова // Иностранные языки в высшей школе : учен. зап. Латв. гос. ун-та. - Рига, 1969б. - Т. 119. - С. 78-95.

Залевская А.А. О трех функциях тестов // Психология и методика обучения второму языку (Объективные методы текущей проверки уровня языковых умений) : тез. докл. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969в. - С. 10-13.

Залевская А.А. Из опыта психолингвистического исследования структуры памяти // Психологические механизмы памяти и ее закономерности в процессе обучения : мат-лы 1 Всесоюзн. симпозиума по психологии памяти (Харьков, ноябрь 1970). - Харьков: Общество психологов СССР; Харьков, ун-т, 1970. - С.92-95,

Залевская А.А. Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов // Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики : учен. зап. Калинин, гос. пед. ин-та. - Калинин, 1971а. - Т. 98, ч. 2. - С. 3-62 (без Приложения).

Залевская А.А. Об исследовании интервербальных связей // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. - Калинин: Калинин, гос. пед. ин-т, 1971б. - Вып. 1.-С. 154-172.

Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. - М.: Наука, 1971 в. - С. 178-194.

Залевская А.А. Приложения А-Г: Результаты ассоциативных экспериментов с носителями русского, казахского, киргизского и узбекского языков // Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики : учен. зап. Калинин, гос. пед. ин-та. - Калинин, 1971г. - Т. 98. - Ч. 2. - С. 63-119.

Залевская А.А. Исследование направленных ассоциаций в русском и английском языках // Проблемы английской филологии и психолингвистики. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1972. - Вып. 1. - С. 3-35.

Залевская А.Л. К проблеме экспериментального исследования структуры ассоциативного поля // Homo Loquens : мат-лы рабоч. совет., по теме «Человек как носитель языка». - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1975а. - С. 27-77.

Залевская А.А. К экспериментальному исследованию лексического компонента речевой способности человека : предварит. публ. ПГЭПЛ. - М. : ИРЯ АН СССР, 1975б. - 50 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека : учеб. пособие. - Калинин : Калинин, гос. ун-т, 1977а. - 83 с

Залевская А.А. Межкультурный аспект проблемы ассоциаций // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1977б. - С. 46-52.

Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях : учеб. пособие. - Калинин : Калинин, гос. ун-т, 1978а. - 88 с.

Залевская А.А. О межъязыковом сопоставлении экспериментальных материалов // Функционирование текста в лингвокультурной общности. - М., 1978б. - С. 3-65.

Залевская А.А. О теоретических основах исследования принципов организации лексикона человека // Этнопсихолингвистические проблемы семантики. - М., 1978в. - С. 4-39.

Залевская А.А. Об экспериментальном исследовании структуры языкового знака в условиях учебного двуязычия // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. - Калинин, 1978г. - С. 54-76.

Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике : учеб. пособие. - Калинин : Калинин, гос. ун-т, 1979. - 84 с.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на мат-ле межъяз. сопоставления результатов ассоц. экспериментов): автореф. дис... д-ра филол. наук. - Л., 1980. - 31 с.

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : межвуз. темат. сб. / Калинин, гос. ун-т. - Калинин 1981 - С. 28-44.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова: учеб. пособие. - Калинин : Калинин, гос. ун-т, 1982. - 80 с.

Залевская А.А. Проблемы психолингвистики : учеб. пособие. - Калинин : Калинин, гос. ун-т, 1983а. - 135 с.

Залевская А.А. Ассоциативный тезаурус английского языка и возможности его использования в психолингвистических исследованиях // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : сб. науч. тр. - Калинин: Калинин гос ун-т 1983б. - С. 26-41.

Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. - М.: Наука, 1985. - С. 150-171.

Залевская А.А. Некоторые пути исследования психологической структуры значения ключевых слов в целях оптимизации межнационального общения // Мат-лы науч.-практич. совещания по проблеме «Перевод и автоматическая обработка текста» (Калинин, 18-23 мая 1987 г.). - М., 1987а. - С. 46-57.

Залевская А.А. Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст : межвуз. темат. сб. науч. тр. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1987б. - С. 34-49.

Залевская А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихолингвистика : коллектив, монография / отв. ред. Ю. А. Сорокин. - М., 1988а. - С. 34-48.

Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход : учеб. пособие. - Калинин : Калинин, гос. ун-т, 1988б. - 95 с.

Залевская А.А. Ассоциативное поле: структура и специфика // Полевые структуры в системе языка: коллектив, монография.-Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1989а.-С. 83-88.

Залевская А.А. Проблема «психологической реальности» полевой модели организации // Полевые структуры в системе языка : коллектив, монография. - Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1989б. - С. 10-16.

Залевская А.А. Ценностный профиль слова: опыт экспериментального исследования // Текст: структура и анализ : сб. науч. тр. - М., 1989в. - С. 53-71.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование : монография. - Воронеж : Воронеж, гос. ун-т, 1990а. - 204 с.

Залевская А.А. Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990б. - С. 73-83.

Залевская А.А. Эмоционально-оценочные характеристики слова в индивидуальном лексиконе // Психолингвистический анализ слова и текста - Иваново, 1990с.- С. 91-101.

Залевская А.А. Механизмы метафоризации и их учет в целях моделирования авторской проекции текста при переводе // Перевод как моделирование и моделирование перевода : сб. науч. тр. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991а. - С. 69-82.

Залевская А.А. Слово в индивидуальном лексиконе // Введение в психолингвистику : текст лекций. - М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1991б.-Ч. 1.-С. 162-200.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования : монография. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992а. -135 с.

Залевская А.А. Опора на признак при формировании проекции текста // Текст как структура : сб. науч. тр. - М., 1992б. - С. 26-35.

Залевская А.А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативных экспериментов // Слово и текст в психолингвистическом аспекте : сб. науч. тр. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992в. - С. 43-50.

Залевская А.А. Вопросы выбора слов и заданий для экспериментального психолингвистического исследования // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики : сб. науч. тр. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994а. - С. 12-19.

Залевская А.А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативных экспериментов // Структурно-семантические исследования русского языка: описание, сопоставление, преподавание : коллектив, монография. - Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1994б. - С. 5-13.

Залевская А.А. Психолингвистическое портретирование лексики: опыт экспериментального исследования // Психолингвистические исследования: слово и текст : сб. науч. тр. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995а. - С. 38-46.

Залевская А.А. Сопоставление результатов двух экспериментов по портретированию лексики: предварительные итоги / А.А. Залевская, Е.Н. Васильева // Психолингвистические исследования: слово и текст : сб. науч. тр. - Тверь : Твер. гос. ун-т, 1995б. - С. 47-53.

Залевская А.А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М., 1996а.-С. 23-39.

Залевская А.А. Проблема признака как основания для взаимопонимания и для рас-

хождений при этнических контактах // Этнокультурная специфика языкового сознания. - М., 1996б. - С. 163-175.

Залевская А.Л. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте : монография. -Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996в. - 195 с.

Залевская А.А. Различные подходы к трактовке значения как достояния индивида // Психолингвистические исследования слова и текста : сб. науч. тр. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997а.-С. 11-23.

Залевская А.А. Экспериментальное исследование процессов прогнозирования развертки текста и его перевода // Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод : сб. науч. тр.-Курск: Региональный открытый социальный ин-т, 1997б. - С. 162-173.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику : учеб. для студентов вузов, обуч. по филол. спец. - М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999а. - 381 с.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. - 1999б. - № 6. - С. 31-42.

Залевская А.А. Актуальные проблемы этнопсихолингвистики // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы : сб. ст. /- Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2000а. - С. 74-82.

Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. - М., 2000б. - С. 39-54.

Залевская А.А. Текст и его понимание : монография. - Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001 - 177 с.

Залевская А.А. «Образ мира» VS «языковая картина мира» // Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование : науч. докл. конф. (21-24 апреля 2003 г., Курск). - Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 2003а. - С. 41-47.

Залевская А.А. Специфика интегративного подхода к пониманию текста // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : сб. ст. - М.; Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2003б. - Вып. 6. - С. 97-105.

Залевская А.А. Некоторые особенности естественного семиозиса // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. ст. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004а. - Вып. 3 - С. 49-61.

Залевская А.А. «Концепт» или «конструкт»: размышления о терминах // «Slova, stova, slova»: w komunikacji jezykowej II / pod redakcja. M. Grabskiej. - Gdansk, 2004б. - S. 321-329.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. - М.: Гнозис, 2005а. - 542 с.

Залевская А.А. Некоторые новые подходы к исследованию ментального лексикона // Вестник Тверского государственного университета. - Сер. Филология. - 2006. - № 3 (20). - Вып. 6 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - С. 101-118.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику : учебник. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007а. - 560 с.

Залевская А.А. Общенаучная метафора «живое знание» и проблема значения слова // Вестник Тверского государственного университета. - Сер. Филология. - 2007б. - № 12 (40). - Вып. 7 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - С. 18-32.

Залевская А.А. Единая информационная база человека (к уточнению понятия) // Вестник Тверского государственного университета. - Сер. Филология. - 2009а. - № 25. - Вып.3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - С. 15-19.

Залевская А.Л. Сопоставительные исследования и проблемы психолингводидактики // Система языка: синхрония и диахрония.-Уфа: Башкир, гос. ун-т. 2009б.-С. 169-179.

Залевская А.Л. Проблема знания в различных ракурсах // Stadia Linguistica

Cognitiva. - Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009в. - С. 14-64.

Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст., посвящ. памяти Ю. А. Сорокина. - М., 2010а.-С. 9-15.

Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (I) // Вестник Тверского государственного университета. - Сер. Филология. - 2010б. - № 5. - Вып. 3 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - С. 175-192.

Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (II) // Вестник Тверского государственного университета. - Сер. Филология. - 2010в. - № 15. - Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - С. 204-214.

Залевская А.А. Некоторые вопросы организации межъязыкового экспериментального исследования лексики // Методология современного языкознания : сб. ст. / отв. ред. А. Г. Сонин, А. С. Баранов. - М.: АСОУ, 2010г. - С. 47-56.

Залевская А.А. Стратегии шкалирования: индивидуальные предпочтения и обобщенные данные // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. - Тверь : Твер. гос. ун-т, 2010д. - Вып. 10. - С. 48-60.

Залевская А.А. О межъязыковых сопоставлениях значения слова // Жалпы тш биііМі жане турю тиздершш озеки маселелері : мат-лы междунар. науч.-теоретич. конф. «Актуальные проблемы общего языкознания и тюркских языков» (Астана, 21-23 декабря 2010 г.). - Астана, 2010е. - С. 274-280.

Залевская А.А. К проблеме методологии науки // Вестник Тверского государственного университета. - Сер. Филология. - 2011а. - № 4. - Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - С. 29-42.

Залевская А.А. Роль признака в структуре обыденного знания // Международ. Интернет-конференция «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» - 2011б (1 апреля - 15 мая 2011 г.) [Электронный ресурс] http://rgf.tversu.ru/conference_dialog_yazykov_i_kultur_2011

Залевская А.А. Динамика значения слова в зеркале психолингвистического портретирования // XII конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература во времени и пространстве» (Шанхай, 10-15 мая 2011 г.). - Shanghai: Foreign Language Education Press, 2011 в. - Т. 1. - С. 505-511.

Зинченко В.П. Посох Осипа Манделштама и Трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. - М.: Новая школа, 1997. - 336 с.

Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. - Ч. 1. Живое знание (2-е изд., перераб. и доп.). - Самара: «Самарский Дом печати», 1998. - 296 с.

Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). - М.: Изд-во УРАО, 2000. - 208 с.

Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения / пер. с англ. // Stadia linguistica cognitiva. - Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. - С. 308-361.

Золотова Н.О. Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1989. - 16 с.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона: функциональная роль в познании и общении // Вопросы психолингвистики - 2003 - № 1 - С. 35-42.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. - Тверь: Лилия Принт, 2005а. - 204 с.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Тверь, 2005б. - 44 с.

Иванов Вяч. Вс. Место теории коммуникации в системе современного знания : предисловие // *Клюканов И.Э.* Коммуникативный универсум. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - С. 5-24.

Иванова О.В. Динамические аспекты функционирования лексикона билингва : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2004. - 15 с.

Ильясов И.И. Психологические и физиологические методы психолингвистического исследования // *Основы теории речевой деятельности.* - М.: Наука, 1974. - С. 106-128.

Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2009. - 19 с.

Каминская Э.Е. Психолингвистическое исследование динамики смыслового поля слова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 1996. - 16 с.

Каминская Э.Е. Слово и текст в динамике смыслового взаимодействия : Психолингвистическое исследование : монография - Новгород : Новгород, гос. ун-т, 1998. - 134 с.

Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2007. - 15 с.

Карасик В.И. Категориальные признаки в значении слова. - М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1988. - 112 с.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла : монография. - Волгоград : Парадигма, 2010. - 422 с.

Карпинский А.Е. Методология и парадигмы современной лингвистики : монография. - Алматы : Каз. ун-т междунар. отн. и мировых языков, 2009. - 352 с.

Касевич В.Б., Кулакова Н.И. Семантические примитивы: эмпирическая верификация, психологические и логические аспекты // *Язык и речевая деятельность.* - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. - Т. 4, ч. 1. - С. 26-41.

Клименко А.П. Вопросы экспериментального изучения значений слов // *Теория речевой деятельности.* - М.: Наука, 1968. - С. 164-172.

Клименко А.П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. - Минск: Изд-во «Высшая школа», 1970. - 206 с.

Клименко А.П. Лексическая системность и её психолингвистическое изучение : учеб. пособие. - Минск: Минск, гос. пед. ин-т иностр. яз, 1974. - 108 с.

Клименко А.П. Психолингвистические методики исследования значения // *Методы изучения лексики.* - Минск, 1975. - С. 52-56.

Клименко А.П. Психолингвистика : учеб. пособие для ст-в V курса языкового вуза. - Минск: Минск, гос. пед. ин-т иностр. яз, 1982. - 99 с.

Клюканов И.Э. Коммуникативный универсум. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - 256 с.

Кодохов В.И. Общее языкознание. - М.: Высшая школа, 1974. - 252 с.

Колодкина Е.Н. Конкретность, образность и эмоциональность 215 русских существительных // *История русского литературного языка и стилистика : сб. науч. тр.* - Калинин, Калинин, гос. ун-т, 1985. - С. 40-51.

Колодкина Е.Н. Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1987. - 16 с.

Кондаков Н.И. Логический словарь. - М.: Наука, 1971.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. - СПб.: Питер, 2006. - 320 с.

Корытная М.Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 1996. - 16 с.

Косериу Э. Лексические солидарности / пер. с нем. // *Вопросы учебной лексикографии.* - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. - С. 93-104.

Краткий словарь когнитивных терминов I под общ. ред. Е.С. Кубряковой. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. - 197 с.

Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // *Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред Ф.П. Филина.* - М.: Высшая школа, 1973. - С.417-433.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов - М.: Русский язык, 1998. - 848 с.
Крюков А.Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // *Этнопсихолингвистика.* - М.: Наука, 1988. - С. 19-34.

Крюкова Н.Ф. О метафорической "многозначности" и "однозначности*" // *Стилистика как общефилологическая дисциплина.* - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1989. - С. 114-120.

Кузнецов АМ. От компонентного анализа к компонентному синтезу. - М.: Наука, 1986. - 125 с.

Кузнецова Т.Д. Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трилингвизма : автореф. дис. ... канд. психол. наук. - Тбилиси, 1982. - 16 с.

Курганова Н.И. Межкультурный диалог как способ освоения культуры : монография. - Мурманск: Мурманск, гос. пед. ун-т, 2007. - 312 с.

Курганова Н.И. Моделирование когнитивных операций на базе ассоциативных полей // *Вестник Тверского государственного университета.* - Сер. Филология. - 2011а. - № 4. - Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация. - С. 187-198.

Курганова Н.И. Некоторые вопросы взаимодействия значения и смысла при идентификации слова // *Вестник Тверского государственного университета.* - Сер. Филология. - 2011б. - Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация (в печати).

Лачина НС. Особенности идентификации прилагательных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993. - 16 с.

Лебедева С.В. Психолингвистическое исследование близости значения слов в индивидуальном сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 1991. - 16 с.

Лебедева С.В. Синонимы или проксимимы? : монография. - Курск: Изд-во Курск, гос. пед. ун-та, 2002а. - 202 с.

Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Тверь, 2002б. - 41 с.

Левин Г.Д. Метод семейных сходств как форма обобщения // *Научное знание: логика, понятия, структура.* - Новосибирск, 1987. - С. 22-37.

Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии : монография. - Воронеж : Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1989. - 192 с.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. - М.: Наука, 1965. - 245 с.

Леонтьев А.А. Место семантических проблем в современных психолингвистических исследованиях//*Теория речевой деятельности.* - М.: Наука, 1968. - С. 120-130.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. - М.: Наука, 1969а. - 307 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность - М.: Просвещение, 1969б. - 214 с.

Леонтьев А.А. Словарь стереотипных ассоциаций русского языка, его теоретические основы, задачи и значение для обучения русскому языку иностранцев // *Вопросы учебной лексикографии.* - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969в. - С. 114-127.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // *Семантическая структура слова.* Психолингвистические исследования. - М.: Наука, 1971. - С.7-19.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // *Принципы и методы семантических исследований.* - М.: Наука, 1976. - С. 46-73.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии:

Избранные психологические труды. - М.: Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001а. - 448 с.

Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность): Монография. - М.: Смысл, 2001б. - 392 с.

Леонтьев А.А. Альтернативная психология // Психологический журнал. - 2005. - Т. 26. - № 1. - С. 113-116.

Леонтьев А.А. Объект психологии и объект в психологии // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра. - М.: Смысл, 2006. - С. 61-74.

Леонтьев А.А. Методологические проблемы психологии: программа курса и вводные лекции // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи : сб. науч. раб. к 70-летию со дня рожд. А.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2008. - С. 342-388.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. - 2-е изд. - М.: Изд-во политич. литературы, 1977. - 304 с.

Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. - Серия 14. Психология. - 1979. - № 2. - С. 3-13.

Леонтьев Д.А. Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи : сб. науч. раб. к 70-летию со дня рожд. А.А. Леонтьева / под ред. Т.В. Ахутиной, Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2008. - С. 205-225.

Леценко Ю.Е. Становление лексикона билингва (по данным ассоциативного эксперимента) : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Пермь, 2005. - 18 с.

Лингвистический энциклопедический словарь I главн. ред. В.Н. Ярцева. - М.: «Советская энциклопедия», 1990. - 685 с.

Ломов Б.Ф., Беляева А.В., Носуленко В.Н. Вербальное кодирование в познавательных процессах: Анализ признаков слухового образа. - М.: Наука, 1986. - 128 с.

Ломов Б.Ф., Николаев В.И., Рубахин В.Ф. Некоторые вопросы применения математики в психологии // Психология и математика. - М., 1976.

Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект : монография. - М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. - 234 с.

Лукашевич Е.В. Теория значения слова: эволюционно-прогностический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 2003. - 47 с.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). - Новосибирск: Наука, 1986. - 230 с.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. - 253 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. - 320 с.

Льюс Р., Галантер Е. Психофизические шкалы // Психологические измерения / пер. с англ. - М.: Мир, 1967. - С. 9-110.

Ляудис В.Я. Психологические проблемы развития памяти // Исследование памяти. - М., 1990. - С. 20-44.

Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1997. - 72 с.

Маскадыня В.Н. Нормативные данные для 50 субстантивных категорий: На материале русского языка. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1987. - 160 с. - Деп. В ИНИОН АН СССР 31.07.87, № 30609.

Маскадыня В.Н. Отнесение к категории как способ идентификации значения слова текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1989. - 16 с.

Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - 224 с.

Медведева И.М. Опыт психолингвистического исследования антонимии // Психологические исследования в области лексики и фонетики. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1981. - С.68-81.

Медведева И.Л. Связи типа «и / или» в лексиконе человека : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1989. - 16 с.

Медведева И.Л. Психолингвистические аспекты функционирования иноязычного слова : монография. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999а. - 111 с.

Медведева И.Л. Психолингвистические аспекты функционирования лексики неродного языка : автореф. дис.... д-ра филол. наук. - Уфа, 2000б. - 46 с.

Медведева И.Л. Интернет и коллективное знание // Вестник Тверского государственного университета. - 2006. - № 2 (19). - Серия «Филология» - Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - С. 57-65.

Мельникова О.А. О роли измерений в процессе познания. - Новосибирск: Наука, 1968. - 96 с.

Менегетти А. Проект «Человек». - 2-е изд., испр. / пер. с итальянск. - М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005. - 336 с.

Мецианинов И.И. Члены предложения и части речи. - Л.: Наука, 1978. - 387 с.

Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания - 2-е изд., доп. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. - 560 с.

Михайлова С.Е. Особенности понимания крылатых слов носителями языка : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2003. - 18 с.

Молодо, но не зелено // Вокруг света. - 2004. - № 7(2766). - С.200.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика - М.: Радуга, 1983 - С.37-89.

Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Уфа, 2000. - 39 с.

Мукушева Г.Р. Методика обучения студентов экономических специальностей пониманию иноязычных текстов на слух (английский язык): автореф. дис. ... канд. педагогич. наук. - Алматы, 2001. - 24 с.

Мяглова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования : монография. - Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1990. - 110 с.

Мяглова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. - Курск: Изд-во Курск, гос. пед. ун-та, 2000а. - 110 с.

Мяглова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории : автореф. дис.... д-ра филол. наук. - М., 2000б. - 43 с.

Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР.-М.: Наука, 1972.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие. - М.: Высшая школа, 1988. - 168 с.

Новейший психологический словарь I В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь / под общ. ред. В.Б. Шапаря. - 2-е изд. - Ростов н/Д.: Феникс, 2006. - 808 с.

Новейший философский словарь I сост. и главн. науч. ред. А.А. Грицанов. - 3-е изд. испр. - Минск: Книжный дом, 2003. - 1280 с.

Новичихина М.Е. Психолингвистическое исследование лексических противопоставлений : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Воронеж, 1995. - 16 с.

Овечкина О.П. К межъязыковому сопоставлению значения и смысла слов // Психологические и лингвистические проблемы языковых контактов : межвуз. сб. ст. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1978. - С.93-102.

Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика : учеб пособие к спецкурсу. - Пермь: Перм. гос. ун-т, 1994. - 124 с.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности : автореф. дис.... д-ра филол. наук. - СПб., 2002. - 30 с.

Овчинникова И.Г. Берснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон млад-

шего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). - Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2000. - 312 с.

Основы теории речевой деятельности : коллективная монография / отв. ред. А.А. Леонтьев. - М.: Наука, 1974. - 368 с.

От редактора // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. - М.: Наука, 1971. - С.3-4.

Палермо Д.С. Словесные ассоциации и речевое поведение детей // Изучение развития и поведения детей / под ред. Л.П. Липсита и Ч.К. Спайкера. -М.: Просвещение, 1966.-С. 241-246;

Палкин А.Д. Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей. - М: НОУ МЭЛИ, 2004. - 360 с.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании : монография. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. - 177 с.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания : монография. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.-208 с.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики : учеб. пособие. - Смоленск: Изд-во Смоленск, гос. ун-та, 1997.-400 с.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики.- 2-е изд., доп.- СПб.: Питер, 2005.-480 с.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Нистратов А.А. Влияние аффекта на семантическую организацию значений // Текст как психолингвистическая реальность. _ М., 1982. - С. 60-30.

Петренко В.Ф., Нистратов А.А. Коэффициенты образности, конкретности и эмоциональной значимости для 84 русских существительных // Общение, текст, высказывание : сб. ст. - М., 1981. - С. 5-17.

Петренко В.Ф., Шмелев А.Г., Нистратов А.А. Метод классификации как экспериментальный подход к семантике изобразительного знака // Вестник Московского университета. -Сер.14. Психология. - 1978. -№ 4. - С. 25-37.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. - 496 с.

Пищальникова В.А. К характеристике методологии современной лингвистики // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : мат-лы междунар. шк.-семинара (VI Березинские чтения). - М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010.-Вып. 16.-С. 169-175.

Пищальникова В.А., Герман И.А. Лингвосинергетика: тенденции развития // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. - Барнаул : Алтайск. гос. ун-т, 2000.-С. 5-19.

Пищальникова В.А., Сонин А.Г., Тимофеева М.К. Современные парадигмы языкознания. - М.: АСОУ, ИНИОН РАН, 2010. - 72 с.

Поддяков Н.Н. Новые подходы к исследованию мышления дошкольников // Вопросы психологии. - 1985. - № 2. - С. 105-117.

Поймёнова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 1999. - 16 с.

Поливанов Е.Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике // История советского языкознания : хрестоматия / сост. Березин Ф.М. - М.: Высшая школа, 1981. - С. 147-149.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М.: Искусство, 1976. - С. 465—466.

Рамуль К.А. Введение в методы экспериментальной психологии. - 3-е изд. - Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1966. - 329 с.

Рассел Б. Человеческое познание: его сферы и границы. - М.: Изд-во иностр. лит., 1957.

Рафикова Н.В. Динамика ядра и периферии семантического поля текста : автореф. дис.... канд. филол. наук. -Тверь, 1994. - 16 с.

Рёшлен М. Измерение в психологии // Экспериментальная психология / под ред. П. ФрессаиЖ. Пиаже.-М., 1966. -Вып. 1-2.-С. 195-237.

Рогожников Т.М. Развитие значения полисемантического слова у ребенка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1986. - 14с.

Рогожников Т.М. Свободный ассоциативный эксперимент с людьми преклонного возраста: вопросы организации и предварительные итоги // Психолингвистические проблемы фонетики и лексики. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1989. - С.105-110.

Рогожников Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова : монография. - Уфа, УГАТУ, 2000а. - 242 с.

Рогожников Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Уфа, 2000б. - 42 с.

Родионова Т.Г. Стратегии идентификации неологизмов-глаголов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 1994. - 16 с.

Роммтейт Р. Слова, значения и сообщения // Психолингвистика за рубежом. - М.: Наука, 1972.

Рубинштейн С.М. О мышлении и путях его исследования. - М.: Изд-во АН СССР, 1958.-147 с.

Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики психологии. - М.: Наука, 1997. - 462 с.

Рублёва О.С. Слово в электронном словаре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2009. - 19 с.

Русский ассоциативный словарь Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. - В 6 кн. - М.: «Помовский и партнеры», 1994-1998.

Русский ассоциативный словарь информационных технологий // Филиппович Ю.Н., Черкасова Г.А., Дельфт Д. Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языках. - М.: Изд-во МГУП, 2002.

Сазонова Т.Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных) : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 1993. - 17 с.

Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: монография-Тверь: Твер. гос. ун-т,2000а.-134с.

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова : автореф. дис.... д-ра филол. наук. - М., 2000б. - 46 с.

Салихова Э.А. Структура ассоциативных полей лексических единиц при детском билингвизме : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Уфа, 1999. - 20 с.

Салихова Э.А. Изучение структуры ассоциативных полей слов: опыт теоретико-экспериментального исследования : монография. - Уфа: Восточный ун-т, 2002. - 168 с.

Сачихова Э.А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме : автореф. дис.... д-ра филол. наук. - Уфа, 2007. - 49 с.

Саркисова Э.В. Стратегии и опоры при идентификации незнакомых слов иностранного языка (экспериментальное исследование) // Слово и текст : сб. науч. тр. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. - Вып. 10. - С. 143-148.

Сахарный Л.В. К экспериментальному исследованию осознания значения слова (соотношение лексического значения и словообразовательной структуры) // Живое слово в русской речи Прикамья. - Пермь: Перм. гос. ун-т, 1972. - Вып. 3. - С 57-78.

Сахарный Л.В. «Контекстное» и «неконтекстное» в восприятии лексико-

семантической стороны слова // Смысловое восприятие речевого сообщения. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1976. - С. 107-114.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику : курс лекций - Л.: ЛГУ, 1989 - 184 с.
Сеченов И.М. Избранные произведения. - М.: Учпедгиз, 1953. - 355 с.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева и др. - М.: МГЛУ; Ин-т языкознания РАН, 2004. - 792 с.

Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика / пер. с англ. - М.: Прогресс, 1976. - 350 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка (пробные статьи) // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.-С. 117-142.

Словарь ассоциативных норм русского языка I под ред. А.А. Леонтьева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. - 201 с.

Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. - М.: Смысл, 2003. - 687 с.

Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка: В 2-х ч. - Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогич. ун-та, 1996. - Ч. 1 - 165 с; 4.2 - 305 с.

Сокулер З.А. Проблема обоснования знания (Гносеологические концепции Л.Витгенштейна и К.Поппера). - М., 1988.

Соловьева М.В. Стратегии понимания иноязычного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2006. - 15 с.

Соловьева Н.В. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола текста : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Саратов, 1989. - 16 с.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. - М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. - 220 с.

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дис.... д-ра филол. наук. - М., 2006.-42 с.

Стернин И.А. О понятиях метод, методика, прием // Вопросы психолингвистики. - 2008.-№ 7. -С. 24-25.

Стивенс С.С. Математика, измерение и психофизика // Экспериментальная психология / под ред С.С. Стивенса. - М., 1960. - Т. 1.

Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений // Психологические измерения / пер. с англ. - М.: Мир, 1967.-С. 111-196.

Суходольский Г.В. Анализ и синтез равновесных структур // Психология и математика.-М., 1976.

Теория речевой деятельности. - М.: Наука, 1968. - 272 с.

Тимофеева М.К. Экспериментальные методы к когнитивной лингвистике // *Пищальникова В.А., Сонин А.Г., Тимофеева М.К.* Современные парадигмы языкознания. - М.: АСОУ, ИНИОН РАН, 2010. - С. 45-70.

Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. - Фрунзе: «Мектеп», 1975.-96 с.

Тогова СИ. Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1989.- 17 с.

Тогова СИ. Психолингвистические проблемы неологии : автореф. дис.... д-ра филол. наук. - Воронеж, 2000. - 43 с.

Туркова-Зарайская М.О. Особенности понимания библеизмов современными носителями языка: автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2002. - 18 с.

Ульянов Ю.Е. Латвийско-русский словарь. - Рига: «Зинатне», 1988. - 187 с.

Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2008. - 15 с.

Философский энциклопедический словарь. - М.: ИНФРА-М, 2003. - 576 с.

Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. - М.: Наука, 1971.

Фрумкина Р.М. Сходство и классификация: некоторые общие вопросы // Экспериментальные исследования в психолингвистике: сб. ст. - М., 1982. - С. 8-19.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. - М.: Наука, 1984.-175 с.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика : учебник. - М.: Издательский центр «Академия», 2001.-320 с.

Фрумкина Р.М., Василевич А.П. Получение оценок вероятностей слов психометрическими методами // Вероятностное прогнозирование в речи. - М., 1971. - С. 7-26.

Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Мостовая АД., Рюмина Н.А. Семантика и категоризация: Монография. - М.: Наука, 1991. - 168 с.

Хватова С.С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2004. - 18 с.

Хикс Ч. Основные принципы планирования эксперимента / пер. с англ. - М.: Мир, 1967.-406 с.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. - 2-е изд. - СПб.: Питер, 2002. - 272 с.

Хофмайстер Х. Что значит мыслить философски / пер. с нем. - СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2006. - 448 с.

Цитова А.И. Асацятыуны слошк беларускай мовы. - Мшск: Выд-ва БДУБ 1981. - 144 с.

Черкасова Г.А. Исследование ядра ассоциативно-вербальной сети русского ассоциативного тезауруса // Жизнь языка в культуре и социуме : мат-лы конф., поев. 75-летию Е.Ф. Тарасова (Москва, 14-15 апреля 2010 г.). - М., 2010. - С.246-249.

Чернышева М.А. Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста : автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2010. - 17 с.

Чугунова С.А. Образ ситуации как медиатор процесса понимания художественного текста: автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тверь, 2001. - 16 с.

Чугунова С.А. Концептуализация времени в различных культурах : автореф. дис.... д-ра филол. наук. - Тверь, 2009. - 45 с.

Шабес В.Я. Событие и текст. - М.: Высшая школа, 1989. - 175 с.

Шабес В.Я. Типология градуальных репрезентаций // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст.-Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. - Вып. 11. - С. 30-43.

Шаймерденова Н.Ж., Авакова Р.А. Язык и этнос : учеб.-методич. комплекс. - 2-е изд., дораб. - Астана: ИД «Сарыарка», 2008. - 230 с.

Шаймерденова Н.Ж., Бурибаева М.А., Ахметжанова А.И. Язык и культура в ретроспективе памятников письменности : монография. - Астана: «Парасат», 2010. - 274 с.

Швец И.О. Роль языка в структурировании знания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2005. - 19 с.

Шехтер М.С. Зрительное опознание: Закономерности и механизмы. - М.: Педагогика, 1981.-264 с.

Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности : монография. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. - 158 с.

Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. - СПб.: Речь, 2002 - 480 с.

Шмелева Т.В. Виды семантических признаков и их роль в выборе опорного слова устойчивого адъективного сравнения // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: сб. ст. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1988а. - С. 60-68.

Шмелева Т.В. Специфика опорного слова устойчивого адъективного сравнения в

английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 19886. - 16 с.

Штейнфельдт Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. 2500 наиболее употребительных слов. - Tallin, 1963.

Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами) : автореф. дис. канд. филол. наук. - Тверь, 1997. - 16 с.

Шерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Шерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, 1974. - С. 24-39.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. - ТОО ТК «Петрополис», 1998.-432 с.

Экспериментальные исследования в психолингвистике : сб. ст. / отв. ред. Р.М. Фрумкина. - М., 1982. - 142 с.

Экспериментальные методы в психолингвистике : сб. ст. / отв. ред. Р.М. Фрумкина. - М., 1987. - 196 с.

Юрченко В.С. Уровни языковой семантики // Дом бытия : Альманах по антропологической лингвистике. - Саратов, 1995. - С. 29-39.

Ямпольская АЛ. Синонимия как средство создания рекламного образа (экспериментальное исследование): автореф. дис. канд. филол. наук. - Курск, 2009. - 22 с.

Altarriba, J., Bauer, L.M. & Benvenuto, C. Concreteness, context availability, and imageability ratings and word associations for abstract, concrete, and emotional words // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* - 1999. - Vol. 31. - Pp. 578-602.

Anderson, B.F. The psychology experiment: An introduction to the scientific method. - Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, 1966. - 162 p.

Anglin J.M. The growth of word meaning. - Cambridge, MA : The MIT Press, 1970.

Ashcraft, M. Property norms for typical and atypical items from 17 categories: A description and discussion // *Memory & Cognition.* - 1978. - Vol. 6 (3). - Pp. 227-232.

Balota, D.A., Cortese, M.J., Hutchison, K.A., Neely, J.H., Nelson, D., Simpson, G.B. & Treiman, R. The English Lexicon Project: A web-based repository of descriptive and behavioral measures for 40,481 English words and nonwords (2002). Accessed September 30, 2004, on Washington University Web site: <http://elexicon.wustl.edu>.

Balota, D.A., Piloti, M., & Cortese, M.J. Subjective frequency estimates for 2,938 monosyllabic words // *Memory & Cognition.* - 2001. - Vol. 29. - Pp. 639-647.

Barca, L., Burany, c., & Arduino, L.S. Word naming times and psycholinguistic norms for Italian nouns // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* - 2002. - Vol. 34. - Pp. 424-434.

Battig, W.F., & Montague, W.E. Category norms for verbal items in 56 categories: A replication and extension of the Connecticut category norms // *Journal of Experimental Psychology.* - 1969. - Vol. 80. - N.3. - Pt.2. - Pp. 1-16.

Bellezza, F.S., Greenwald, A.G., & Banaji, M.R. Words high and low in pleasantness as rated by male and female college students // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* - 1986. - Vol. 18. - Pp. 299-303.

Bird, H., Franklin, S., & Howard, D. Age of acquisition and imageability ratings for a large set of words, including verbs and function words // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* - 2001. - Vol. 33. - Pp. 73-79.

Bol, E. The word in foreign-language teaching. - Psychological laboratory. University of Utrecht, Netherlands, 1967.

Bradley, M.M. & Lang, P.J. Affective norms for English words (ANEW): Instruction manual and affective ratings: Technical Report C-1. - University of Florida, The Center for Research in Psychology, 1999 [Электронный ресурс].

Brown, W.P., & Ure, D.M.J. Five rated characteristics of 650 word association stimuli //

British Journal of Psychology. - 1969. - Vol. 60. - Pp. 233-249.

Burke, D.M., Peters, L. & Rose, M.H. Word association norms for young and older adults // *Social and Behavioral Science Documents.* - 1987. - Vol. 17 (2) [Электронный ресурс].

Carroll, J.B. & While, M.N. Age of acquisition norms for 220 pictureable nouns // *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior.* - 1973. - Vol. 12. - Pp. 563-576.

Clark, J.M., & Paivio, A. Extensions of the Pavio, Yulle, and Madigan (1968) norms // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* - 2004. - Vol. 36. - Pp. 371-383.

Cortese, M., & Fuggett, A. Imageability ratings for 3,000 monosyllabic words // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* - 2004. - Vol. 36. - Pp. 384-387.

De Deyne, S. & Storms, G. Word associations: Norms for 1,424 Dutch words in a continuous task // *Behavior Research Methods.* - 2008a. - Vol. 40 (1). - Pp. 198-205.

De Deyne, S. & Storms, G. Word associations: Network and semantic properties // *Behavior Research Methods.* - 2008b. - Vol. 40(1). - Pp. 213-231.

Deese, J. On the structure of associative meaning // *Psychological Review.* - 1962. - Vol. 69.

Deese, J. The structure of associations in language and thought. - Baltimore, 1965. - 216 p.

De Groot, A.M.B. Mondelinge woordassociatienomen: 100 woordassociaties op 460 Nederlandse zelfstanige naamwoorden [Oral word association norms: 100 word associations to 460 Dutch nouns]. - Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1980.

de la Haye, F. Normes d'associations verbales chez des enfants de 9, 10 et 11 ans et des adults // *L'Annee Psychologique.* - 2003. - Vol. 103. - Pp. 109-130.

Eco U. Kant and the platypus. Essays on language and cognition. - San Diego; New York; London: Harcourt, Inc., 2000. - 464 p.

Eco, U. The mysterious flame of queen Loana. - London: Vintage Books, 2006. - 458 p.

Entwisle, D.R. Word associations of young children. - Baltimore: The John Hopkins Press, 1966.

Ervin-Tripp, S.M. & Slobin, D.J. Psycholinguistics // *Annual Review of Psychology.* - 1966. - Vol. 17.

Fernandez, A., Diez, M., Alonso, A., & Beato, M. Free-Association Norms for the Spanish Names of the Snodgrass and Vanderwart Pictures // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* - 2004 - Vol. 36(3). - Pp. 577-583.

Ferrand, L. & Atario, F.-X. French word association norms for 366 names of objects // *L'Annee Psychologique.* - 1998. - Vol. 98(4). - Pp. 659-709.

Fivush, R. Scripts and categories: interrelationships in development // *Concepts and conceptual development / Ed. by U. Neisser.* - Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1987. - Pp. 234-254.

Friendly, M., Franklin, P.E., Hoffman, D., & Rubib, D.C. The Toronto Word Pool: Norms for imagery, concreteness, orthographic variables, and grammatical usage for 1,080 words // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers.* - 1982. - Vol. 14. - Pp. 375-399.

Gerrow, J.R. & Pol Ho, E.J. Word association, frequency of occurrence, and semantic differential norms for 360 stimulus words. - The University of Tennessee. April, 1965.

Ghyselmeck, M., Custers, R. & Brysbaert, M. Age-of-acquisition ratings for 2322 Dutch words from 40 different semantic categories // *Psychologies Belgica.* - 2003. - Vol. 43. - Pp. 181-214.

Ghyselmeck, M., De Moor, W. & Brysbaert, M. Age-of-acquisition ratings for 2816 Dutch four- and five-letter nouns // *Psychologica Belgica* - 2000 - Vol. 40. - Pp. 77-98.

Gilhooly, K.J. & Logie, R.H. Age of acquisition, imagery, concreteness, familiarity and ambiguity measures for 1944 words // *Behavior Research Methods & Instrumentation.* - 1980. - Vol. 12. - Pp. 395-427.

Guida, A., & Lend, A. Semantic properties of word associations to Italian verbs // *Italian Journal of Linguistics.* - 2007. - Vol. 19. - Pp. 293-326.

Hamp, B., & Feldweg, H. GermaNet - a lexical-semantic net for German // Proceedings of the ACL Workshop on Automatic Information Extraction and Building Lexical Semantic Resources for NLP Applications. - Madrid, Spain, 1997. - Pp. 9-15.

Hays, W.L. Quantification in psychology. - Belmont, CA: Brooks & Cole, 1967. - 87 p.

Hellevig, J. A Biological Philosophy. Vol. I: The Case Against Noam Chomsky; Vol. II: Mental Processing. - Helsinki, Finland : Russia Advisory Group Oy, 2010. - 576 p.

Hirsh, K.W. & Tree, J. Word association norms for two cohorts of British adults // Journal of Neurolinguistics. - 2001. - Vol. 14(1). - Pp. 1-44.

Howard, D.V. Restricted word association norms for adults between the ages of 20 and 80 // JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology. - 1980. - Vol. 10. - № 6.

Izura, C., Hernandez-Munoz, M., & Ellis, A.W. Category norms for 500 Spanish words in five semantic categories // Behavior Research Methods. - 2005. - Vol. 37. - Pp. 385-397. [Электронный ресурс] www.psychonomic.org/archive

Jenkins, J. The 1952 Minnesota word association norms // *Postman, L. & Keppel, G.* (Eds.). Norms of Word Association - New York; London: Academic Press, 1970. - Pp. 1-38.

Jenkins, J., & Russell, W.A. Systematic changes in word association norms: 1910 - 1952 // Journal of Abnormal and Social Psychology. - 1960. - Vol. 60.

Johnson, S.C. Hierarchical clustering schemes // Psychometrika - 1967 - Vol. 32.

Joyce, T. Constructing a large-scale database of Japanese word associations // Glottometrics. - 2005. - Vol. 10. - Pp. 82-98.

Kent, G.H., & Rosanoff, A.J. A study of associations in insanity. I. Association in normal subjects // American Journal of Insanity. - 1910. - Vol. 67. - Pp. 37-96; 317-390.

Kerr, N.H., & Johnson, T.H. Word norms for blind and sighted subjects: Familiarity, concreteness, meaningfulness, imageability, imagery modality, and word association // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. - 1991. - Vol. 23. - Pp. 461-485.

Kiss, G.R. Words, associations, and networks // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1968. - Vol. 7. - Pp. 707-713.

Kiss, G., Armstrong, C., Milroy, R. & Piper, J. The Associative Thesaurus of English. - Edinburgh: University of Edinburgh, MRC Speech and Communication Unit, 1972. - 1539 p.

Kiss, G., Armstrong, C., & Milroy, R. An associative thesaurus of English and its computer analysis // The Computer and Literary Studies. - Edinburgh: University of Edinburgh, 1973. - Pp. 153-165.

Kurcz, I. Inter-language comparison of word-association responses // International Journal of Psychology, 1966. - Vol. 1. - No. 2. - Pp. 151-161.

Kurcz, I. Polskie normy powszechnosci skojarzen swobodnych na 100 slow z listy Kent-Rosanoffa // Studia psychologiczne. - Warszawa, 1967. - T. VIII (Nadbitka). - 255 s.

Lahl, O., Goritz, A.S., Pietrowsky, R. & Rosenberg, J. Using the World-Wide Web to obtain large-scale word norms: 190,212 ratings on a set of 2,654 German nouns // Behavior Research Methods. - 2009. - Vol. 41 (1). - Pp. 13-19.

Lambert, W.E & Mooze, N. Word-association responses: Comparisons of American and French monolinguals with Canadian monolinguals and bilinguals // Journal of Personality and Social Psychology, 1966. - Vol. 3. - Pp. 313-320.

Lyons, J. Introduction to Theoretical Linguistics. - Cambridge, UK, 1977.

Magyar verbalis asszociaciok 1 [Hungarian Verbal Associations 1 / Ed. By Ballo, L.]. - Szeged, Budapest, Debrecen: Juhasz Gyula Tanarkepzo Foiskola, 1983. - 210 p.

Magyar verbalis asszociaciok 2 [Hungarian Verbal Associations 2 / Ed. By Ujvari, C.]. - Szeged, Budapest, Debrecen: Juhasz Gyula Tanarkepzo FSiskola, 1985. - 204 p.

Marshall, G.R. & Cofer, Ch.N. Associative indices as measures of word relatedness: a summary and comparison of methods // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1963. - Vol. 1. - Pp. 408-421;

Marsalova, L. Slovno-associacne normy I. I-IV trieda ZDS. - Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1972. - 266 s.

MarSalovd, L. Slovno-associacne normy II. V-IX trieda ZDS a vysoka skola. - Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1974. - 497 s.

Marques, J.F., Fonseca, F.L, Morais, A.S., & Pinto, L.A. Estimated age of acquisition norms for 834 Portuguese nouns and their relation with other psycholinguistic variables // Behavior Research Methods. - 2007. - Vol. 39. - Pp. 439-444.

Maturana, H. Metadesign: Human beings versus machines, or machines as instruments of human designs? [Электронный ресурс] http://www.mteco.cl/articulos/metadesign_partel.htm

McGuigan, F.J. Experimental psychology: A methodological approach. - Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1960.

McEvoy, C.I. & Nelson, D.L. Category name and instance norms for 106 categories of various sizes // American Journal of Psychology. - 1982. - Vol. 95. - Pp. 581-634.

McRae, K, Cree, G., Seidenberg, M, & McNorgan, C. Semantic feature production norms for a large set of living and nonliving things // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. - 2005. - Vol. 37(4). - Pp. 547-559.

Melinger, A. & Weber, A. Database of noun associations for German (2006) URL: www.coli.uni-saarland.de/projects/nag/.

Miller, G. A. Language and communication. - New York, Toronto, London: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1953. - 298 p.

Miller, G.A. A psychological method to investigate verbal concepts // Journal of Mathematical Psychology. - 1969. - Vol. 6.

Morrison, C.M, Chappell, T.D. & Ellis, A.W. Age of acquisition norms for a large set of object names and their relation to adult estimates and other variables // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. - 1997. - Vol. 50A. - Pp. 528-559.

Moss, H., & Older, L. Birkbeck word association norms [Электронный ресурс].

Nelson, D.L., McEvoy, C.L., & Schreiber, T.A. The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms (1998). URL: <http://www.usf.edu/FreeAssociaou/>.

Novak, Z. Volne slovni paroveasociace v Cestine. - Praha, 1988.

Osgood Ch.E. Lectures on language performance (Springer Series in Language and Communication. Vol.7). - New York: SpringerVerlag, 1980. - 276 p.

Osgood Ch.E., Suci G.J., & Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. - Urbana: University of Illinois Press, 1957. - 346 p.

Paivio, A. dt Begg, I. Psychology of language. - Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1981.

Paivio, A., Yu'dle, J.C. & Madigan, S. Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns // Journal of Experimental Psychology Monograph Supplement. - 1968. - Vol. 70. - No 1, Pt. 2. - Pp. 1-25.

Perez, M.A., & Navalon, C Objective-AoA norms for 175 names in Spanish: Relationship with other psycholinguistic variables, estimated AoA, and data from other languages // Cognitive Psychology. - 2005. - Vol. 17. - Pp. 179-206.

Postman, L. & Keppel, G. (Eds.). Norms of Word Association. - New York; London: Academic Press, 1970. - 466 p.

Porzig, W. Das Wunder der Sprache. - 2. Aufl. - Bern, 1957.

Psychological Scaling. Theory and application / Ed. By H. Gultiksen & S. Messick. - New York: John Wiley & Sons, 1960.

Rosenberg, S. Noun responses to adjectives from the Rosenberg-Carter norms under conditions of controlled association. - Nashville, Tennessee: Peabody College for Teachers, 1965.

Rosenberg, S., & Carter, J. Controlled adjective responses to 53 nouns from Kent-Rosanoff Association test. - Nashville, Tennessee: Peabody College for Teachers, 1965.

Rosenzweig, M.R. Etudes sur l'association des mots // L'Annee Psychologique. - 1957 - Vol. 57. - Pp. 23-32.

Rosenzweig, M.R.. Comparisons among word-association responses in English, French, German and Italian // American Journal of Psychology, 1961. - Vol. 74. - Pp. 347-360;

Rosenzweig, M.R. Word associations of French workmen: Comparisons with associations of French students and American workmen and students // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. - 1964. - Vol. 3. - Pp. 57-69.

Rosenzweig, M.R. International Kent-Rosanoff word association norms, emphasizing those of French male and female students and French workmen // Postman, L. & Keppel, G. (Eds.). Norms of Word Association-New York; London: Academic Press, 1970-Pp.95-176.

Russell, W.A. The complete German language norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff word association test // Postman, L. & Keppel, G. (Eds.). Norms of Word Association. - New York; London: Academic Press, 1970. - Pp. 53-94.

Russell, W.A. & Jenkins, J.J. The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff word association test. - University of Minnesota, 1954.

Russell, W.A. & Meseck, O. Der Einfluss der Assoziation auf das Erinnern von Worten in der deutschen, französischen und englischen Sprache // Zeitschrift für Experimentelle und Angewandte Psychologie. - 1959. - Vol. 6. - S. 191-211.

Ruthrof, H. Semantics and the body: Meaning from Frege to the postmodern. - Toronto: University of Toronto Press, 1997. - 321 p.

Ruthrof, H. The body in language. - London; New York: Cassell, 2000. - 193 p.

Ruts, W., De Deyne, S., Ameel, E., Vanpaemel, W., Verbeemen, T. & Storms, G. Dutch norm data for 13 semantic categories and 338 exemplars // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. - 2004. - Vol. 36. - Pp. 506-515.

Schulte im Walde, S., Melinger, A., Roth, M., & Weber, A. An empirical characterization of response types in German Association Norms // Research on Language and Computation - 2008. - Pp. 1-38.

Snodgrass, J.G., & Vanderwart, M. A Standardized Set of 200 Pictures: Norms for Name Agreement, Image Agreement, Familiarity, and Visual Complexity // Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory. - 1980. - Vol.6. - Pp. 174-215.

Stadthagen-Gonzales, H. & Davis, C.J. The Bristol Norms for Age of Acquisition, Imageability, and Familiarity // Behavior Research Methods. - 2006. - Vol. 38. - Pp. 598-605 [Электронный ресурс].

Stamou, S. et al. BalkanNet: A Multilingual Semantic Network for the Balkan Languages // Proceedings of the 1st International Global WordNet Conference (January 21-25, 2002). - Mysore, India, 2002. - Pp. 12-14. <http://www.ceid.upatras.gr/Balkanet/>

Stevenson, R.A., Mikels, J.A., & James, T. W. Characterization of the Affective Norms for English Words by discrete emotional categories // Behavior Research Methods. - 2007. - Vol. 39. - Pp. 1020-1024

Storms, G. Flemish category norms for exemplars of 39 categories: A replication of the Battig and Montague (1969) category norms: PET studies // Brain. - 2001. - Vol. 124. - Pp 1619-1634.

Szalay, L.B. & Brent, J.E. The analysis of cultural meaning through free verbal associations // Journal of Social Psychology. - 1967. - Vol. 72. - Pp. 161-187.

Szalay, L.B. & D'Andrade, R.G. Scaling versus content analysis: Interpreting word association data from Americans and Koreans // Southwestern Journal of Anthropology. - 1972. - Vol. 28. - № 1. - Pp. 50-68.

Szalay, L.B. & Maday, B.C. Verbal associations in the analysis of subjective culture //

Current Anthropology. - 1973. - Vol. 14. - № 1-2. - Pp. 33-50.

The Concise Oxford Dictionary of Current English / Revised by E. Mcintosh. -Oxford University Press, 1957. - 1536 p.

The Original Roget's Thesaurus of English Words and Phrases : New Edition, completely revised and modernized by R.A. Dutch. - New York: Dell Publishing Co., 1966. - 1405 p.

Toglia, M.P. & Battig, W.F. Handbook of Semantic Word Norms. - Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.-148 p.

Torgerson, W.S. Quantitative judgment scales // Psychological Scaling. - New York, 1960.

Turvey, M.T. & Moreno, M.A. Physical metaphors for the mental lexicon // The Mental Lexicon. - 2006. - Vol. 1. - № 1. - Pp.7-33.

Twilley, L.C., Dixon, P., Taylor, D., & Clark, K. University of Alberta norms of relative meaning frequency for 566 homographs // Memory and Cognition. - 1994. - Vol. 22. - Pp.11-126.

Vinson, D., & Vigliocco, G. Semantic feature production norms for a large set of objects and events // Behavior Research Methods. - 2008. - Vol. 40. - Pp. 183-190.

Violi P. Meaning and experience. - Bloomington: Indiana University Press, 2001. - 291 p.

Yø, M.L.-H., Jacobs, A.M., & Conrad, M. Cross-validating the Berlin Affective Word List // Behavior Research Methods. - 2006. - Vol. 38. - Pp. 606-609.

Vossen, P. (Ed.). EuroWordNet A Multilingual Database with Lexical Semantic Network. -Dordrecht: Kluwer, 1998.

Webster's New World Dictionary of American Language / D.B. Guralnik, General Editor. - New York: Populer Library Inc., 1965. - 632 p.

Wollen, K.A., Cox, S.D., Coahran, M.M., Shea, D.S., & Kirby, R.F. Frequency of occurrence and concreteness ratings of homograph meanings // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. - 1980. - Vol. 12. - Pp.8-15.

Zalevskaya A.A. On the associative structure of memory // Short communications prepared for the XIXth International Psychological Congress (London, August 1969). - Moscow: Psychological Society of the USSR, 1969. - Pp. 156-157.

Zalevskaya A.A. A psycholinguistic approach to the study of mechanisms of free word association // Abstract Guide: XX* International Congress of Psychology (August 13-19, 1972, Tokyo, Japan). - Tokyo, 1972. - P. 400.

Zalevskaya A.A. An experimental study of lexical organization // XXI' Congres International de Psychologie: resumes, Paris 18-25 juillet, 1976 / Societe Francais de Psychologie. - Paris, 1976.-P. 44.

Zalevskaya A.A. Verbal associations in different cultural settings // Recent Trends in Soviet Psycholinguistics. - New York: Sharpe, 1977a. - Pp. 96-102.

Zalevskaya A.A. Verbal associations in different cultural settings // Soviet Psychology: A Journal of Translations. - New York, 1977b. - Vol. XV, № 2. - Pp. 46-52.

Научное издание

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна

**ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКСПЕРИМЕНТА**

Монография

Печатается в авторской редакции

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 26.08.2011. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 336.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.